

Volume 21
№ 2 (75) 2025

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА, ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор Римского Университета Сапиенца, Италия
Ван Чэньсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай
Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия

Йе Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Ишкакова А.О. – профессор кафедры предпринимательского и международного частного права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия

Камолов С.Г. – профессор кафедры управления активами МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, профессор, Россия

Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тйаги Парул – Ph.D. (менеджмент), преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов, Россия

Доктор Герхард Шнайдер – профессор международного менеджмента и политической экономики, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лафборо, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- 3 М.Л. Энтин, Е.В. Злобин
Правовое регулирование российско-алжирских отношений в контексте перестройки системы международных отношений

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 15 А.Ю. Ястребова
Понятие и защита персональных данных в контексте международно-правовой регламентации цифрового пространства
- 26 С.А. Лобанов, А.У. Назарова, А.А. Найденов
Правовое обеспечение кибербезопасности топливно-энергетического комплекса России в контексте реализации Энергетической стратегии до 2050 года
- 35 А.Г. Шишикова
Право собственности и право на уважение частной жизни при наследовании цифровых объектов в праве Европейского союза и на уровне Содружества Независимых Государств
- 47 И.Н. Соловьев
Профилактика телефонного и онлайн мошенничества через корректировку института пожизненной ренты
- 53 П.Н. Ложковой
Милитаризация космического пространства как международно-правовая проблема
- 63 А.В. Часовской
Предпосылки становления правового статуса работников в Мексике

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

- 74 Б.И. Черняховский
Регионализация как этап глобализации: современные тренды и влияние на мировую экономику

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- 84 П.В. Камина
Развитие правового регулирования института государственно-частного партнерства и его значение при реализации инфраструктурных проектов: опыт Российской Федерации и зарубежных стран
- 102 Н.Д. Холин
Институт лоббизма: специфика функционирования, основные тенденции развития

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGBARYAN**

EDITORIAL BOARD:

- Franchesco Adornato** – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D, Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Law, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of Governmental Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Professor, the Department of Business and International Private Law, Kuban State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Professor, Department of Asset Management, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of Governmental Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Ph.D. in Management, Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Moscow, Russia
Dr. Gerhard Schnyder – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of Integration and Human Rights Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko

Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**
Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

POLITICAL ISSUES OF INTERNATIONAL RELATIONS

- 3 **Mark L. Entin, Egor V. Zlobin**
Regulation of Russia-Algeria Relations
in the Context of Restructuring of the System
of International Relations

LAW IN THE MODERN WORLD

- 15 **Alla Yu. Yastrebova**
Concept and Protection of Personal Data
in the Context of International Legal Regulation
of Digital Space
- 26 **Sergey A. Lobanov, Aziza U. Nazarova,
Andrey A. Naydenov**
Legal Support for Cybersecurity in the Russian Fuel
and Energy Sector in the Context of the Energy Strategy
Until 2050
- 35 **Anna G. Shipikova**
Property Rights and the Right to Respect
for Privacy in the Inheritance of Digital Objects
in the Law of the European Union and at the Level
of the Commonwealth of Independent States
- 47 **Ivan N. Solovyov**
Prevention of Telephone and Online Fraud through
the Adjustment of the Institution of a Lifetime Annuity
- 53 **Petr N. Lozhkovoy**
Militarization of Outer Space as
an International Legal Problem
- 63 **Andrei V. Chasovskoi**
The Prerequisites for the Establishment
of the Legal Status of Workers in Mexico

THE TOPICAL ISSUES OF WORLD ECONOMY

- 74 **Boris I. Chernyakhovsky**
Regionalization as a Stage of Globalization:
Current Trends and Impact on the World Economy

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 84 **Peter V. Kamina**
Development of Legal Regulation of the Institution
of Public-Private Partnership and the Role of PPP
in the Implementation of Infrastructure Projects:
the Experience of the Russian Federation
and Foreign Countries
- 102 **Nikita D. Kholin**
Institute of Lobbying:
the Specifics of Functioning,
the Main Development Trends

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век. Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru

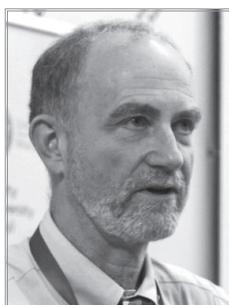
The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
РОССИЙСКО-АЛЖИРСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСТРОЙКИ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Марк Энтин*

Егор Злобин**

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-3-14

***Введение.** Отношения между Россией и Алжиром носят традиционно дружеский характер. Они хорошо вписываются в ускоряющийся процесс трансформации мировой политики и экономики. В 2023 году лидерами государств была подписана Декларация об углублённом стратегическом сотрудничестве, предусматривающая проведение мероприятий по развитию двустороннего сотрудничества, в том числе в рамках международных организаций. Обе страны стремятся к тому, чтобы придать мультицентричному мировому политическому порядку равноправный характер, обеспечивающий ускоренное поступательное развитие всех государств, их независимость, невмешательство во внутренние дела, уважительное отношение к сделанному или выбору модели политического и социально-экономического устройства.*

***Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере международного права: метод системно-структурного анализа; метод синтеза социально-правовых явлений; формально-логический метод; статистический метод.*

***Результаты исследования.** В результате проведенного исследования выявлено, что отношения между Россией и Алжиром активно развиваются как в двустороннем формате, так и в рамках совместной работы внутри международных организаций. Дальнейшее движение в направлении к мультицентричному мировому порядку будет означать, что деколонизацию, начавшуюся в 50-60-х гг. прошлого века, удалось довести до конца.*

* **Энтин Марк Львович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, Москва, Россия

e-mail: kafedra-ide@mgimo.ru

ORCID ID: 0000-0001-9562-8340

****Злобин Егор Викторович**, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, Москва, Россия

e-mail: zlobinegor@outlook.com

ORCID ID: 0009-0005-1997-9364

Обсуждение и заключение. Углубление сотрудничества между Россией и Алжиром может внести весомую лепту в перестройку международных отношений на подобной основе, в том числе с использованием потенциала международных структур и объединений, созданных Москвой или с ее участием. В статье рассматривается развитие правовой базы взаимодействия двух государств в свете геополитических изменений и основные направления их сотрудничества.

Введение

В последние годы происходит активное углубление двустороннего стратегического партнерства Российской Федерации и Алжирской Народной Демократической Республики, в связи с чем особую актуальность приобретает международно-правовое регулирование отношений двух государств.

Алжир является одним из ключевых государств в африканском регионе [28. С. 511], обладает значительными запасами энергоресурсов и выступает активным игроком на международной арене. Алжирская Народная Демократическая Республика является одним из основателей Африканского союза¹ и Союза арабского Магриба², играет важную роль в их развитии. При этом Алжир в значительной степени разделяет российский взгляд на вопросы глобального порядка. Обе страны выступают против политики неокolonизма и гегемонии западных государств, что находит отражение в их позициях в рамках международных организаций, а также в двусторонних договорах.

В текущей непростой геополитической ситуации перед Россией и Алжиром остро стоит вопрос активного участия в совместных проектах, создания условий для увеличения уровня торгово-экономических, политических отношений в целях наращивания международной активности и сдерживания влияния США, Франции, Европейского союза и Запада в целом. Успешное

сотрудничество в экономике, политике, торговле, образовании и других областях невозможно без ясного понимания позиций обоих договаривающихся государств, в связи с чем стратегическое партнерство Российской Федерации и Алжирской Народной Демократической Республики зафиксировано в ряде международно-правовых актов.

В последние годы российско-алжирское сотрудничество активно развивается, что подтверждается подписанием президентами стран в 2023 году Декларации об углубленном стратегическом партнерстве³ и ряда соглашений, направленных на углубление взаимодействия в различных областях: космической, экологической, культурной, юридической и других⁴.

В данной статье рассматривается развитие правовой базы взаимодействия двух государств в свете геополитических изменений и основные направления их сотрудничества.

Исследование

Дружеские доброжелательные отношения алжирского народа, правительственных, военных и предпринимательских элит, образовательного сословия к Российской Федерации имеют прочные исторические основания. Москва внесла весомый вклад в процесс деколонизации ранее зависимых народов, в завоевание Алжиром политической независимости.

Следует подчеркнуть, что несмотря на сохраняющуюся значимость темы деколонизации, она практически исключена

¹ Charter of the Organization of African Unity. 25 May 1963. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20479/volume-479-I-6947-English.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

² Treaty Introducing the Arab Maghreb Union. 17 February 1989. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201546/volume-1546-I-26844-English.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

³ Декларация об углублённом стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Алжирской Народной Демократической Республикой. 15 Июня 2023 года. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5954> (дата обращения: 08.05.2025).

⁴ Документы, подписанные по итогам российско-алжирских переговоров. 15 Июня 2023 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5953> (дата обращения: 08.05.2025).

из фокуса западной академической мысли. Вместо этого внимание зарубежных исследователей сосредоточено на таких аспектах, как процессы модернизации, вестернизации, демократизации, концепции догоняющего развития и интеграции в глобальные системы [24. С. 142; 25 С. 116; 27. С. 23].

Как правило, на Западе анализ деколонизации осуществляется преимущественно историками [14. С. 432], которые акцентируют внимание на хронологическом описании событий и настаивают на исчерпанности тематики достижения независимости странами Азии, Африки и Латинской Америки, оставляя в стороне глубокий правовой и политический анализ. Такой подход представляется предвзятым и ограниченным. Напротив, в российской научной традиции сформирована максимально объективная теория деколонизации, учитывающая не только исторические предпосылки, но и правовую, политическую, экономическую и стратегическую составляющие.

В соответствии с ней вопрос деколонизации продолжает оставаться чрезвычайно актуальным, поскольку множество африканских стран получили лишь юридическое признание суверенитета, не располагая при этом реальной независимостью в политико-экономическом смысле.

Свой вклад в развал колониальной системы в XX веке, правда, в корне различного характера, внесли СССР, США и сами метрополии, против грабительского курса которых не могли не восстать эксплуатируемые народы [23. С. 125]. Однако, если для США ключевым было получение доступа к политическим и экономическим ресурсам развивающихся государств, что позволяло укреплять влияние и расширять рынки сбыта [26. С. 65], то Советский Союз, что принципиально важно, рассматривал страны Африки, прежде всего, как потенциальных стратегических союзников, а государства, принявшие социалистический курс, — как "младших братьев" в борьбе с колониализмом и империализмом [1. С. 144; 8. С. 310; 9. С. 512; 11. С. 361; 12. С. 376; 13. С. 192; 15. С. 368; 19. С. 476; 21. С. 297].

В этом контексте особое значение Москва изначально придавала отношениям с Алжиром. 3 октября 1960 г. в Нью-Йорке глава правительства СССР Н.С. Хрущев принял членов алжирского правительства, которые также участвовали в работе XV сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) Организации Объединенных Наций (ООН). 8 октября 1960 г.

Хрущев заявил, что эта встреча означает признание Временного правительства Алжирской Республики де-факто: «Я считаю, что не только мы его признаем, но его признают многие страны мира, и в первую голову его признал президент Франции де Голль, который вступил в переговоры с представителями этого временного алжирского правительства. Я уже раньше отвечал на подобные вопросы, говорил, что мы, советские люди, симпатизируем всем колониальным народам, борющимся против колонизаторов, за свою независимость. Как же мы можем исключить такой великий народ, как арабский народ, который борется за свою независимость, за свою свободу? Мы приветствуем его борьбу. Мы оказывали и будем оказывать всемерную помощь, которая нам доступна, какая будет полезна для алжирского народа в его борьбе за свою независимость, за свою свободу» [18. С. 747].

Советский Союз стал первым в мире государством, установившим 23 марта 1962 года дипломатические отношения с Алжиром, причём за 4 месяца до официального провозглашения его независимости 5 июля, а также оказывал значительную поддержку Алжиру в освободительной войне, содействовал обретению им суверенитета, поставлял оружие, в стране работали советские военные советники [5. С. 51].

При содействии СССР в Алжире было создано более 80 народнохозяйственных объектов [6. С. 17.], развивались энергетика, машиностроение, горнодобывающая промышленность, металлургия, сельское хозяйство; советские специалисты оказывали помощь в подготовке национальных кадров для различных отраслей экономики, создали 3 высших учебных заведения и 4 техникума, советские преподаватели участвовали также в подготовке квалифицированных кадров в учебных центрах профтехобразования [17. С. 3].

Между государствами был заключен ряд международных договоров для установления и укрепления партнерских отношений.

Соглашение о культурном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Алжирской Народной Демократической Республикой от 10 декабря 1963 года предусматривало установление и обмен культурным опытом. В рамках его исполнения между государствами в 1969 году был заключен Протокол об эквивалентности дипломов об образовании и ученых степеней.

Долгосрочное торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Алжирской Народной Демократической Республикой от 18 февраля 1972 года было заключено в целях развития импорта и экспорта между странами, правительства которых обязались содействовать развитию обмена товарами.

Договор от 23 февраля 1982 года между СССР и Алжирской народной демократической республикой о взаимном оказании правовой помощи регулировал вопросы предоставления правовой защиты и оказания правовой помощи по гражданским и уголовным делам.

Важно отметить, что указанные договоры носили не просто номинальный характер, а эффективно исполнялись: происходил широкий обмен делегациями в сфере культуры, увеличивался товарооборот между странами, регулярный характер приобретали контакты по линии оказания правовой помощи.

В начале 80-х годов интерес алжирской дипломатии к проблемам Третьего мира снизился. Страна сосредоточилась в большей степени на внутренних проблемах. Этот период можно охарактеризовать, как период политического прагматизма в Алжире. С середины 80-х и все 90-е годы государственные структуры в какой-то степени переориентировались на развитие связей с западными державами.

В эти годы Алжир переживал серьезный политический и экономический кризис [4. С. 2]. Отношение к нему со стороны ЕС, Франции, хозяйничавшей когда-то в его экономике, других государств-членов отличались двойственностью. Так, на взаимодействие с Парижем накладывали отпечаток сохраняющаяся зависимость бывшей колонии от метрополии, привязанность к французским рынкам, потребность в кредитах, наличие большого количества алжирских иммигрантов во Франции. Повышенный интерес к привилегированной эксплуатации природных ресурсов, которыми столь богат Алжир, проявляли также Италия, Испания, Бельгия, Великобритания, другие европейские государства.

К 1999 году ситуация меняется. Алжир вступает в период, называемый золотым веком алжирской дипломатии. Страна осуществляет перестройку своей внутренней и внешней политики в соответствии с принципами антиколониализма, антиимпериализма, позитивного нейтралитета [3. С. 135] и стремится развивать внешние связи, следуя

установкам на последовательное равноправие, уважение суверенитета и невмешательство в дела других государств. Частично такая перестройка уходит своими корнями в традиции, которые сформировались под влиянием прошлой социалистической ориентации алжирского государства.

На переломе 80-90-х годов XX века политический истеблишмент США, ЕС, зависимых от них стран и международных организаций провозгласили процесс деколонизации завершенным. В действительности формальное объявление независимости не означало фактического суверенитета ни Алжирской Народной Демократической Республики, ни других государств, поработанных в прошлом бывшими метрополиями. На деле все они, включая Великобританию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Испанию и Португалию, вместе с США разменяли формальную независимость, которой бывшим колониальным народам удалось добиться, на их подчинение западным правилам экономического, технологического и социального развития и западной финансовой системе [20. С. 13].

В результате коллективный Запад сохранил рычаги влияния, позволяющие ему оказывать давление на бывшие колонии исключительно в собственных интересах, усовершенствовав инструментарий неравенства и сделав его менее прямолинейным и открытым, но не менее эффективным.

Бывшие колониальные страны и народы оказались в переходном положении. Обретя формальную свободу, равный международно-правовой статус и видимость политической независимости, они на деле остались в военно-стратегической, экономической, финансовой, технологической, идейной и информационной зависимости от прежних метрополий и государств, присоединившихся к лагерю последних [22. С. 2].

На то, как и в какой форме такая зависимость проявляется, наиболее наглядно указывают череда обострений в отношениях между современным Алжиром и Францией и та фактически перманентная борьба, которую ведет Алжир за собственную самостоятельность в решении вопросов внутреннего развития, государственно-правового строительства, выбора экономических и геополитических партнеров, отстаивания интересов африканских и всех других развивающихся стран.

Одним из регулярно обостряющихся раздражителей в отношениях между Алжиром и Францией является фактически

двурушническая политика Парижа в отношении следования резолюциям Совета Безопасности и Генеральной ассамблеи ООН, подтверждающим право народов Западной Сахары на самоопределение. Летом 2024 года Министерство иностранных дел Алжира обвинило Францию в подрыве международного права и усилий ООН по урегулированию проблем Западной Сахары и отозвало своего посла из Парижа. Это был серьезный шаг в осуждении действий французских властей. В феврале 2025 года Алжир выступил категорически против визита французского министра культуры Рашиды Дати в Западную Сахару, проведенного в контексте дипломатической кампании Франции по легализации и легитимации принятого ранее провокационного решения Парижа о признании односторонне провозглашенного Марокко суверенитета над территорией, а фактически ее аннексии.

Отношения Алжира и Франции никогда не были безоблачными, так как Алжир последовательно проводит политику антиколониализма и стремится к полной фактической независимости от своей бывшей метрополии.

Несостоятельность западного мира, вскрытая первым глобальным финансово-экономическим кризисом 2008 г., затем коронавирусной пандемией, и сделанный им выбор в пользу конфронтации в международных отношениях, торговых, экономических, технологических, санкционных прокси-войн против России, Китая, Ирана, многих других государств, сделавших ставку на проведение самостоятельной внутренней и внешней политики, прямые военные интервенции или их провоцирование послужили спусковым крючком новой волны деколонизации. Ее целями, а равно специфическими особенностями являются борьба глобального большинства за обретение полного фактического, а не только формального равенства и равноправия, за ликвидацию военно-стратегической, экономической, финансовой, технологической, идейной и информационной зависимости, с которыми они мирились ранее.

К тому же монопольное господство Соединенных Штатов Америки и стран Западной Европы в сфере передовых технологий постепенно сходит на нет. Всё больший вклад в обеспечение мирового спроса на инженерные и научные кадры вносит интеллектуальный потенциал государств, ранее считавшихся периферией западной цивилизации. Размещая на своей территории западные

производственные мощности, развивающиеся страны — зачастую по аналогии с жесткой позицией Китая — настаивают на обязательной передаче технологий. Более того, они выкупают, национализируют либо получают контроль над промышленными объектами, научно-техническими комплексами и инновационной инфраструктурой стран Запада. Наиболее активно в этом направлении действуют Китай и Индия, иницилируя масштабные проекты в таких стратегически значимых сферах, как космос, энергетика и высокие технологии [29. С. 40; 30. С. 3; 31. С. 1; 32. С. 2].

Совершенно справедливо в текущих условиях считать, что слагаемыми успеха в продолжающейся борьбе за полную независимость являются: (а) политическая стабильность; (б) правильно выстроенная стратегия экономического развития; (в) всемерное расширение сотрудничества между дружественными странами, в частности, между Россией и Алжиром; (г) включение в состав международных структур нового поколения, созданных совместно или по отдельности Россией, Китаем, Индией, Бразилией и ЮАР, растущим числом ключевых и влиятельных государств планеты; (д) концентрация усилий таких структур, включая Большой БРИКС (БРИКС+) и Шанхайскую организацию сотрудничества, на решении наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются входящие в них государства и глобальное большинство в целом, и важнейших вопросов более общей повестки трансформации мировой политики и экономики в соответствии с требованиями полицентричного мирового устройства.

Вышеуказанные интеграционные объединения вполне могут стать несущими опорами трансрегионального и глобального миропорядка, которые не только формально, но и на практике будут верны целям и принципам Устава ООН. Вместе с тем и им, конечно же, придется находить ответ на общий вызов, с которым сталкиваются все международные публичные организации — серьезно падения эффективности их деятельности [7. С. 1].

В этой связи вполне логичным и естественным представляется углубление стратегического партнерства Алжира с Россией как одной из мировых держав, внесших определяющий вклад в борьбу с колониализмом и неоколониализмом и продолжающих добиваться полной и последовательной суверенизации развивающихся стран Азии, Африки, Америки и Европы.

Политическая стабильность и твердая власть являются ключевыми условиями независимой политики и ускоренного экономического и технологического развития, однако в современном мире они становятся редкостью. Европейские страны сталкиваются с политической фрагментацией и кризисами легитимности. Так, тающее меньшинство электората признает Эмманюэля Макрона заслуживающим отправлять полномочия президента Франции. Фридрих Мерц, ранее согласованный правящими партиями ХДС/ХСС и СДПГ кандидат на должность канцлера Германии, впервые в истории Германии, начиная с середины XIX века, со времен Бисмарка, не смог занять пост главы правительства с первой попытки. Как показало голосование в бундстаге 6 мая 2025 года, он не может рассчитывать на безусловную поддержку даже своих собственных партийцев. Страны Запада переживают политическую нестабильность, подрывающую их внутреннюю и внешнюю политику. Слабость властных структур и потеря доверия граждан ведут к нестабильности и затрудняют реализацию долгосрочных стратегий. Эти процессы оказывают влияние не только на внутренние реформы, но и на международные позиции Европейского союза и Соединенных Штатов Америки, снижая их способность к проведению скоординированной политики и укреплению глобального влияния.

С учетом этого странам глобального большинства тем важнее проявлять заботу в первую очередь об устойчивости и твердости власти и политической стабильности. Именно на это на протяжении всего последнего десятилетия были направлены усилия алжирского руководства и силовых структур, сосредоточившихся на антитеррористической повестке и искоренении террористического подполья. Российская Федерация поддерживает стремление Алжира к обеспечению антитеррористической безопасности. Ими проводятся совместные антитеррористические учения в рамках реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Алжирской Народно-Демократической Республики о военно-техническом сотрудничестве.

Москва на протяжении многих лет последовательно поддерживает стремление Алжира стать в среднесрочной перспективе ведущим региональным промышленным и энергетическим центром Северной Африки. Обе страны выступают за дальнейшее укрепление роли ООН и Совета

Безопасности в поддержании мира и безопасности в условиях полицентричного мироустройства. Это во многом связано со спецификой формирования алжирской государственности, происходившей на фоне постоянного противостояния многочисленным внешним и внутренним угрозам [2. С. 76].

Одной из таких угроз является подмена международного сотрудничества по предотвращению перегрева планеты стратегией декарбонизации. Западные державы, руководствуясь исключительно своими корыстными интересами, активно продвигают и навязывают мировому сообществу собственную климатическую повестку, пытаясь совершить выгодный лишь им одним энергетический переход за счет всех остальных мировых игроков. Многие страны, включая Алжир, придерживаются своей собственной критической позиции, активно поддерживаемой Москвой по данному вопросу.

Как отмечают многие ангажированные исследователи, включая экспертов Центра Карнеги, активное продвижение концепции «зелёной» экономики и, в частности, развитие сектора альтернативной энергетики напрямую связано с необходимостью укрепления энергетической безопасности западных, прежде всего, европейских государств, которые зависят от импорта углеводородов. Именно это, по их мнению, остается ключевым фактором, определяющим вектор экологических и энергетических реформ в глобальном масштабе [16. С. 33].

Однако следование западной модели действий по предупреждению потепления климата, как это во всё большей степени понимают народы геополитического большинства, неизбежно приведет к усилению зависимости развивающихся стран от бывших метрополий и их союзников, закрепит неравномерное распределение финансовых и технологических благ и ресурсов.

Как и они, Алжир скептически относится к такой модели энергетического перехода. Он продолжает делать ставку на системное развитие ТЭКа страны, нефтегазовой и связанных с ней отраслей экономики. Естественным партнером Алжира в этом плане являются российские энергетические гиганты. За последнее время алжирской стороной заключен ряд новых коммерческих соглашений, в том числе, и с российскими компаниями. В 2019 году принят новый закон, посвященный эксплуатации углеводородов, национализации нефтегазовых месторождений и организации Управления

по регулированию углеводородов⁵, одной из целей которого является упрощение работы в стране иностранных компаний. В 2020 году подписан меморандум о взаимопонимании между ЛУКОЙЛ и Sonatrach [10. С. 3]. Продолжается взаимовыгодное сотрудничество между Газпромом и Sonatrach в области совместной геологоразведки в рамках проекта «Эль-Ассель»⁶. Ими обнаружены новые месторождения. Они запланированы к совместной разработке.

Одновременно Алжир проявляет интерес к чистой энергетике, что открывает дополнительные возможности сотрудничества с Россией. 26 марта 2024 года на полях XIII Международного форума «АТОМЭКСПО-2024» Госкорпорация «Росатом» и министерство энергетики и горнорудной промышленности Алжирской Народной Демократической Республики подписали дорожную карту о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях⁷.

Как и в прошлом, для обеспечения экономического, финансового и технологического суверенитета всем государствам, включая Россию, Алжир, Китай, Индию, в целом, странам глобального большинства необходимы индивидуальные стратегии развития. Сегодня данный императив актуален как никогда. Индивидуальные стратегии развития должны учитывать: (1) структуру национальной экономики; (2) уровень экономического и технологического развития; (3) состояние рынка труда; (4) финансовую обеспеченность и масштабы суверенной и корпоративной задолженности; (5) географическое положение; (6) ресурсные возможности; (7) доступные рынки; (8) имеющиеся естественные преимущества для промышленного производства (дешевые энергогенерация, транспорт, рабочая сила, полезные ископаемые), развития сельского хозяйства и АПК (плодородные почвы, длительный вегетативный сезон), предоставления услуг (широкая береговая линия, удачная климатическая зона, современная инфраструктура), создания индустрии стартапов (собственная научно-техническая база, возможность предоставления заемных средств под низкий процент);

(9) перспективы повышения эффективности государственной службы и системы управления экономикой; (10) предшествующий опыт реализации стратегий экономического развития, индикативного планирования, осуществления государственных программ; (11) приоритеты национального развития.

Соответственно двусторонние межгосударственные отношения становятся последовательно и полностью взаимовыгодными, если в их основу удастся положить указанное видение мироустройства, политической стабильности и национальных приоритетов экономического развития. Как раз такое видение сотрудничества и характерно для двусторонних российско-алжирских отношений.

Вместе с тем очень важно было бы трансформировать его в конкретные как двусторонние, так и многосторонние экономические, промышленные, инфраструктурные, технологические, научные, образовательные программы, проекты и достижения. Их реализация Россией и Алжиром может много дать обеим сторонам.

Следуя указанной логике, в 2023 году Россия и Алжир подписали Декларацию об углубленном стратегическом партнерстве. В соответствии с документом стороны подтвердили свою приверженность мультицентричной системе международных отношений и принципам международного права.

Страны условились усиливать партнерство в политической, торгово-экономической, таможенной, финансовой, военно-технической и иных областях.

Лидеры государств, среди прочего, договорились о развитии сотрудничества в области массовых коммуникаций, в том числе о расширении контактов между средствами массовой информации путем обмена контактами и опытом взаимодействия в сфере новых медиа.

Одним из достоинств Декларации является понимание того, как много углубление партнерских отношений может дать обеим сторонам. Так, Москва в состоянии внести большой вклад в обеспечение продовольственной безопасности Алжира. За последние годы Россия стала крупнейшим в мире

⁵ Law No. 19-13 – Law concerning Hydrocarbons. URL: <https://www.iea.org/policies/11809-law-no-19-13-law-governing-hydrocarbon-activities> (дата обращения: 08.05.2025).

⁶ Проект Эль-Ассель // Газпром Интернэшнл. URL: <https://www.gazprom-international.ru/tekhnologii/algeria/proekt-ehl-assel/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁷ Росатом и министерство энергетики и горнорудной промышленности Алжира подписали дорожную карту сотрудничества // Атом Медиа. URL: <https://atommedia.online/2024/03/28/rosatom-i-ministerstvo-energetiki-i-g/> (дата обращения: 08.05.2025).

экспортером пшеницы, масленичных культур, ряда других пищевых товаров, столь нужных Алжиру для удовлетворения потребностей населения.

Существенную помощь в развитии сельскохозяйственного производства в Алжире может оказать наращивание поставок широкой номенклатуры удобрений российскими и белорусскими компаниями.

То же самое касается и других важнейших направлений экономического развития, в том числе таких, как исследование и использование космического пространства, решение задач укрепления кибернетической безопасности, цифровизации, разработки и внедрения систем искусственного интеллекта и информационно-коммуникационных технологий, подготовка высококвалифицированных кадров.

Новые возможности открывает перед Алжиром подключение к работе ШОС, нахождение точек соприкосновения с ОДКБ, создание зоны свободной торговли с ЕАЭС и СНГ. 21 мая 2024 года Алжир подал заявку на получение статуса партнера Шанхайской организации сотрудничества⁸, а 31 мая 2024 года Министр иностранных дел национальной общины за рубежом АНДР Ахмед Аттаф в ходе своего визита в Пекин в рамках Форума сотрудничества Китая и арабских стран посетил Секретариат ШОС и встретился с Генеральным секретарем Чжан Мином⁹.

Министр высоко оценил роль ШОС на международной арене, отметив, что его страна полностью поддерживает цели и принципы Организации. Он выразил готовность к сотрудничеству во всех сферах деятельности ШОС, которая является движущей силой преобразования Евразии в единое пространство мира, стабильности, взаимного доверия и развития. В настоящее время разработаны Программа сотрудничества в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2025–2027 годы, а также Антинаркотическая стратегия ШОС на 2024–2029 годы и план ее реализации.

В экономической сфере ведется подготовка документов, направленных на расширение кооперации в энергетике, транспорте, логистике, охране окружающей

среды, международной информационной безопасности, здравоохранении и спорте. Россия активно содействует достижению практических результатов по всем направлениям деятельности ШОС. В связи с подачей Алжиром и Лаосом заявок на получение статуса партнера обсуждаются меры по повышению эффективности взаимодействия с этими странами в формате «ШОС+». С учетом сложной геополитической ситуации особое внимание уделяется активизации сотрудничества с такими объединениями, как ОДКБ, ЕАЭС, СНГ и АСЕАН.

Колоссальную выгоду сулит подключение Алжира к деятельности Большого БРИКС (БРИКС+). Нет сомнений в том, что Алжир заслуживает полноправное членство в этом межконтинентальном объединении.

Международные интеграционные структуры, созданные совместно и по отдельности Москвой и Пекином, пока еще только накапливают опыт совместной работы государств-членов, определения целей деятельности, реализации принятых решений, воздействия на третьи страны и международные организации.

Безусловно важным направлением их деятельности является создание условий, благоприятных для бизнеса в своих собственных и тех странах, которые выступают в качестве транзитеров, партнеров или просто рынков. В этой связи, помимо политической воли, нужно умение идти на компромиссы, накапливая опыт постановки во главу угла не собственного, а общего интереса. В дальнейшем представляется целесообразным сосредоточиться на расширении объединяющей международной повестки и ее максимально углубленной проработке, основанной на совместной борьбе с наиболее опасными глобальными вызовами, с терроризмом, коррупцией, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, противозаконными односторонними ограничительными мерами, вторичными санкциями и т.д., а также с идеологиями и движениями человеконенавистнического, радикального и экстремистского характера.

Установление Алжиром при поддержке Москвы рабочих связей с ведущими

⁸ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова по итогам заседания СМВД ШОС, Астана, 21 мая 2024 года // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/la/1952204/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁹ Министр иностранных дел и национальной общины за рубежом Алжира посетил Секретариат ШОС // ШОС. URL: <https://rus.sectsc.org/20240531/1372006.html> (дата обращения: 08.05.2025).

интеграционными структурами позволит ему подключиться к обретению такого опыта, приданию ему максимально позитивного характера.

Очевидно, что интересам Алжира, точно так же, как и Москвы, соответствует концентрация усилий этих структур на:

- внедрении практики взаиморасчетов и осуществления банковских транзакций в национальной валюте, переходе к использованию цифровых денежных средств и движению в направлении создания общих валютно-финансовых средств глобального большинства;
- учреждении своих собственных рейтинговых агентств;
- осуществлении больших инфраструктурных проектов, которые приведут к формированию независимых межконтинентальных логистических систем;
- создании системы коллективной энергетической безопасности;
- создании системы коллективной продовольственной безопасности;
- институционализации вспомогательных органов, которым была бы доверена координация национальных программ и проектов обретения технологической независимости и самодостаточности, генерации и освоения высоких технологий;
- адаптации зеленой и цифровой повестки к нуждам развития стран глобального большинства;
- урегулировании территориальных и иных споров между странами глобального

большинства и пресечении иностранного вмешательства в их разжигании.

Для обеспечения эффективной реализации указанных задач необходима разработка нормативно-правовой базы, регулирующей взаимодействие государств как на двустороннем уровне, так и в рамках межгосударственных интеграционных объединений и международных организаций.

Заключение

Российско-алжирские отношения представляют собой важный элемент формирования мультицентричного мирового порядка, основанного на принципах равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Исторически сложившиеся связи между двумя странами, их общая позиция по вопросам деколонизации и противостояния неокOLONIALИЗМУ, а также активное сотрудничество в рамках различных международных структур свидетельствуют о значительном потенциале двустороннего партнерства в том числе на базе международных организаций.

Современные вызовы международной политики требуют укрепления договорно-правовой базы взаимодействия между Россией и Алжиром, что позволит не только расширить экономическое и технологическое сотрудничество, но и создать условия для эффективного противодействия внешним угрозам и влиянию западных держав.

Литература:

1. Александров Ю. Политические системы в странах социалистической ориентации // Советское государство и право. 1985. № 8.
2. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Алжир: региональный лидер или потенциально нестабильное государство? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 5.
3. Богучарский Е. Дипломатия и внешняя политика независимого Алжира: эволюция главных направлений и приоритетов // Россия и мусульманский мир. 2008. № 11.
4. Богучарский Е., Богучарский М. Внешняя политика Алжира на рубеже столетий // Россия и мусульманский мир. 2003. № 8.
5. Богучарский Е.М. СССР и Алжир. 60-е – 70-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. № 3.
6. Бондаренко И.И. Социально-политические преобразования в Алжире // Народы Азии и Африки. 1976. № 1.
7. Бордачев Т. Конец институтов или новые формы международного общения // Международный дискуссионный клуб "Валдай". 2017.
8. Брутенц К.Н. Социалистическая ориентация освободившихся стран: некоторые вопросы теории и практики. М., 1982.
9. Васильев Л.С. История Востока. В 2-х томах. М., 2001.
10. Катона В. Африканское будущее российского нефтегаза // Российский совет по международным делам. 2020.
11. Восточный мир: опыты общественной трансформации. Сб. ст. М., 2001.

12. Государство социалистической ориентации. М., 1975.
13. Гура В.К., Несук Н.Д. Проблемы и пути развития освободившихся стран Африки. Киев, 1981.
14. Кредер А.А. Новейшая история зарубежных стран. 1914-1997. М., 2005.
15. Непомнин О.Е. Живая история Востока. М., 1998.
16. Порфирьев Б. "Зеленая" экономика: реалии, перспективы и пределы роста. М., 2013.
17. Скрипкин А.А. СССР и Алжир. Сотрудничество расширяется // Международная жизнь. 1976. № 7.
18. Старушенко Г.Б. Африка: проблемы социалистической ориентации. М., 1976.
19. Сиполс В.Я. [и др.]. СССР и арабские страны: 1917-1960 гг.: док. и материалы // Министерство иностранных дел СССР.
20. Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 4.
21. Чиркин В.Е. Революционно-демократическое государство современности. М., 1984.
22. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Грядущий «девятый вал» деколонизации // Вся Европа.ru. 2019. № 1-2 (137).
23. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной // Полис. Политические исследования. 2019. № 1.
24. Chrisman L. Postcolonial Contraventions. Cultural Readings of Race, Imperialism and Transnationalism. Manchester; New York, NY. 2003.
25. Durix J.-P. Mimesis, Genres, and Post-colonial Discourse. Deconstructing Magic Realism. New York: Palgrave Macmillan, 1998.
26. Gibbs D.N. The Political Economy of Third World Intervention: Mines, Money, and U.S. Policy in the Congo Crisis. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
27. Gueven F. Decolonizing Democracy. Intersections of Philosophy and Postcolonial Theory. Lanham: Lexington Books, 2015.
28. Hafiane, Abdelwahab. Challenges of activating Algeria's economic diplomacy and stakes of security problem in Africa // القانون والسياسة دفاتر 2024. № 16(2).
29. Rajagopalan, Rajeswari Pillai. India's Space Program: Increasing Proactivism // Asia Policy. 2024. № 4.
30. Wang, Chi & Fan, Quanlin & Li, Chengyuan & Xu, Yongjian. China's Space Science Satellite Series - A Review and Future Perspective // Bulletin of the Chinese Academy of Sciences. 2024.
31. Wang, Q., Chen, Y., Guan, H.; Lyulyov, O., Pimonenko, T. Technological Innovation Efficiency in China: Dynamic Evaluation and Driving Factors // Sustainability. 2022. № 14.
32. Yashvardhan, Vidyasagar & Pyare, Ram & Singh, Ram. Technological Advancement in Digital Farming and India's Present Scenario: A Review // International Journal of Environmental & Agriculture Research. 2022. № 8.

REGULATION OF RUSSIA-ALGERIA RELATIONS IN THE CONTEXT OF RESTRUCTURING OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Introduction. Relations between Russia and Algeria are traditionally friendly. They fit well into the accelerating process of transformation of world politics and economy. In 2023, the leaders of the states signed the Declaration on Deepened Strategic Cooperation, providing for activities to develop bilateral cooperation, including within the framework of international organizations. Both countries seek to give the multicentric world political order an equitable character, ensuring accelerated progressive development of all states, their independence, non-interference in internal affairs, respect for their choice of the model of political and socio-economic structure.

Materials and methods. The methodological basis of the study was formed by the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the field of interna-

tional law: the method of system-structural analysis; the method of synthesis of socio-legal phenomena; formal-logical method; statistical method.

Research results. The research revealed that relations between Russia and Algeria are actively developing both in a bilateral format and within the framework of joint work within international organizations. Further movement towards a multicentric world order would mean that decolonization, which began in the 1950s and 1960s, has been brought to an end.

Discussion and conclusion. Deepening cooperation between Russia and Algeria can make a significant contribution to the restructuring of international relations on a similar basis, including using the potential of international structures and associations created by Moscow or with its participation. The ar-

ticle discusses the development of the legal basis for cooperation between the two states in the light of geopolitical changes and the main areas of cooperation.

Mark L. Entin,
Doctor of Sciences (Law),
Professor, Head of the Department of

Integration Law and Human Rights,
MGIMO University, Moscow, Russia

Egor V. Zlobin,
PhD student, the Department
of Integration Law and Human Rights,
MGIMO University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

право, деколонизация, российско-алжирские отношения, ЕАЭС, ШОС, двусторонние международные договоры, ОДКБ.

Keywords:

law, decolonization, Russian-Algerian relations, EAEU, SCO, bilateral international treaties, CSTO.

References:

- Alexandrov Y., 1985. Politicheskie sistemy v stranah socialisticheskoy orientacii [Political systems in the countries of socialist orientation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*. № 8.
- Vasiliev A.M., Zherlitsyna N.A., 2018. Alzhir: regional'nyj lider ili potencial'no nestabil'noe gosudarstvo? [Algeria: Regional Leader or Potentially Unstable State?]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. [Contours of global transformations: politics, economics, law]*. № 5.
- Bogucharsky E., 2008. Diplomatiya i vneshnyaya politika nezavisimogo Alzhira: evolyuciya glavnyh napravlenij i prioritetov [Diplomacy and foreign policy of independent Algeria: evolution of the main directions and priorities]. *Rossiya i musul'manskij mir [Russia and the Muslim World]*. № 11.
- Bogucharsky E., Bogucharsky M., 2003. Vneshnyaya politika Alzhira na rubezhe stoletij [Foreign policy of Algeria at the turn of the century]. *Rossiya i musul'manskij mir [Russia and the Muslim World]*. № 8.
- Bogucharsky E.M., 2008. SSSR i Alzhir. 60-e – 70-e gody XX veka [The USSR and Algeria. 60-ies - 70-ies of the XX century]. *Novaya i novejschaya istoriya [New and Modern History]*. № 3.
- Bondarenko I.I., 1976. Social'no-politicheskie preobrazovaniya v Alzhire [Socio-political transformations in Algeria]. *Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]*. № 1.
- Bordachev T., 2017. Konec institutov ili novye formy mezhdunarodnogo obshcheniya [The End of Institutions or New Forms of International Communication]. *Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub "Valdaj" [Valdai International Discussion Club]*.
- Brutenz K.N., 1982. Socialisticheskaya orientaciya osvobodivshisya stran: nekotorye voprosy teorii i praktiki [Socialist orientation of the liberated countries: some issues of theory and practice]. Moscow.
- Vasiliev L.S., 2001. Istoriya Vostoka [History of the East. In 2 volumes]. Moscow.
- Katona Victor, 2020. Afrikanskoe budushchee rossijskogo neftegaza [African future of Russian oil and gas]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Russian Council on Foreign Affairs]*.
- Vostochnyj mir: opyty obshchestvennoj transformacii [The Eastern World: Experiences of Social Transformation. Collection of articles]. Moscow, 2001.
- Gosudarstvo socialisticheskoy orientacii [The State of Socialist Orientation]. Moscow, 1975.
- Gura V.K., Nesuk N.D., 1981. Problemy i puti razvitiya osvobodivshisya stran Afriki [Problems and ways of development of liberated countries of Africa]. Kiev.
- Kreder A.A., 2005. Novejschaya istoriya zarubezhnyh stran [Modern History of Foreign Countries. 1914-1997]. Moscow.
- Nepomnin O.E., 1998. Zhivaya istoriya Vostoka [The Living History of the East]. Moscow.
- Porfiriev B., 2013. "Zelenaya" ekonomika: realii, perspektivy i predely rosta ["Green" economy: realities, prospects and limits of growth]. Moscow.
- Skripkin A.A., 1976. SSSR i Alzhir. Sotrudnichestvo rasshiryaetsya [USSR and Algeria. Cooperation is expanding]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]*. № 7.
- Starushenko G.B., 1976. Afrika: problemy socialisticheskoy orientacii [Africa: problems of socialist orientation]. Moscow.
- Sipols V.Y. [and others]. SSSR i arabskie strany: 1917-1960 gg.: dok. i materialy [The USSR and the Arab countries: 1917-1960: doc. and materials]. *Ministerstvo inostrannyh del SSSR [Ministry of Foreign Affairs USSR]*.
- Fituni L.L., 2020. Dovesti do konca process dekolonizacii! [Bring the process of decolonization to an end!]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. [Scientific Notes of the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences]*. № 4.
- Chirkin V.E., 1984. Revolyucionno-demokraticeskoe gosudarstvo sovremennosti [Revolutionary-democratic state of modernity]. Moscow.

22. Entin M.L., Entina E.G., 2019. Gryadushchij «devyatj val» dekolonizacii [The coming "ninth shaft" of decolonization]. *Vsya Evropa.ru [All Europe.ru]*. № 1-2 (137).
23. Entin M.L., Entina E.G., Torkunova E.A., 2019. Novyj etap dekolonizacii: ot formal'noj suverennosti k real'noj [New stage of decolonization: from formal sovereignty to real sovereignty]. *Polis. Politicheskie issledovaniya. [Polis. Political Studies]*. № 1.
24. Chrisman L., 2003. Postcolonial Contraventions. Cultural Readings of Race, Imperialism and Transnationalism. Manchester; New York, NY.
25. Durix J.-P., 1998. Mimesis, Genres, and Post-colonial Discourse. Deconstructing Magic Realism. New York: Palgrave Macmillan.
26. Gibbs D.N., 1991. The Political Economy of Third World Intervention: Mines, Money, and U.S. Policy in the Congo Crisis. Chicago: University of Chicago Press.
27. Gueven F., 2015. Decolonizing Democracy. Intersections of Philosophy and Postcolonial Theory. Lanham: Lexington Books.
28. Hafiane, Abdelwahab, 2024. Challenges of activating Algeria's economic diplomacy and stakes of security problem in Africa. والقانون والسياسة دفاتر [Politics and Law Notebooks]. № 16(2).
29. Rajagopalan, Rajeswari Pillai, 2024. India's Space Program: Increasing Proactivism. *Asia Policy*. № 4.
30. Wang, Chi & Fan, Quanlin & Li, Chengyuan & Xu, Yongjian, 2024. China's Space Science Satellite Series - A Review and Future Perspective. *Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*.
31. Wang, Q., Chen, Y., Guan, H., Lyulyov, O., Pimonenko, T., 2022. Technological Innovation Efficiency in China: Dynamic Evaluation and Driving Factors. *Sustainability*. №. 14.
32. Yashvardhan, Vidyasagar & Pyare, Ram & Singh, Ram, 2022. Technological Advancement in Digital Farming and India's Present Scenario: A Review. *International Journal of Environmental & Agriculture Research*. № 8.

ПОНЯТИЕ И ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Алла Ястребова*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-15-25

Введение. Понятие персональных данных закреплено в международно-правовых актах как совокупность определенных признаков, относящихся прямо или косвенно к физическому лицу, на основе которых оно может быть идентифицировано. Такой широкий подход объясняется особенностями постоянно обновляющихся технологий информационно-коммуникационной среды, возможностью операторов или заинтересованных организаций выявить нужные для их деятельности дополнительные свойства людей в контексте трудоустройства, управления персоналом, осуществления доступных услуг, дистанционного образования, быстрых финансовых расчетов и т.д. При этом остаются значимыми классические права человека, связанные с частной жизнью, конфиденциальностью личных отношений и корреспонденции.

Материалы и методы. В тексте использовано содержание международно-правовых актов и действующего законодательства Российской Федерации, ряд научных трудов отечественных и зарубежных авторов по защите персональных данных и правам человека. Методологическая база представлена методами научного анализа и синтеза, сравнительного правоведения и формальной логики.

Результаты исследования. Международно-правовая защита персональных данных связана с реализацией универсальных стандартов прав человека, спецификой помощи уязвимым категориям, охраной приватности. Значимым моментом выступает принятие Конвенции ООН против киберпреступности 2024 г., в которой установлен перечень деяний, имеющих целью незаконное использование информационно-коммуникационных систем, подлежащих криминализации государствами-участниками. Нормативно-правовая база СНГ включает такие дифференцированные аспекты сотрудничества, как взаимная правовая помощь по обмену персональными данными, развитие регионального цифрового пространства, обеспечение информационной безопасности и должного миграционного контроля. Национально-правовая регламентация применения персональных данных в Российской Федерации учитывает, в том числе, обязательства по межгосударственным договорам с ее участием.

* **Ястребова Алла Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия
e-mail: allayastrebova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3324-9956

Обсуждение и заключение. Предметом особого внимания международного сообщества является доступ детей к цифровым технологиям, использование удалённых форм занятости и гарантии трудовых прав. Нужно отметить активное участие международных органов и специализированных учреждений ООН в поиске решений указанных вопросов. Представляется перспективным инициировать подготовку двусторонних договоров государств с тем, чтобы укрепить унифицированное понимание персональных данных и возможностей их защиты.

Введение

Защита персональных данных индивидуала определяется расширенным пониманием права на частную жизнь и обеспечением безопасности индивидуальных цифровых параметров при сборе, использовании и передаче. Указанная защита регламентируется и на международно-правовом, и на национальном уровне. Сегодня, когда применение искусственного интеллекта активно проникает в любую сферу жизнедеятельности, необходимо ставить вопросы дополнительной систематизации технологий обращения с персональными данными (ПД) с учетом личных прав и свобод человека. Современные алгоритмы позволяют в ускоренном темпе собирать и использовать информацию о человеческой личности, прибегать к контролируемой идентификации для различных целей, поставленных государствами в рамках универсального и регионального сотрудничества. Сочетание устойчивости стандартов прав человека и научного прогресса, определяющего достижения искусственного интеллекта, требует определенных правовых подходов к осмыслению должной международно-правовой основы.

Исследование

Конвенция ООН против киберпреступности, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи 79/243 от 24 декабря 2024 г.

и открытая для подписания¹, связана с признанием возможностей государств по совместному контролю информационного пространства. Появление универсального международного договора подтверждает наличие глобальных угроз для личной безопасности пользователей новейших цифровых технологий на транснациональном уровне. Одновременно цифровая среда становится повседневной для людей; удобство и быстрота любых частных и общественных коммуникаций, получения социальных и транспортных услуг, трудоустройства, визовой поддержки, дистанционной торговли, логистики и образования, банковского доступа, электронного документирования и т.д. предполагают заинтересованность человека в активном использовании этого пространства.

Конвенция против киберпреступности 2024 г. содержит требование криминализации целого ряда деяний, связанных с незаконным использованием информационно-коммуникационных систем (ИКС). К ним относится незаконный доступ и перехват передачи электронных данных, воздействие на них, неправомерное использование электронных устройств, подлог, хищение и мошенничество с использованием ИКС, сексуальные преступления в отношении детей, распространение интимных изображений без согласия, отмывание преступных доходов (ст. 7-17). Пресечение указанных действий напрямую связано с необходимостью усиления защиты личных сведений о физических лицах и уязвимостью определенной возрастной группы.

¹ Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационнокоммуникационных систем, и в обмене доказательствами (дата в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 79/243 от 24 декабря 2024 г. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения 05.05.2025).

Помимо этого, ч. 1 ст. 4 Конвенции закрепляет, что установленные в ней полномочия и процедуры осуществляются в соответствии с условиями и гарантиями, которые предусмотрены внутренним законодательством участников, обеспечивают защиту прав человека в соответствии с международно-правовыми обязательствами по международному праву прав человека и включают в себя принцип соразмерности. При передаче участники обеспечивают, чтобы на полученные персональные данные (ПД) распространялись эффективные и надлежащие гарантии, предусмотренные соответствующей нормативно-правовой базой (ч. 2 ст. 36). Под персональными данными здесь понимается любая информация, относящаяся к определенному или определяемому физическому лицу (п. g) ст. 2).

Соглашение СНГ о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными 2020 г.² обеспечивает сотрудничество государств-участников при их трансграничном использовании и возможность прибегать к системе взаимных запросов. Соглашение включает достаточно широкое определение таких данных. К ним принадлежит любая информация, прямо или косвенно относящаяся к физическому лицу, которое идентифицировано или может быть идентифицировано (ст. 1). В ст. 3 конкретизированы виды ПД, которые могут быть предметом запроса по Соглашению: наличие или отсутствие гражданства; наличие документов о постоянном или временном пребывании либо проживании лица на территории Сторон; постановка лиц на миграционный учет или регистрация по месту жительства (пребывания); выдача виз, дающих право на въезд на территории Сторон; недвижимое имущество, зарегистрированное на имя лица; наличие у него имущественных обязательств; привлечение лица к уголовной или административной ответственности; документы, удостоверяющие личность.

Итак, здесь приведена выборка идентифицирующих физическое лицо индивидуальных признаков, значимых для государств-участников при оказании взаимной правовой помощи. Защита списка ПД от неправомерного или случайного доступа, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления, распространения, иных запретных действий обеспечивается ими так же, как и конфиденциальность в отношении получения и содержания запросов, целевое использование личной информации (ч. 1, 2 и 5 ст. 10).

Соглашение об информационном взаимодействии государств-участников СНГ в области цифрового развития общества 2020 г.³ определяет в качестве одного из его направлений деятельность по развитию регионального цифрового пространства и информационной безопасности (ст. 3).

В Регламенте Европейского парламента и Совета ЕС № 679/2016 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных⁴ под ними понимается любая информация, относящаяся к физическому лицу, с помощью которой оно может быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности, посредством таких критериев, как имя, идентификационный номер, сведения о месторасположении, идентификатор онлайн, либо через один или несколько признаков, определяющих физическую, психологическую, генетическую, ментальную, экономическую, культурную или социальную идентичность данного лица (ч. 1 ст. 4). Таким образом, в праве ЕС присутствует тенденция указания возможных признаков, идентифицирующих личность, в расширенном формате.

В содержании Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. они представлены как любая информация об определенном или определяемом физическом лице

² Российская Федерация является участником Соглашения о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными 2020 г. Федеральный закон о ратификации от 19 ноября 2021 г. № 367-ФЗ. СЗ от 22 ноября 2021 г. № 47. Ст. 7736.

³ Соглашение СНГ о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными 2020 г. Бюллетень международных договоров. 2021. № 9.

⁴ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (accessed 5 May 2025).

(п. «а» ст. 2)⁵. При ратификации указанной Конвенции Российской Федерацией было сделано заявление о неприменении ее норм к ПД, которые обрабатываются физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд, и применительно к сведениям, отнесенным к государственной тайне, согласно российскому законодательству⁶.

В Федеральном законе Российской Федерации «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г.⁷ уточняется, что лицо может быть определенным или определяемым как прямо, так и косвенно (ч. 1 ст. 3). Его правовые нормы учитывают современные формы персональной идентификации (специальные и биометрические), вводят дефиницию биометрических персональных данных в качестве сведений, определяющих физиологические и биологические особенности личности, на основе которых устанавливается его личность, совместно с базовыми принципами их обработки оператором (ч. 1 ст. 11). Предоставление ПД не может быть обязанностью лица, за исключением случаев, связанных с реализацией международных договоров о реадмиссии, проведением государственной процедуры дактилоскопии, геномной регистрации, противодействием коррупции, обеспечением правопорядка и национальной безопасности Российской Федерации (ч. 2 ст. 11). Процедуры трансграничной передачи персональных данных связываются с участием государств в Конвенции Совета Европы 1981 г. или с соответствием национально-правовой системы ее условиям, что предполагает наличие адекватной системы обеспечения конфиденциальности и безопасности ПД при обработке (ч. 2 ст. 12).

Создание в 2021 г. Единой биометрической системы (ЕБС), имеющей статус государственной информационной системы, было построено на принципе добровольного согласия каждого гражданина на хранение

в ней своих данных и праве отзывать такое согласие. Система присваивает пользователям, предоставившим ПД, идентификаторы, которые являются уникальными цифровыми обозначениями сведений о личности. Федеральный закон об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ⁸ позволяет банкам, многофункциональным центрам предоставления государственных и муниципальных услуг и иным организациям, определенным в законодательстве, размещать в ЕБС сведения о лице после проведения идентификации в его присутствии и с его согласия, на безвозмездной основе (ч. 1 ст.4). Оператор ЕБС (Центр биометрических технологий) не вправе предоставлять третьим лицам биометрические ПД, содержащиеся в системе (п. 3 ч. 2 ст. 8), за исключением случаев мотивированных запросов федеральных органов обеспечения безопасности и внутренних дел, в целях обеспечения обороны и безопасности государства, охраны правопорядка, транспортной безопасности и противодействия терроризму (п. 4 ч. 2 ст. 8).

Как можно заметить, современные международно-правовые определения ПД являются достаточно общими и здесь вполне возможны уточнения, которые принадлежат национальному законодательству государств-участников. Тем не менее российские ученые-правоведы выказывают позицию, согласно которой при стремительном развитии современной информационной среды «составить исчерпывающий перечень персональных данных вряд ли возможно, да и нецелесообразно». Предполагается, что «для правоприменителя важно выработать четкие критерии, позволяющие однозначно определить, относится ли та или иная информация к персональным данным» [2. С. 51]. Н.А. Воронков отмечает возможность

⁵ Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS № 108 1981 г. СЗ РФ от 3 февраля 2014 г. № 5. Ст. 419. Российская Федерация продолжает оставаться участником данной Конвенции после выхода из Совета Европы.

⁶ Федеральный Закон о ратификации от 19 ноября 2005 г. № 160-ФЗ. Российская газета от 22 декабря 2005 г. № 288.

⁷ Федеральный закон о персональных данных от 27 июля 2005 г. № 152-ФЗ. СЗ РФ от 31 июля 2005 г. № 31 (ч. 1). Ст. 3451. Действует в редакции от 28 февраля 2025 г.

⁸ Федеральный закон об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ. СЗ РФ от 2 января 2023 г. № 1 (ч.). Ст.19. Действует в редакции от 8 августа 2024 г.

широкого подхода к дефиниции и защите ПД физических лиц (помимо признания в качестве ПД прямых сведений, таких, как серия и номер паспорта, СНИЛС, ИНН), который позволяет определять их в совокупности с другими данными, что будет наиболее предпочтительно ввиду прогресса цифровых технологий [1. С. 78-80].

Итак, персональные данные человека обладают уникальностью и самобытностью, позволяют произвести точную идентификацию личности человека и поэтому подлежат особой защите. По нашему мнению, им должно быть отведено собственное место в области обеспечения информационной безопасности, поскольку получение, использование и обмен ПД производятся операторами в оцифрованном сохраняемом формате, что подразумевает заинтересованность и контроль за ними физических лиц. Целевое назначение таких действий должно быть точно закреплено, понятно и прозрачно для всех участников информационных правоотношений.

Гарантией осуществления законных прав и интересов человека выступает вовлеченность государственных уполномоченных органов в вопросы защиты ПД. В.И.Солдатов справедливо полагает, что должен быть обеспечен «приоритет защиты прав гражданина как основополагающего принципа отношений в сфере сбора, обработки и использования персональных данных. Эта задача особо актуальна в связи с реализацией задачи по созданию цифрового профиля» [6. С. 42]. В числе национальных интересов Российской Федерации в области цифровой экономики, обозначенных в Стратегии развития информационного общества на 2017-2030 годы⁹, предусмотрена защита интересов российских граждан, обеспечение их занятости и правомерного использования персональных данных и данных, полученных из государственных информационных систем (п. 42). Для защиты данных цифровой среды Стратегия определяет необходимым обеспечить баланс

между своевременным внедрением современных технологий и защитой прав граждан, включая право на личную и семейную тайну, и проводить мероприятия по противодействию незаконным обработке и сбору сведений о гражданах неуполномоченными и неустановленными лицами (п. 31).

Право на защиту персональных данных включается в право человека на частную жизнь и, в то же время не регламентировано отдельно в универсальных международно-правовых актах. Как известно, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹⁰ содержит запрет произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, посягательств на неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции, честь и репутацию; индивид обладает правом на защиту закона от подобных действий. Вышеприведенные запреты закреплены также в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.¹¹ И здесь право на частную жизнь дополняется защитой закона от таких вмешательств или посягательств. Данный международный договор устанавливает соответствующие международно-правовые обязательства для государств-участников. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.¹² определяет право каждого индивида на уважение его личной и семейной жизни, на неприкосновенность жилища и тайну переписки (ч. 1 ст. 9).

Персональные данные также с очевидностью формируют понятие частной жизни, представляя собой информацию о семейных, генетических, социальных, культурных особенностях, отличающих каждое физическое лицо. Защита сведений о местоположении обеспечивает неприкосновенность жилища, личная корреспонденция несет информацию, относимую к персональным данным, и потому должна быть неприкосновенной. Зарубежные ученые-правоведы рассматривают персональные данные человека, в том числе, как часть права собственности, модернизируя его понимание (которое не ограничено только правами на вещи)

⁹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» от 9 мая 2017 г. № 203. СЗ РФ от 15 мая 2017 г. № 20. Ст. 2901.

¹⁰ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 05.05.2025).

¹¹ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 05.05.2025).

¹² Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г., действует в редакции Протокола от 14 октября 2022 г. СЗ РФ от 11 марта 2024 г. № 11. Ст. 1483.

в качестве комплекса правоотношений индивидов, включающего их права, законные требования, привилегии, полномочия и иммунитеты. Так, нематериальные формы собственности в сфере информации определяются собственными признаками и предполагают наличие прав, дающих владельцу возможность контролировать ее раскрытие, использование, изменение, воспроизведение. При этом коренным образом меняется представление о праве собственности как категории в правовой теории [11. С. 102-103].

Право на защиту персональных данных закрепляется и рядом универсальных договоров, которые определяют правовое положение отдельных уязвимых категорий. Например, ч. 1 ст. 8 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г.¹³, включает принятие государствами-участниками мер защиты прав детей и их частной жизни, с целью избежать нежелательного распространения информации по установлению их личности. Принцип конфиденциальности направлен на ресоциализацию детей, пострадавших от вовлечения в преступную деятельность по торговле людьми. В ч. 2 ст. 22 Конвенции о правах инвалидов 2006 г.¹⁴ установлено, что государства-участники должны охранять конфиденциальность сведений о личности, состоянии здоровья и реабилитации инвалидов наравне с другими индивидами.

Международно-правовое содержание права на защиту персональных данных частично установлено на региональном уровне. Так, учредительный договор Европейского союза закрепляет право каждого индивида на защиту его ПД (ч. 1 ст. 16 Договора о функционировании ЕС в редакции Лиссабонского договора 2007 г.¹⁵) и возлагает установление правил, относящихся к их защите, на Европейский парламент, Европейский совет и государств-членов (ч. 2 ст. 16). Хартия об основных правах¹⁶ также включает это право и требует обеспечения целевых

условий обработки ПД, без манипуляций, при наличии согласия заинтересованного лица или других правомерных оснований, установленных законом (ч. 2 ст. 8). Хартия определяет право каждого индивида на доступ к собранным ПД и устранение возможных ошибок; соблюдение всех правил подлежит контролю независимого органа (ч. 2 и 3 ст. 8).

С. Эскинс, оценивая право на приватность в европейской системе регулирования прав человека, замечает, что «им обеспечивается та сфера деятельности людей, где они защищены от нежелательного внимания в форме публичности или коммуникаций. Помимо того, приватность включает право на персональное развитие и идентификацию, что гарантирует физическое, нравственное и психологическое единство личности». По мнению автора, значимой особенностью области персональных данных выступает осуществление контроля за соблюдением фундаментальных прав человека в условиях его персонализации информационно-коммуникационной средой [8. С. 1124].

По нашему мнению, при всесторонней цифровизации социальной сферы только строгая система защиты персональных данных может гарантировать особые права и потребности уязвимых категорий. Безусловно, они принадлежат сфере частной жизни и личной безопасности. В.А. Карташкин отмечает, что под воздействием цифровизации происходят фундаментальные изменения для каждого человека и общества в целом; международно-правовой основой защиты остается Билль о правах как общий источник понимания и традиционных, и цифровых прав человека, находящихся в органическом единстве [3. С. 949]. С.Ю. Кашкин и А.В. Покровский предупреждают о негативном влиянии научно-технических достижений на защиту ПД, так как они позволяют вмешиваться в частную жизнь и могут свести на нет это завоеванное людьми право [4. С. 75]. Особое значение здесь должно придаваться международно-правовым

¹³ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml (дата обращения 05.05.2025).

¹⁴ Конвенция о правах инвалидов 2006 г., принята резолюцией ГА 61/106. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения 05.05.2025).

¹⁵ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. Official Journal of European Union. С 306, 17 December 2007. P. 1–271.

¹⁶ Charter of fundamental rights of European Union (2000/C364/01). URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed 5 May 2025).

средствам, поддерживающим правомерные ограничения искусственного интеллекта в контексте примата личных прав и свобод, уникальности самой человеческой личности, особенностей и разумных пределов идентификации.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 78/187 «Права ребенка» от 19 декабря 2023 г., принятая на 78-й сессии¹⁷, сочетает возможности современной цифровизации персональных данных детей и меры по предупреждению государствами-участниками злоупотреблений технологическим прогрессом. В ее содержании выделяются такие цели совместной деятельности, как:

- достижение совместимости цифровой среды с правами ребенка, установленными Конвенцией о правах ребенка 1989 г.;
- гарантии пользования гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами, в полной мере и без какой бы то ни было дискриминации;
- осуществление доступа детей к предоставлению цифровых услуг, без вреда для них, использование цифровой идентификации фактов рождений и имен детей;
- пресечение произвольного или противоправного вмешательства в частую жизнь детей;
- реализация цифровой и информационной грамотности, получение Интернет-доступа детьми, находящимися в уязвимом положении.

Благополучие детей нужно рассматривать в качестве единого комплекса защиты, который имеет назначением физическое и психическое здоровье, состояние удовлетворенности, получение надлежащего образования, социализации, личной, безопасной и полезной идентификации. Австралийские исследователи также устанавливают содержание права ребенка на участие и формирование собственных позиций, которое должно быть обеспечено прозрачными процедурами и принятием обоснованных решений, особенно в вопросе детской безопасности [12. С. 133]. Таким образом, здесь информационные технологии применяются именно

как фактор достижения прогресса при вовлечении детей в социум, формировании ими личного мнения, участии в семейном развитии, осуществлении полезных коммуникаций, учете независимого мнения.

Одновременно получает распространение тенденция включать право на частную жизнь в профессиональную область и трудовую занятость людей. Так, российские ученые-правоведы замечают, что «право на неприкосновенность частной жизни в сфере труда предполагает суверенитет личности за пределами сферы взаимоотношений в системе координат, выстроенной относительно него в силу взаимодействия с работодателем, и включает в себя два аспекта: поведенческий и информационный» [5. С. 98]. В докладе Международной организации труда (МОТ) «Перспективы занятости и социальной защиты в мире в 2021 году: роль цифровых платформ в преобразовании сферы труда»¹⁸ было указано, что условия труда в целом регулируются действующими на той или иной платформе условиями оказания услуг, определяемыми зачастую в одностороннем порядке.

Наряду с новыми прогрессивными перспективами трудоустройства, такие действия, как распределение и оценка работы, управление и контроль за работниками все чаще производится искусственным интеллектом (ИИ). В связи с этим МОТ поощряет систематизацию статуса занятости людей, открытость применяемых алгоритмов, обеспечение самозанятым цифровым работникам права на ведение переговоров и социальное обеспечение, защиту персональных и трудовых данных работников и данных, относящихся к предприятиям и их платформенной деятельности. Западные исследователи, в свою очередь, указывают на сомнительное привлечение ИИ в сфере труда, которое позволяет выявлять работников с целью массового сбора информации, что делает персональные данные уязвимыми и создает раздражающую атмосферу при мониторинге и найме. Сами алгоритмы поиска могут, согласно этой оценке, систематически ставить трудящихся и кандидатов на работу

¹⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 78/187 «Права ребенка» от 19 декабря 2023 г., принятая на 78-й сессии по докладу Третьего комитета. URL: <http://gender.cawater-info.net/publications/pdf/n2342420.pdf> (дата обращения 05.05.2025).

¹⁸ Перспективы занятости и социальной защиты в мире в 2021 году: роль цифровых платформ в преобразовании сферы труда: флагманский доклад МОТ (резюме). Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 2021. 15 с.

в невыгодное положение, на основе признаков расы, половой принадлежности и т.д. Также работодатели используют ИИ для управления персоналом, принятия решений и содействия в области трудоустройства, что исключает личное взаимодействие людей [9. С. 5].

К.Л. Томашевский и Е.В. Чичина говорят о сегодняшнем симбиозе трудовой деятельности и информационной среды и считают, что объединение различных групп платформенно занятых работников обозначает общий для них способ привлечения к труду и его осуществления. При этом платформенная занятость может распространяться на самозанятых лиц, индивидуальных предпринимателей, неформально занятых граждан [7. С. 106-107]. Если мы обратимся к приоритетам МОТ, то они по большинству связаны с распространением общепризнанных трудовых стандартов человека на платформенных работников. Прежде всего, к ним относится право на достойный труд, выраженное в Рекомендации о трудовом правоотношении 2006 г. № 198¹⁹, и, в частности, защита лиц, являющихся сторонами трудового правоотношения, которое может быть установлено с более обширным набором правовых средств и условий (ст. 8, 11 и 12).

В октябре 2017 г. Высший Евразийский экономический совет принял Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. (решение № 12)²⁰. Как один из приоритетов проработки инициатив в рамках данной реализации указано создание Соглашения об обороте данных в Союзе, в том числе, и о защите персональных данных. В содержании указанного правового акта предлагается новое определение «цифровое пространство Союза» как пространства, интегрирующего цифровые

процессы, средства цифрового взаимодействия, информационные ресурсы и совокупность цифровых инфраструктур на основе норм регулирования, механизмов организации, управления и использования (ч. 1).

Модельный миграционный кодекс, который был принят Межпарламентской Ассамблеей СНГ в апреле 2021 г.²¹, включает ст. 7, обеспечивающую защиту персональных данных мигрантов с учетом принципов законности и баланса интересов граждан, семьи, общества и государства. Защита должна быть предоставлена на этапе сбора, обработки, хранения и уничтожения личной информации уполномоченным органом принимающего государства. Нормативными источниками защиты ПД выступают национальное законодательство и международные договоры с участием этого государства, данные мигрантов используются в целях и порядке, определенными Кодексом. Государства-участники СНГ могут обмениваться статистическими данными в сфере миграции, согласно действующим договорам (ст. 6).

Еще одним примером цифрового сбора и обработки персональных данных мигрантов может быть названа Визовая информационная система (ВИС) государств-членов ЕС и других стран, входящих в Шенгенское пространство, предназначенная для организации единого контроля за выдачей виз и видов на жительство гражданам третьих стран. Целями ВИС определены упрощение визовых процедур и иммиграционного контроля на границах ЕС, надлежащая идентификация иностранцев, укрепление правил, установленных Шенгенской информационной системой, предупреждение угроз национальной безопасности государств-членов и борьба с преступностью (ч. 1 ст. 2 Регламента 2021/1134²²). Уполномоченным органам

¹⁹ Рекомендация МОТ о трудовом правоотношении от 15 июня 2006 г. № 198, действует в редакции поправок Рекомендации МОТ от 12 июня 2023 г. № 207. URL: <https://base.garant.ru/2565276/?ysclid=ma8jbmhi2r966582897> (дата обращения 05.05.2025).

²⁰ Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года» от 11 октября 2017 г. № 12. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/412/oum1nggk3ennkdlfrq05u74v0x4t1wcu/scd_10112017_12_doc.pdf (дата обращения 05.05.2025).

²¹ Модельный миграционный кодекс для государств-участников СНГ, принят Постановлением МПА от 16 апреля 2021 г. № 52-3. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/961.pdf?ysclid=ma9nybbuu679232387> (дата обращения 05.05.2025).

²² Regulation (EU) 2021/1134 of the European Parliament and of the Council of 7 July 2021 amending Regulations (EC) No 767/2008, (EC) No 810/2009, (EU) 2016/399, (EU) 2017/2226, (EU) 2018/1240, (EU) 2018/1860, (EU) 2018/1861, (EU) 2019/817 and (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council and repealing Council Decisions 2004/512/EC and 2008/633/JHA, for the purpose of reforming the Visa Information System. Official Journal of European Union. 13 July 2021. L 248/11.

государства, выдающего визу, разрешается использование персональных данных заявителя, включающих информацию о его статусе и мотивах въезда, въездном документе, для формирования отчетности и статистики. Они обязаны обеспечивать безопасность индивидуальных сведений, полученных из базы ВИС (ч. 1 ст. 45а указанного Регламента); сбор сведений в нее осуществляется на основе уважения человеческого достоинства и основных прав, таких как право на частную жизнь и защиту ПД (ч. 2 ст. 7).

Сегодня в вышеприведенных международно-правовых актах защита персональных данных тесно связана с поддержанием информационной безопасности государств и граждан. На наш взгляд, пока технически существует возможность утечки персональных данных человека, взлома самой электронной базы, где они содержатся, или проникновения в нее посторонних лиц, нарушения сохранности индивидуальных идентификаторов, право на частную жизнь не может считаться гарантированным. Расширение сфер применения информационно-коммуникационных технологий в социальной среде облегчает доступ к ней, и в то же время должно контролироваться правомочными организациями и гражданским обществом.

Дж. Ли (правовая школа национального университета Сеула) предлагает межгосударственному сообществу конкретизировать условия сохранности и защиты ПД при трансграничной передаче в двусторонних договорах, которые могли бы предусмотреть: уточнение самой правовой концепции персональной информации; сферы применения указанных соглашений; положения об исключении из передачи определенных видов ПД на постоянной или временной основе; уточнение спорных моментов, относящихся к правилам деятельности иностранных граждан и иностранных компаний; предупреждение злоупотреблений при использовании ПД [10. С. 239-240].

С одной стороны, позитивным фактором представляется реализация общественных отношений в информационно-

технологическом пространстве. Они связаны с быстрыми формами социальной коммуникации, предоставления товаров и услуг, стимулами активной экономической деятельности, что требует создания базы персональных данных людей. С другой стороны, повседневная эволюция информационных технологий опережает усиление соответствующего контроля за их защитой и правомерным использованием.

Заключение

Современное определение персональных данных является близким по своей интерпретации на уровне регионального международно-правового регулирования, которое дополняется национальным законодательством государств-участников. С общих позиций они связаны с информацией, прямо или косвенно идентифицирующей человека. Сегодня защита персональных данных обусловлена классическими универсальными договорами в сфере прав человека, устанавливающими понятие частной жизни и приватности личных отношений и корреспонденции людей. Особые права уязвимых категорий также выступают частью приватности их физического и психологического состояния, взаимодействия с семьей и обществом, формирующей стандарты достойного обращения и уважения потребностей.

Прогресс информационных технологий логично расширяет область применения персональных данных и требует различных видов систематизации. Важно, чтобы контроль уполномоченных органов государства и самих физических лиц позволяли сохранять разумный баланс между упрощением доступа к социальной сфере и личными правами. Стоит заметить, что идентификация человека прежде всего берет за основу индивидуальные свойства, присущие ему, требует конфиденциальности и должна ограничиваться условиями и запросами, направленными на достижение благополучия каждого человеческого существа и приоритеты национальной безопасности государств.

Литература:

1. Воронков Н.А. Определение персональных данных // Молодой ученый. 2022. № 27. С. 78-80.
2. Добробаба М.Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 42-52.

3. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН, серия «Социология». 2022. № 4. С. 949-962.
4. Кашкин С.Ю., Покровский А.В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском союзе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 64-90.
5. Серова А.В., Щербакова О.В. Концепция права на неприкосновенность частной жизни в сфере труда в свете развития цифровой экономики // Государство и право. 2023. № 10. С. 90-99.
6. Солдатова В.И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 2. С. 33-43.
7. Томашевский К.Л., Чичина Е.В. Правовое регулирование платформенной занятости в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Государство и право. 2024. № 12. С. 101-110.
8. Eskens S. The personal information sphere: An integral approach to privacy and related information and communication rights // Journal of the Association for Information Science and Technology. JASIST Wiley. 2020. Vol. 71. P. 1116-1128.
9. Kolahi S.S. Artificial Intelligence and Human Rights // Artificial Intelligence and the Future of International Law: Bridging Rights, Trade, and Arbitration. Edited by A. Poorhashemi. Switzerland: Springer, 2024. P. 1-16.
10. Lee G. Artificial Intelligence and International Law. Singapore: Springer, 2022.
11. Lee P.W. Personal Data as a Proprietary Resource // AI, Data and Private Law: Translating Theory into Practice. Edited by Chan G.K.Y. and Yip M. Oxford, New York: Hart, 2021. P. 91-116.
12. Woodman E., Roche S., McArthur M. Children's participation in child protection – How do practitioners understand children's participation // Child & Family Social Work. 2023. Vol. 28. P. 125-135.

CONCEPT AND PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF DIGITAL SPACE

Introduction. *The concept of personal data established in international legal acts as a set of specific features, relates directly or indirectly to a natural person for identification purposes. Such a broad approach links with particularities of constantly updated technologies in information and communication space, opportunities of operators and stakeholder organizations to identify the additional properties of people in the context of employment, management, available services, distance education, fast finance records etc. At the same time, classical human rights to privacy and confidentiality of personal relations and correspondence stay relevant.*

Materials and methods. *As for the materials, the international legal acts and the Russian legislation, and a number of domestic and foreign scientific papers on personal data protection and human rights, are presented. Methodological foundations are provided with scientific method of analysis and synthesis, comparative-legal and comparative-legal methods.*

Results of the study. *International legal protection of personal data presumes implementation of universal standards of human rights, specifics of help to vulnerable people, guarantees of privacy. The essential point connects with adoption of the UN Convention against cybercrime 2024, where the list of acts aimed at illegal use of information and com-*

munication systems is included, in order to provide their criminalization by State parties. CIS legal base ensures differentiated areas of cooperation, such as mutual legal assistance for exchanging personal data, development of regional digital space, information security and proper migration control. The national regulation of using personal data in the Russian Federation takes into account international legal obligations, which follow from treaties with her participation.

Discussion and conclusion. *Children's access to digital technologies with its positive and socially dangerous functions in the same time, remote forms of employment and guarantees of labor rights are the subject of special concern of international community. The active participation of international organs and UN specialized agencies to find solutions in the above agenda, should be noted. It looks promising to initiate bilateral agreements of states to consolidate a unified understanding of personal data and opportunities to protect it.*

Alla Yu. Yastrebova,
Doctor of Sciences (Law), Professor,
the International Law Chair,
Diplomatic Academy
under the MFA of Russia,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

персональные данные, идентификация физических лиц, информационно-коммуникационные технологии, право человека на частную жизнь, международно-правовая база СНГ и российское законодательство по защите персональных данных.

Keywords:

personal data, identification of natural persons, information and communication technologies, human right to privacy, CIS legal base and Russian legislation to protect personal data.

References:

1. Voronkov N.A., 2022. Opredelenie personalnykh dannykh [Definition of personal data]. *Molodoy uchenyj [Young Scientist]*. № 27. P. 78-80.
2. Dodrobaba M.B., 2023. Ponyatie personalnykh dannykh: problema pravovoy opredelennosti [Concept of personal data: problem of legal certainty]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of Kutafin University (MSAL)]*. № 2. P. 42-52.
3. Kartashkin V.A., 2022. Tsifrovye prava cheloveka: mezhdunarodno-pravovoe i sotsialnoe izmereniya [Digital human rights: international legal and social dimensions]. *Vestnik RUDN. Seriya «Sotsiologiya» [Bulletin of RUDN University. The Sociology series]*. № 4. P. 949-962.
4. Kashkin S.Yu., Pokrovskiy A.V., 2019. Iskusstvennyj intellekt, robototekhnika i zashchita prav cheloveka v Evropeyskom soyuze [AI, robotics and protection of human rights in European Union]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of Kutafin University (MSAL)]*. № 4. P. 64-90.
5. Serova A.V., Shchbakova O.V., 2023. Kontseptsiya prava na neprikosnovennost chastnoy zhizni v sfere trudav v svete razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Conception of right to privacy in the field of labor in the context of digital economy development]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. № 10. P. 90-99.
6. Soldatova V.I., 2020. Zashchita personalnykh dannykh v usloviyakh primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy [Protection of personal data in the conditions of digital technologies using]. *Lex Russica [Russian law]*. T. 73. № 2. P. 33-43.
7. Tomashevskiy K.L., Chichina E.V., 2024. Pravovoe regulirovanie platformennoy zanyatosti v Rossii i za rubezhom: problemy i perspektivy [Legal regulation of the platform employment in Russia and abroad: problems and perspectives]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. № 12. P.101-110.
8. Eskens S., 2020. The personal information sphere: An integral approach to privacy and related information and communication rights. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. Jasist Wiley. Vol. 71. P. 1116-1128.
9. Kolahi S.S., 2024. Artificial Intelligence and Human Rights. *Artificial Intelligence and the Future of International Law: Bridging Rights, Trade, and Arbitration*. Edited by A. Poorhashemi. Switzerland: Springer, P. 1-16.
10. Lee G., 2022. Artificial Intelligence and International Law. Singapore: Springer.
11. Lee P.W., 2021. Personal Data as a Proprietary Resource. *AI, Data and Private Law: Translating Theory into Practice*. Edited by Chan G.K.Y. and Yip M. Oxford, New York: Hart, P. 91-116.
12. Woodman E., Roche S., McArthur M., 2023. Children's participation in child protection - How do practitioners understand children's participation. *Child & Family Social Work*. Vol. 28. P. 125-135.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ДО 2050 ГОДА

Сергей Лобанов*
Азиза Назарова**
Андрей Найденов***

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-26-34

Введение. В статье рассматривается проблема кибербезопасности топливно-энергетического комплекса (ТЭК) России в условиях цифровой трансформации отрасли, обозначенной в Энергетической стратегии РФ до 2050 года. Обоснована актуальность темы в связи с ростом числа кибератак на критическую инфраструктуру и недостаточностью существующих нормативных механизмов.

Материалы и методы. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой анализ, формально-юридический и системный подходы, с опорой на документы стратегического планирования РФ и международные нормативные акты (США, ЕС, КНР).

Результаты исследования. Выявлен пробел в российском законодательстве: отсутствие специального закона о кибербезопасности объектов ТЭК. Проанализированы положения действующих нормативных актов, установлено их фрагментарное и отрасли-нейтральное применение. Приведён анализ зарубежных моделей - NERC CIP (США), директивы NIS 2 (ЕС) и законодательства КНР.

* **Лобанов Сергей Александрович**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового регулирования ТЭК МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9685-8172

** **Назарова Азиза Улугбековна**, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правового регулирования ТЭК МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: nazarazizaa@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3136-1143

*** **Найденов Андрей Андреевич**, магистрант МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: a_naidenov21@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-8865-6834

Обсуждение и заключение. Предложена концепция специального федерального закона о кибербезопасности объектов ТЭК, основанная на принципах превентивности, устойчивости, ответственности и отраслевой специфики. Сделан вывод о необходимости скорейшей законодательной регламентации в целях обеспечения энергетической безопасности России.

Введение

Цифровая трансформация топливно-энергетического комплекса (ТЭК) приносит отрасли несомненные преимущества, повышая эффективность управления и мониторинга. Вместе с тем растущая зависимость энергетической инфраструктуры от информационных технологий порождает новые киберугрозы, способные нанести ущерб энергетической безопасности государства. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р) прямо указывает на необходимость достижения “цифровой зрелости” процессов в энергетике при одновременном обеспечении управляемости и безопасности объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ) в сферах энергетики¹.

Исследование

Цифровизация ТЭК и новые киберугрозы

Активное внедрение цифровых технологий в ТЭК сопровождается появлением новых угроз, на которые традиционные меры безопасности не всегда рассчитаны. Инфраструктура энергетики (электростанции, сети, нефтегазовые объекты, трубопроводы) становится мишенью не только физических диверсий, но и кибератак – злонамеренных воздействий через ИТ-системы управления. Отказ автоматизированных систем может привести к масштабным авариям, нарушению энергоснабжения регионов, экологическим катастрофам и экономическим по-

терям. Современные киберугрозы для энергетики включают: проникновение вредоносного ПО в системы промышленного управления (SCADA/АСУ ТП), ransomware-атаки (вымогательство с шифрованием данных), атаки на цепочки поставок ПО и оборудования, DDoS-атаки на сетевую инфраструктуру, а также целенаправленные действия, подкрепляемые ресурсами иностранных государств (так называемые АРТ-кампании).

Показателен кейс атаки на трубопроводную компанию **Colonial Pipeline** в США (май 2021 года). В результате заражения сетей компании вирусом-вымогателем DarkSide оператору пришлось превентивно отключить ключевые системы управления трубопроводом, что привело к полной остановке транспортировки топлива по крупнейшему магистральному трубопроводу США на пять дней. [2] Colonial Pipeline обеспечивает около 45% потребностей Восточного побережья США в топливе, поэтому кибератака вызвала локальный топливный кризис и вынудила власти ввести режим чрезвычайного положения. [3] Данный инцидент, крупнейший для нефтегазовой инфраструктуры США, продемонстрировал, что уязвимости информационных систем критических объектов ТЭК непосредственно угрожают экономике и безопасности общества. Другой пример – атаки на саудовские нефтехимические объекты с применением вредоноса Triton (2017) и т.д. – подтверждает глобальный характер проблемы.

В условиях цифровизации отечественного ТЭК подобные риски актуальны и для России. Доктрина энергетической безопасности РФ 2019 года относит к числу основных вызовов низкий уровень защищенности

¹ Распоряжение Правительства РФ от 12 апр. 2025 г. № 908-р // Официальный интернет-портал правовой информации. 2025. 14 апр. № 0001202504140013. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=0001202504140013> (дата обращения: 16.04.2025).

объектов ТЭК от актов незаконного вмешательства², к которым в современных реалиях следует отнести и компьютерные атаки. Ущерб от реализации киберугроз в энергетике потенциально выражается в нарушении надежного энергоснабжения потребителей, срыве экспортных контрактов, подрыве экономической стабильности и технологического суверенитета страны. Таким образом, защита критически важных объектов топливно-энергетического комплекса от кибератак выступает неотъемлемой частью понятия энергетической безопасности и требует адекватного правового обеспечения.

В рамках Энергетической стратегии РФ до 2050 года, утверждённой Распоряжением Правительства № 908-р от 12.04.2025, одним из ключевых направлений развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) названо внедрение цифровых технологий, включая искусственный интеллект, автоматизацию, а также развитие сквозных цифровых решений³. Стратегия предусматривает реализацию не менее 36 особо значимых проектов импортозамещения в цифровой сфере (2022–2023 гг.), а также этапную цифровую трансформацию с достижением технологического лидерства к 2050 году. Однако, при всей масштабности цифровизации, в стратегии отсутствует упоминание механизмов кибербезопасности, что подтверждает необходимость разработки специального федерального закона, устраняющего данный пробел.

Нормативно-правовая база РФ в сфере кибербезопасности объектов ТЭК

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646)⁴ задаёт общую стратегическую рамку обеспечения национальной безопасности в информационной сфере. В ней подчёркивается

приоритет защиты критически важных информационных инфраструктур (КИИ) и необходимость совершенствования законодательства для предотвращения компьютерных атак на объекты экономики. Однако сама по себе Доктрина носит доктринально-программный, а не нормативно-обязывающий характер и не содержит отраслевой детализации применительно к топливно-энергетическому комплексу.

Аналогичным статусом обладает Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216)⁵, выступающая ключевым документом стратегического планирования в сфере ТЭК. В ней энергетическая безопасность определяется как состояние защищённости экономики и населения от угроз в сфере энергетике, при котором обеспечивается удовлетворение внутреннего спроса и выполнение экспортных обязательств. В числе угроз зафиксированы технологические риски, включая отставание в разработке и внедрении современных средств защиты, а также недостаточная защищённость объектов ТЭК от незаконного вмешательства. Хотя кибератаки прямо не упомянуты, их правовая природа как разновидности информационно-коммуникационных угроз очевидна в современном контексте.

Отдельного внимания заслуживает Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р)⁶, в которой цифровизация отрасли, внедрение ИИ и автоматизированных систем управления признаны одними из ключевых векторов развития ТЭК. Документ ориентирован на достижение технологического лидерства к 2050 году и подчёркивает приоритет формирования устойчивой, надёжной и управляемой энергосистемы.

² См. п. 20, д) Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 20. Ст. 242.

³ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 12 апр. 2025 г. № 908-р. – М., 2025. – 107 с. – С. 12, 15, 61–62.

⁴ Указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 20. Ст. 2421

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апр. 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // Офиц. интернет-портал правовой информации. 2025. 14 апр. № 0001202504140013. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=0001202504140013> (дата обращения: 16.04.2025)

Однако, несмотря на амбициозные цели цифровой трансформации, Стратегия не содержит нормативных механизмов обеспечения кибербезопасности энергетических объектов.

Таким образом, все три упомянутых документа: Доктрина информационной безопасности, Доктрина энергетической безопасности и Энергостратегия-2050 - формируют стратегическую нормативно-политическую основу, однако не обладают прямым регулирующим действием. Они обозначают векторы и цели государственной политики, создавая политико-правовые предпосылки для последующего нормативного закрепления соответствующих институтов в специализированных законах и подзаконных актах. Отсутствие такого закрепления на сегодняшний день и составляет один из ключевых вызовов правовому обеспечению кибербезопасности объектов ТЭК.

В настоящее время нормативно-правовая база кибербезопасности критически важных объектов в РФ включает ряд федеральных законов и подзаконных актов общего и отраслевого характера. Базовым является Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁷. Он впервые в российском праве ввел понятие критической информационной инфраструктуры и установил обязанности ее субъектов по обеспечению безопасности значимых объектов КИИ. К объектам КИИ, согласно закону, отнесены информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления в ряде жизненно важных сфер, включая энергетику (также топливно-энергетический комплекс прямо назван в Постановлении Правительства РФ от 08.02.2018 г. № 127 в перечне отраслей КИИ⁸). Закон № 187-ФЗ

обязывает владельцев значимых объектов КИИ создавать системы обеспечения безопасности таких объектов и поддерживать их функционирование⁹.

В целом, 187-ФЗ заложил фундамент правового режима кибербезопасности критической инфраструктуры. Однако он носит отраслево-нейтральный характер и устанавливает единые требования для всех сфер (энергетика, транспорт, связь, финансы и т.д.), не учитывая специфику отдельных отраслей. Кроме того, ряд положений закона требует дальнейшей детализации на уровне подзаконных актов (стандарты безопасности, порядок категорирования и взаимодействия, ответственность и т.п.), что в полной мере еще не реализовано. Эти моменты можно отнести к правовым пробелам текущей системы.

Отдельно следует рассмотреть Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»¹⁰. Кибербезопасность напрямую в тексте не упоминается. Тем не менее закон предписывает принятие требований обеспечения безопасности объектов ТЭК и говорит об информационном и научно-техническом обеспечении безопасности ТЭК¹¹. В период с 2011 г. в закон вносились изменения, однако акцент по-прежнему сделан на предотвращении физических угроз (охрана периметра, контрольно-пропускные режимы, категорирование по уровню при терактах и авариях). Таким образом, специализированный «отраслевой» закон о безопасности объектов ТЭК пока не интегрирует аспекты кибербезопасности.

Другие нормативные акты также затрагивают вопросы информационной безопасности в энергетике косвенно. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹² устанавливает об-

⁷ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 февр. 2018 г. № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 8. Ст. 1204

⁹ См. ст. 10, п. 1 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»

¹⁰ Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4604

¹¹ Там же, см. ст. 3.

¹² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448;

щие принципы защиты информации и обязанность обладателей информационных систем принимать меры по предотвращению несанкционированного доступа. Он создает правовую базу для защиты любых информационных систем, включая системы предприятий ТЭК, однако носит рамочный характер. Федеральный закон от 03.12.2011 г. № 382-ФЗ «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса»¹³ создал Государственную информационную систему ТЭК (ГИС ТЭК) – централизованный банк данных о производстве, потреблении и передаче энергоресурсов. Хотя основной акцент Закона – информационное обеспечение отрасли, косвенно он поднимает вопросы безопасности собираемых данных и доступа к ним. Очевидно, что успешное функционирование ГИС ТЭК требует защиты от несанкционированного вмешательства, но специальных норм об этом в законе нет.

Итак, анализ действующего законодательства РФ выявляет *правовой пробел*: отсутствует специальный правовой акт, посвященный именно кибербезопасности объектов ТЭК. Имеющаяся система регулирования фрагментирована: один закон (187-ФЗ) охватывает только значимые объекты КИИ и не учитывает отраслевую специфику; другой (256-ФЗ) охватывает объекты ТЭК, но лишь в контексте физической безопасности; остальные акты дают лишь общие положения. Это затрудняет формирование целостного режима защиты именно для критически важных энергетических объектов – не всех ИТ-систем подряд, а ключевых элементов энергетической инфраструктуры (генерирующие мощности, сети, нефте- и газопроводы, хранилища и т.п.), от стабильной работы которых зависит энергетическая безопасность. Кроме того, отсутствуют закрепленные на уровне закона специальные механизмы обеспечения кибербезопасности в отрасли – такие как обязательная сертификация используемых на объектах ТЭК средств информационной безопасности, регулярные аудиты киберзащищенности компаний ТЭК независимыми органами, отраслевые центры мониторинга киберинцидентов и обмена информацией и т. п. Данные

элементы пока реализуются лишь точечно и на основе подзаконных актов (например, приказы ФСТЭК по аттестации систем или регламенты взаимодействия с ГосСОПКА), либо вовсе остаются на уровне рекомендаций. С учетом растущих угроз цифровой эпохи, такое положение представляется недостаточным.

Международный опыт кибербезопасности энергетической инфраструктуры

США одними из первых столкнулись с проблемой защиты энергосистем от киберугроз и разработали обязательные отраслевые требования. В электроэнергетике действуют стандарты NERC CIP (North American Electric Reliability Corporation – Critical Infrastructure Protection), являющиеся частью национальной системы стандартов надёжности энергосети.

NERC CIP представляет собой комплекс требований кибербезопасности, охватывающих все ключевые аспекты: идентификация и категоризация критически важных киберсистем, управление политикой безопасности и доступом, обучение и проверка надёжности персонала, защита электронных периметров и др. [5]

Ключевая особенность американского подхода – обязательность и системная проверка: стандарты CIP фактически приравнены к законодательству и регулярно проверяются аудиторами. [6] Эта модель стала реакцией на масштабные отключения электроэнергии и рост киберугроз после 2001 года. Также важна роль отраслевых организаций: NERC была создана самими энергетическими компаниями под государственным контролем, что облегчает внедрение требований и обмен данными об инцидентах.

В ЕС кибербезопасность критической инфраструктуры регулируется директивой NIS 2 (Network and Information Security Directive 2) – обновлённой версией первой директивы 2016 года. Новый правовой акт (2022/2555 от 14 декабря 2022 г.) охватывает 18 критически важных секторов, включая энергетику (электроэнергия, нефть, газ, теплоснабжение)¹⁴.

Государства ЕС обязаны разработать национальные стратегии, определить

¹³ Федеральный закон от 3 дек. 2011 г. № 382-ФЗ «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. V). Ст. 7060.

¹⁴ NIS2 Directive [Электронный ресурс] // European Commission – Digital Strategy. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/nis2-directive> (дата обращения: 16.04.2025).

уполномоченные органы и наладить сотрудничество на общеевропейском уровне (обмен информацией, совместные группы реагирования). Компании, относящиеся к основным или важным операторам критической инфраструктуры, обязаны внедрять политики информационной безопасности, осуществлять контроль доступа, использовать криптографию и физическую защиту, регулярно проводить оценку уязвимостей, обеспечивать резервирование и планирование непрерывности, в течение 24 часов уведомлять национальные органы о значимых инцидентах и подавать финальный отчёт и др.

КНР выстроила жёсткую систему киберрегулирувания, охватывающую в том числе энергетику. Базовый Закон о кибербезопасности (принят в 2016 г., вступил в силу 1 июня 2017 г.) устанавливает требования к защите сетей и информации, с особым вниманием к критически важной информационной инфраструктуре (КВИИ): энергетика, транспорт, финансы, госуправление и др.

Ключевые положения Закона касаются локализации данных – обязательное хранение внутри страны, вывоз – только с разрешения регулятора; контроля закупок – продукты и услуги в сфере информационной безопасности подлежат сертификации государством; и обязательных аудитов – не реже одного раза в год с передачей отчётов в надзорные органы [1. С. 153].

Модель дополняется принятыми в 2021 году Положением «О защите безопасности ключевой информационной инфраструктуры» и Законом «О безопасности данных», которые конкретизируют требования к операторам. Таким образом, Китай выстраивает централизованную вертикаль кибербезопасности, где государство координирует, проверяет и наказывает¹⁵. С одной стороны, это обеспечивает высокий уровень защиты, с другой – увеличивает издержки и ограничивает доступ к иностранным технологиям.

На фоне рассмотренного международного опыта становится очевидно, что Россия пока не имеет аналогичного целостного нормативного акта, посвященного кибербезопасности именно в сфере энергетики. Наличие правовых пробелов создает риски

несогласованности действий и недостаточного уровня защиты. Можно выделить несколько ключевых аргументов в пользу разработки и принятия специального федерального закона о кибербезопасности объектов ТЭК.

Энергетика как стратегическая отрасль требует особого правового режима защиты. Объекты ТЭК – электростанции, сети, месторождения, трубопроводы – критически важны для экономики и жизнеобеспечения. Кибератаки на них способны вызвать серьёзные последствия для национальной безопасности. Поэтому необходима отраслевая спецификация норм, выходящая за рамки общего регулирования безопасности КИИ.

Современные угрозы размывают границы между физической и цифровой безопасностью. Закон № 256-ФЗ ориентирован на защиту от физических посягательств, но не охватывает ИТ-системы. Между тем кибератака может привести к реальному техногенному ущербу. Требуется единый подход к безопасности энергетических объектов как целостных технологических систем.

Энергостратегия-2050 и Доктрина энергетической безопасности фиксируют цели цифровизации и необходимость защиты КИИ. Однако их реализация невозможна без конкретных правовых механизмов. Специальный закон призван превратить стратегические установки в обязательные правовые нормы.

Такой закон станет основой для разработки подзаконных актов и технических стандартов. Он зафиксирует принципы регулирования, компетенции органов власти и обязанности субъектов, обеспечив нормативную базу для отраслевых требований к киберзащите.

Принятие закона повысит ответственность энергетических компаний и сформирует корпоративную культуру информационной безопасности. В нём могут быть предусмотрены обязательные системы ИБ, требования к квалификации персонала, механизмы аудита и санкции за нарушения.

Закон также обеспечит выполнение международных обязательств России в сфере кибербезопасности критической инфраструктуры и облегчит международное

¹⁵ Закон КНР о безопасности данных (Data Security Law, 2021) [Электронный ресурс] // CNLegal.ru. URL: https://cnlegal.ru/china_economic_law/china_data_security_law_2021/ (дата обращения: 16.04.2025); Положение о безопасности критической информационной инфраструктуры КНР (2021) [Электронный ресурс] // CNLegal.ru. URL: https://cnlegal.ru/china_economic_law/critical_information_infrastructure_security_2021/ (дата обращения: 16.04.2025).

сотрудничество, в том числе в рамках совместных учений и обмена информацией об инцидентах.

Учитывая эти аргументы, разработка проекта федерального закона о кибербезопасности объектов ТЭК представляется своевременной и необходимой. Ниже предлагаются возможные принципы, механизмы и формы, которые целесообразно включить в такой закон, с опорой на выявленные лучшие практики.

Целью предлагаемого закона является формирование целостной правовой модели защиты критически важной энергетической инфраструктуры от кибератак в условиях цифровой трансформации отрасли. Такая модель должна обеспечивать устойчивость и безопасность функционирования топливно-энергетического комплекса, опираясь на стратегические ориентиры, закреплённые в Энергетической стратегии до 2050 года.

К основополагающим принципам предлагаемой правовой конструкции относятся превентивный подход, при котором безопасность закладывается на этапе проектирования цифровых систем, а также дифференциация мер защиты в зависимости от уровня критичности объектов. Немаловажную роль играют комплексность (объединение технических и организационных механизмов), персональная ответственность операторов, развитие государственно-частного партнёрства в сфере информационной безопасности, а также закрепление возможности преследования организаторов кибератак вне зависимости от их юрисдикции.

Проект закона должен охватывать объекты ТЭК, отнесённые к критической информационной инфраструктуре и особо значимым объектам отрасли, включая государственные информационные системы. Предполагается, что координацию в сфере кибербезопасности будет осуществлять Минэнерго России во взаимодействии с ФСТЭК, ФСБ и, при необходимости, Минцифры. В обязанности операторов объектов ТЭК предлагается включить внедрение сертифицированных систем защиты информации, категорирование ИТ-систем по уровню значимости, проведение независимых аудитов, разработку внутренней нормативной базы и организацию отраслевого мониторинга инцидентов. Органы регулирования должны получить право проведения проверок, выдачи предписаний и приостановки эксплуатации критически уязвимых систем, а также разрабатывать и актуализировать технические стандарты защиты.

Важным элементом нормативной конструкции являются меры юридической ответственности и стимулирования: для недобросовестных операторов – штрафные санкции, для соблюдающих требования – государственная поддержка и поощрение. Отдельный блок нового закона должен быть посвящён международному сотрудничеству в сфере противодействия киберугрозам, обмену информацией и участию в международных расследованиях. Такая правовая модель позволит устранить пробелы действующего законодательства и обеспечить необходимый уровень киберзащиты в стратегически важной отрасли.

Заключение

Цифровизация ТЭК, будучи одним из приоритетов Энергетической стратегии РФ до 2050 года, требует синхронного развития правовых механизмов защиты отрасли от киберугроз. Проведенный анализ показал, что несмотря на наличие в России базового законодательства о безопасности информации и критической инфраструктуры, в его применении к энергетическому сектору имеются пробелы. Международный опыт - от строгих стандартов NERC CIP в США до комплексного законодательства Китая и нормативов ЕС - демонстрирует необходимость специальных мер для обеспечения киберустойчивости энергетики. Российская правовая система энергетического права в силу объективных факторов пока отстает в этом вопросе, однако обладает потенциалом для быстрого развития, опираясь на уже заданные стратегические ориентиры и наработки других стран. Разработка и внедрение специального федерального закона о кибербезопасности объектов топливно-энергетического комплекса позволит устранить нормативные лакуны и создать условия для надежной защиты критически важной энергетической инфраструктуры. Предложенная в статье правовая модель предусматривает установление четких обязанностей для субъектов ТЭК, введение механизмов сертификации цифровых решений, обязательных аудитов информационной безопасности, мониторинга инцидентов и гибкой системы подзаконного регулирования. Данная модель отвечает требованиям времени и основана на сочетании лучших зарубежных практик с учетом российских реалий. Ее реализация обеспечит необходимый уровень защищенности отечественного ТЭК от киберпреступников, повысит устойчивость экономики и энергетическую

безопасность государства. Кроме того, это станет вкладом России в формирование международных стандартов кибербезопасности энергетики и укрепит авторитет страны как

технологически суверенного и ответственного участника глобального энергетического сотрудничества.

Литература:

1. Балакин Д.А., Аликберова А.Р. Особенности Закона о кибербезопасности Китайской Народной Республики 2017 г. и международная реакция на его принятие // *Modern Oriental Studies*. 2023. № 2.
2. DarkChronicles: последствия атаки на Colonial Pipeline [Электронный ресурс] // Kaspersky ICS CERT. 2021. 21 мая. URL: <https://ics-cert.kaspersky.ru>.
3. Эксперт оценил влияние атаки на Colonial Pipeline на сферу киберпреступности [Электронный ресурс] // *Известия*. 2021. 24 мая. URL: <https://iz.ru>.
4. Positive Technologies: сегодня кибербезопасность ТЭК должна быть результативной // *Neftegaz.RU*. 2024. № 4 (148). URL: <https://magazine.neftgaz.ru>.
5. Что такое соответствие стандарту NERC CIP? // *Continuum GRC*. URL: <https://continuumgrc.com>.
6. Vijayshankar S., Chang C.-Y., Utkarsh K., Wald D., Ding F., Balamurugan S., King J., Macwan R. Assessing the Impact of Cybersecurity Attacks on Energy Systems // *Applied Energy*. 2023. Vol. 345. DOI: 10.1016/j.apenergy.2023.121297.
7. Dong S., Cao J., Flynn D., Fan Z. Cybersecurity in Smart Local Energy Systems: Requirements, Challenges, and Standards // *Energy Informatics*. 2022. Vol. 5. Article 9. DOI: 10.1186/s42162-022-00195-7.
8. Zografopoulos I., Ospina J., Liu X., Konstantinou C. Cyber-Physical Energy Systems Security: Threat Modeling, Risk Assessment, Resources, Metrics, and Case Studies // *Computers & Security*. 2021. Vol. 105. DOI: 10.1016/j.cose.2021.102221.
9. Mashima D., Chen Y., Roomi M.M., Lakshminarayana S., Chen D. Cybersecurity for Modern Smart Grid Against Emerging Threats // *Electric Power Systems Research*. 2024. Vol. 229. DOI: 10.1016/j.epr.2023.109964.

LEGAL SUPPORT FOR CYBERSECURITY IN THE RUSSIAN FUEL AND ENERGY SECTOR IN THE CONTEXT OF THE ENERGY STRATEGY UNTIL 2050

Introduction. *The article addresses the issue of cybersecurity in Russia's fuel and energy sector (FES) in the context of digital transformation, as outlined in the Russian Energy Strategy until 2050. The relevance of the topic is substantiated by the growing number of cyberattacks targeting critical infrastructure and the inadequacy of existing legal instruments.*

Materials and methods. *The research methodology includes comparative legal analysis, formal legal methods, and systemic approaches, drawing upon Russian strategic planning documents and international legal frameworks (USA, EU, China).*

Results of the study. *The study identifies a legislative gap in the absence of a dedicated federal law on cybersecurity in the FES. The analysis of existing Russian laws shows that current regulations are fragmented and sector-neutral. Foreign models – NERC CIP (USA), NIS 2 Directive (EU), and Chinese cybersecurity legislation – are examined in detail.*

Discussion and conclusion. *The authors propose a conceptual framework for a federal law on cybersecu-*

ity in the FES, based on the principles of prevention, resilience, accountability, and sectoral specificity. The need for prompt legislative action is emphasized as a strategic priority for Russia's energy security.

Sergey A. Lobanov,
Doctor of Sciences (Law),
Associate Professor, Head of the Department
of Legal Regulation of the Fuel and Energy
Industry, MGIMO University,
Moscow, Russia

Aziza U. Nazarova,
Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer,
the Department of Legal Regulation of the Fuel
and Energy Industry, MGIMO University,
Moscow, Russia

Andrey A. Naydenov,
Master's student, MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

кибербезопасность, энергетическая стратегия, топливно-энергетический комплекс, критическая инфраструктура, цифровизация, правовое регулирование, энергетическая безопасность, стандарты безопасности, стратегическое планирование.

Keywords:

cybersecurity, energy strategy, fuel and energy sector, critical infrastructure, digitalization, legal regulation, energy security, security standards, strategic planning.

References:

1. Balakin, D.A., Alikberova, A.R., 2023. Osobennosti zakona o kiberbezopasnosti Kitajskoj Narodnoy Respubliki 2017 g. i mezhdunarodnaya reaktsiya na ego prinyatie [Features of the Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2017) and the international reaction to its adoption]. *Modern Oriental Studies*. № 2.
2. Kaspersky ICS CERT, 2021. DarkChronicles: posledstviya ataki na Colonial Pipeline [DarkChronicles: consequences of the attack on Colonial Pipeline]. 21 May. URL: <https://ics-cert.kaspersky.ru>.
3. Ekspert otsenil vliyanie ataki na Colonial Pipeline na sferu kiberprestupnosti [Expert assessed the impact of the Colonial Pipeline attack on the cybercrime sphere]. *Izvestiya [News]*. 2021. 24 May. URL: <https://iz.ru>.
4. Positive Technologies: segodnya kiberbezopasnost' TEK dolzhna byt' rezul'tativnoy [Today, cybersecurity in the fuel and energy sector must be effective]. *Neftegaz.RU*. 2024.No. 4 (148). URL: <https://magazine.neftegaz.ru>.
5. Chto takoe sootvetstvie standartu NERC CIP? [What is NERC CIP compliance?]. *Continuum GRC*. 2022. URL: <https://continuumgrc.com>.
6. Vijayshankar, S., Chang, C.-Y., Utkarsh, K., Wald, D., Ding, F., Balamurugan, S., King, J., Macwan, R., 2023. Assessing the impact of cybersecurity attacks on energy systems. *Applied Energy*. Vol. 345. DOI: 10.1016/j.apenergy.2023.121297.
7. Dong, S., Cao, J., Flynn, D., Fan, Z., 2022. Cybersecurity in smart local energy systems: requirements, challenges, and standards. *Energy Informatics*. Vol. 5. Article 9. DOI: 10.1186/s42162-022-00195-7.
8. Zografopoulos, I., Ospina, J., Liu, X., Konstantinou, C., 2021. Cyber-physical energy systems security: threat modeling, risk assessment, resources, metrics, and case studies. *Computers & Security*. Vol. 105. DOI: 10.1016/j.cose.2021.102221.
9. Mashima, D., Chen, Y., Roomi, M.M., Lakshminarayana, S., Chen, D., 2024. Cybersecurity for modern smart grid against emerging threats. *Electric Power Systems Research*. Vol. 229. DOI: 10.1016/j.epsr.2023.109964.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И НА УРОВНЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Анна Шипикова*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-35-46

Введение. Цель настоящей статьи – проанализировать принятые на уровне ЕС и СНГ нормативные правовые акты, направленные на регулирование наследования, а также на установление правового режима криптоактивов и других цифровых активов и объектов и выявить основные подходы и концепции, содержащиеся в указанных документах.

Материалы и методы. Проанализированы нормативные документы на уровне ЕС и СНГ, связанные с наследованием, правом на уважение частной жизни, с установлением правовых режимов в отношении отдельных цифровых объектов. Выполнен компаративный анализ различных концепций и подходов, выраженных в различных документах, предложены рекомендации по возможному регулированию соответствующих отношений в Российской Федерации.

Исследование базируется на комплексном применении трех ключевых подходов: сравнительного правоведения, правового догматизма и формально-логического инструментария.

Результаты исследования. Полученные выводы указывают на наличие определённых отличительных черт в закреплении исследованных правовых отношений в рамках Европейского Союза и государств-участников СНГ, а также общих подходов к регулированию. Сформулированы рекомендации по возможному регулированию соответствующих отношений на уровне Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что принцип национального режима, закреплённый в национальных законах и международных актах, формирует основу унификации норм, регламентирующих наследственные отношения применительно к цифровым объектам и цифровым активам.

* Шипикова Анна Геннадиевна, судья Московского городского суда, Москва, Россия
e-mail: Shipikova@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-4065-5158

Введение

Разработка эффективных механизмов правового регулирования наследования цифровых объектов и цифровых активов становится значимой задачей в современном мире. Актуализация данной задачи связана с прогрессирующим распространением цифровых технологий и появлением новых субъектов гражданского оборота. Вместе с тем в условиях цифровизации общества возникает необходимость учета специфичных аспектов соблюдения прав собственности и приватности личности. [1. С. 7].

При формулировании таких подходов необходимо учитывать уже имеющееся на разных уровнях правовое регулирование в том числе на международном уровне, а также и на уровне государств. Особую ценность представляет регулирование на уровне межгосударственных интеграционных объединений, таких как Европейский Союз (ЕС) и Содружество Независимых Государств (СНГ).

Цель настоящей статьи – проанализировать принятые на уровне ЕС и СНГ нормативные правовые акты, направленные на регулирование наследования, а также на установление правового режима криптоактивов и других цифровых активов и объектов и выявить основные подходы и концепции, содержащиеся в указанных документах.

Исследование

Применительно к праву ЕС для рассмотрения темы исследования необходимо обратить внимание на следующие основные нормативные правовые акты, которые затрагивают вопросы регулирования наследования, права собственности и права на уважение частной жизни в свете цифровых объектов. Это прежде всего Регламент (ЕС) № 650/2012 Европейского Парламента и Совета от 4 июля 2012 г. о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, а также о принятии и исполнении подлинных документов по вопросам наследования и о создании Европейского свидетельства о наследовании¹, Регламент (ЕС)

2016/679 Европейского Парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном перемещении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент по защите данных)². Если говорить о цифровых активах или криптоактивах, то в этом случае большое значение имеет регулирование, установленное Регламентом (ЕС) 2023/1114 Европейского Парламента и Совета от 31 мая 2023г. о рынках криптоактивов, а также внесение изменений в Регламенты (ЕС) № 1093/2010 и (ЕС) № 1095/2010, а также Директивы 2013/36/ЕС и (ЕС) 2019/1937³.

В отношении права собственности как одного из фундаментальных, основополагающих прав, нужно прежде всего принимать во внимание правовую природу цифровых объектов как таковых. Цифровые объекты по своей сути представляют собой информацию, данные. В связи с этим для определения того, какие подходы используются или могут быть использованы при наследовании указанных объектов целесообразно проанализировать подходы, которые вытекают из права ЕС в отношении информации или данных.

Основные начала регулирования на уровне ЕС применительно к правовой природе данных содержатся в главных конституирующих актах ЕС: Договоре о Европейском союзе и Договоре о функционировании Европейского союза с протоколами и приложениями, Хартии Европейского союза об основных правах с официальными разъяснениями, Лиссабонском договоре вместе с Заключительным актом и Декларациями Межправительственной конференции государств - членов Европейского союза 2007 г. с последующими изменениями. Кроме того, необходимо учитывать и положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Согласно статье 7 Хартии основных прав Европейского Союза, каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его сообщений. В то же время согласно статье 8 Хартии каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его сообщений. Каждый имеет право на защиту персональных

¹ OJ L 201 27.7.2012, p. 107

² OJ L 119 4.5.2016, p. 1

³ OJ L 150 9.6.2023, p. 40

данных, касающихся его. Эти данные должны обрабатываться справедливо, в заявленных целях и с согласия заинтересованного лица или на других законных основаниях, предусмотренных законом. Каждый имеет право на доступ к собранным о нем данным и требовать исправления ошибок в них. Соблюдение этих правил контролируется независимыми органами.

Право собственности традиционно применяется к объектам, обладающим обособленностью, материальностью и способностью участвовать в гражданском обороте. Исходя из этого, нормы права Европейского Союза содержат элементы, позволяющие квалифицировать некоторые виды данных, включая цифровые объекты, как самостоятельные объекты особой категории, допускающие установление схожего с собственностью правового статуса, обеспечивающего возможность наследовать соответствующие цифровые активы. Прежде всего речь идет о цифровых активах или в терминологии, используемой в праве ЕС, о криптоактивах.

Так, в соответствии со ст. 3 (3) Договора о Европейском Союзе Союз создает внутренний рынок. Он стремится обеспечить устойчивое развитие Европы на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, существования высококонкурентной социальной рыночной экономики, стремящейся к полной занятости и социальному прогрессу, а также высокого уровня защиты и улучшения качества окружающей среды. Он содействует научно-техническому прогрессу. В то же время внутренний рынок предполагает свободное движение товаров, капитала и услуг.

Исходя из определения, представленного в Регламенте ЕС о рынках криптоактивов⁴, под криптоактивом понимают цифровое воплощение стоимости или законных прав, которое передается и хранится с помощью распределённых регистров или аналогичных методик. Изучив преамбулу Регламента, можно констатировать, что цели регулирования криптоактивов ориентированы на достижение свободы перемещений капитала и беспрепятственное функционирование рынка услуг, включая предоставление финансовых продуктов.

Таким образом, несмотря на отсутствие материального выражения и специфичность цифровых объектов, а также их несходство с привычными представлениями

о капитале и услугах, общественная практика их регулирования в пределах ЕС основывается на классических правовых подходах, что обуславливает существование специального правового режима для этих объектов.

Несмотря на тот факт, что существуют специальные нормативные акты, направленные на регулирование криптоактивов (цифрового имущества), иной вид цифровых объектов (страницы социальных сетей, электронные почты, облачные сервисы хранения данных и др.) нуждается в отдельном правовом регулировании, продиктованном необходимостью соблюдать право на личную тайну и безопасность персональных данных.

Главной особенностью цифровых объектов, которые не относятся к цифровым активам, является то, что они, как правило, возникают в силу заключенного договора (соглашения) между пользователем и оператором соответствующей системы (социальной сети, облачного хранилища и т.п.). Соответственно, в связи с этим возникает вопрос о возможности наследования указанных объектов. В этом случае необходимо определять, насколько тесно связан этот цифровой объект с личностью наследодателя (что по общему правилу исключает возможность правопреемства в порядке наследования), а также имеется ли у наследников вытекающий из закона интерес, связанный с приобретением таких прав. Помимо этого, подлежит учету также и трансграничный характер рассматриваемых отношений, так как такой характер отношений непосредственно связан с нематериальным характером цифровых объектов, а также с тем, что такие объекты существуют в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, позволяющей осуществлять информационный обмен без учета границ государств.

Регламент ЕС № 650/2012 придерживается так называемого унитарного подхода к разрешению вопросов о праве, применимом к наследованию и выбору компетентного суда. Так, как следует из п. 42 преамбулы к Регламенту, а также статей 4 и 21, компетентный суд государства-члена ЕС, в котором умерший имеет обычное место жительства на момент его/ее смерти, и законодательства государства его/ее обычного проживания на момент смерти управляют наследованием в целом. Более того, сфера действия Регламента о наследовании определяется,

⁴ OJ L 150 9.6.2023, p. 40

исключениями, перечисленными в статье 1(2) этого Регламента, а также областью действия применимого права согласно статье 23 Регламента.

Несмотря на то что в Регламенте прямо не говорится про цифровые объекты, цифровое имущество, природа унитарного подхода, определяющего компетентный судебный орган и применимое право независимо от характера имущества, будь оно движимым или недвижимым (таким образом, характер имущества может быть и цифровым) - означает также возможность применения частно-правовых норм к цифровому имуществу.

С точки зрения обеспечения неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных, что, безусловно, актуально применительно к наследованию цифровых объектов, стоит отметить, что Регламент (ЕС) 2016/769 не применяется к персональным данным умерших лиц. Однако, как указано в пункте 27 Преамбулы к этому Регламенту, государство-член может принять и применять национальные правила по этому вопросу, что, как будет показано в дальнейшем, имеет существенное значение.

Также важно отметить сформулированный учеными юристами в рамках права ЕС так называемый принцип функциональной эквивалентности, суть которого заключается в том, что нематериальное имущество, к которому, безусловно, относятся и цифровые объекты эквивалентно материальному имуществу, таким образом, не следует проводить отличий между наследованием нематериального и материального имущества, то есть, наследование цифровых объектов может проводиться в рамках правил, регулирующих наследование в целом [6. С. 327-357].

Указанный подход довольно распространен в праве различных европейских государств, в том числе в Бельгии, Германии, Нидерландах, Великобритании и т.п.

Таким образом, применительно к праву ЕС необходимо отметить важные для дальнейшего исследования аспекты, сформулированные как в позитивном праве, так и в сложившейся практике, а именно: применительно к цифровым активам правом ЕС созданы основания для установления правового режима сходного с правом собственности. Именно это и обуславливает возможность

применения регуляторных механизмов наследования в отношении этих объектов. Если рассматривать другие цифровые объекты, то исходя из принципа функциональной эквивалентности, в сочетании с принципом универсальности материального права и унитарным подходом Регламента ЕС 650/2012 есть основания говорить о возможности их наследования через призму обеспечения неприкосновенности личности и защиты персональных данных с учетом наличия законного интереса наследников в контенте наследодателя, содержащегося в соответствующих цифровых объектах.

Содружество независимых государств представляет собой межгосударственное объединение с гораздо меньшей степенью интеграции его членов по сравнению с ЕС. В связи с этим на уровне СНГ применительно к теме исследования можно анализировать различного рода рекомендательные акты, в том числе нормы модельных законов. Тем не менее указанные нормы также позволяют выделить определенные подходы к наследованию цифровых объектов с учетом соблюдения права собственности и обеспечения права на уважение частной жизни, что важно для формулирования общих выводов по результатам исследования.

Изучение нормативного правового регулирования указанных вопросов в рамках СНГ, даже в случае если соответствующие акты носят рекомендательный характер, имеет большое значение для раскрытия темы исследования.

В соответствии с Положением о порядке разработки модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств⁵ модельное законодательство – деятельность Межпарламентской Ассамблеи по разработке, принятию и изданию модельных законодательных актов, отвечающих целям сближения (унификации) законодательства государств – участников Межпарламентской Ассамблеи и задачам интеграционного развития Содружества Независимых Государств. При этом модельный законодательный акт Содружества Независимых Государств - законодательный акт рекомендательного характера, принимаемый Межпарламентской Ассамблеей в установленном порядке в целях

⁵ Принято в г. Санкт-Петербурге 14.04.2005 Постановлением 25-8 на 25-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

формирования и осуществления согласованной законодательской деятельности государств – участников Межпарламентской Ассамблеи по вопросам, представляющим общий интерес, приведения законодательства государств – участников Содружества в соответствие с международными договорами, заключенными в рамках Содружества, и иными международными договорами, участие государств – участников Содружества крайне желательно для достижения общих целей.

Таким образом, принципы, подходы и концепции регулирования, нашедшие свое выражение в рекомендательных нормативных правовых актах, оказывают существенное влияние на формирование теоретических подходов и практических решений в отношении той или иной сферы общественных отношений.

Одним из основополагающих международно-правовых актов на уровне СНГ в сфере прав человека является Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, заключена в Минске 26.05.1995⁶. Указанная Конвенция продолжает и развивает традиции и тенденции закрепления прав человека, берущие свое начало из Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международных пактов о гражданских и политических правах, о социальных, экономических и культурных правах 1966 г., а также иных международно-правовых актов в сфере прав человека. Конвенция регулирует также и вопросы права собственности и права на уважение частной жизни.

В соответствии со ст. 26 Конвенции, каждое физическое или юридическое лицо имеет право на собственность. Никто не может быть лишен своей собственности, иначе как в интересах общественности, по судебному порядку и на условиях, предусмотренных национальным законодательством и общепризнанными принципами международного права.

Как следует из ст. 9 Конвенции, каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, на неприкосновенность жилища и тайну переписки.

Рекомендации относительно правового регулирования вопросов наследования содержатся в Модельном гражданском кодексе для государств-участников СНГ (рекомендательный акт), часть третья, который был принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17.02.1996 г.⁷, а также в Модельном законе «О праве наследования», который был принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 19.04.2019⁸. Модельный закон «О праве наследования» был принят позднее, развивает положения Модельного гражданского кодекса, поэтому далее рассматривается именно этот нормативный правовой акт.

Настоящий Модельный закон определяет общие начала наследственного права, виды имущества, которое может быть передано по наследству, устанавливает принцип универсального наследования, устанавливает основания наследования (по завещанию и по закону), требования к завещанию, принципы наследования по закону, очередность наследования, способы принятия наследства, особенности наследования отдельных видов имущества и другие вопросы.

Регулирование права на уважение частной жизни на уровне СНГ также получило свое развитие в Модельном законе «О персональных данных» от 29 ноября 2018 года⁹. В соответствии со ст.1 указанного Модельного закона, Целью настоящего Закона является гармонизация законодательства в части соблюдения прав и законных интересов лиц и граждан в сфере оборота и обработки персональных данных (в том числе права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести, достоинства и репутации), определение правового режима оборота персональных данных, прав и обязанностей операторов персональных данных.

⁶ Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ "Содружество", № 2, 1995.

⁷ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17.02.1996 г., https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/470 дата обращения 03.05.2024

⁸ Постановление МПА СНГ от 19 апреля 2019 года № 49-6, <https://iacis.ru/public/upload/files/1/740.pdf> дата обращения 03.05.2024

⁹ Постановление МПА СНГ от 29 ноября 2018 года № 48-9 <https://iacis.ru/public/upload/files/1/727.pdf> дата обращения 03.05.2024

Закон определяет персональные данные как сведения о физическом лице, то есть сведения, которые позволяют прямо или косвенно определить физическое лицо (субъект персональных данных) или могут быть с ним отождествлены, определяет категории персональных данных, условия обработки персональных данных и виды их обработки, а также регулирует иные вопросы в соответствующей сфере.

Важным для раскрытия темы исследования является понимание состава объектов гражданских прав, содержащегося в нормативном регулировании на уровне СНГ. Ответ на этот вопрос дает Гражданский кодекс для государств – участников СНГ (часть первая), который является рекомендательным законодательным актом СНГ, принятым на пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 29.10.1994 года¹⁰.

Согласно норме, установленной статьёй 23 указанного нормативного акта, объектами гражданских прав признаются различные категории: вещи, в том числе наличные деньги и ценные бумаги, иное имущество и принадлежащие лицу имущественные права, предоставляемые работы и услуги, охраняемая информация, результаты творческой деятельности, а также иные предметы материального и нематериального характера.

Изучаемое положение не выделяет отдельно цифровые права, цифровые объекты или близкие к ним объекты гражданских прав. В то же время в нём перечислены иные разновидности имущества, имущественные права и охраняемая информация. Результаты предшествующего анализа свидетельствуют о целесообразности интерпретации цифровых объектов как специальной категории имущества или имущественных прав.

Учитывая особый характер отношений, складывающихся в сфере обращения цифровых объектов в частности и в целом

в рамках цифровизации общества, Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ был принят пакет Модельных законов, посвященных регулированию соответствующих общественных отношений. Ранее в настоящей работе частично раскрывалось содержание указанных нормативных правовых актов, тем не менее, в настоящей части работы представляется целесообразным остановиться на указанных актах подробнее, так как этими актами затрагиваются и регулируются в том числе и вопросы обеспечения прав человека в цифровом пространстве и при обращении цифровых объектов, в том числе и право на неприкосновенность и уважение частной жизни. Речь идет о следующих Модельных законах:

- Модельный закон «О цифровом пространстве, его инфраструктуре и регулировании в государствах – участниках СНГ»¹¹;
- Модельный закон «О цифровой трансформации отраслей промышленности государств – участников СНГ»¹²;
- Модельный закон «О цифровой трансформации сферы услуг государств – участников СНГ»¹³;
- Модельный закон «О цифровых финансовых активах»¹⁴;
- Модельный закон «О цифровых правах»¹⁵.

Системный и формально-логический анализ указанных нормативных актов показывает, что при разработке регулирования общественных отношений в указанной сфере использовался комплексный подход и сочетание регулирования на уровне общего закона и отдельных законов, устанавливающих нормы в отдельных значимых сферах соответствующих общественных отношений.

Таким образом, общим, основополагающим модельным законом в данном случае является модельный закон «О цифровом пространстве, его инфраструктуре и регулировании в государствах – участниках

¹⁰ Постановление МПА СНГ от 29.10.1994 г. <https://iacis.ru/public/upload/files/1/13.pdf> дата обращения 03.05.2024.

¹¹ Модельный закон «О цифровом пространстве, его инфраструктуре и регулировании в государствах – участниках СНГ», https://iacis.ru/mod_file/p_file/1110 (дата обращения 11.01.2024)

¹² Модельный закон «О цифровой трансформации отраслей промышленности государств – участников СНГ», https://iacis.ru/mod_file/p_file/1111 (дата обращения 11.01.2024)

¹³ Модельный закон «О цифровой трансформации сферы услуг государств – участников СНГ», https://iacis.ru/mod_file/p_file/1112 (дата обращения 11.01.2024)

¹⁴ Модельный закон «О цифровых финансовых активах» https://iacis.ru/mod_file/p_file/1113 (дата обращения 11.01.2024)

¹⁵ Модельный закон «О цифровых правах», https://iacis.ru/mod_file/p_file/1114 (дата обращения 11.01.2024)

СНГ». Как следует из части 2 статьи 1 указанного модельного закона, данный Закон направлен на формирование правовой основы комплексного регулирования цифрового пространства государств — участников СНГ, его инфраструктуры; создание единого понятийного аппарата в сфере цифрового пространства; установление механизмов организации, использования и управления цифровыми процессами; определение средств цифрового взаимодействия; установление прав человека в цифровой среде и гарантий их соблюдения; определение направлений создания единого цифрового пространства на территории государств — участников СНГ.

Модельные законы «О цифровой трансформации отраслей промышленности государств — участников СНГ» и «О цифровой трансформации сферы услуг государств — участников СНГ» посвящены сферам промышленности и услуг и общественным отношениям, возникающим в процессе их цифровой трансформации, направлениям и принципам государственного регулирования в указанных сферах, планирования деятельности в указанных сферах, основам обеспечения и защиты прав участников общественных отношений в рамках цифровой трансформации промышленности и сферы услуг, ответственности и другим вопросам.

Модельный закон «О цифровых финансовых активах» посвящен правовому регулированию отношений, связанных с выпуском и обращением цифровых финансовых активов на едином экономическом пространстве СНГ, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, норм конституций государств — участников СНГ и уважения к их национальной правовой традиции. Модельный закон «О цифровых правах» регулирует общественные отношения в сфере возникновения и оборота цифровых прав.

Остановимся поподробнее на некоторых из указанных выше модельных законах.

Применительно к теме исследования, представляет интерес модельный закон «О цифровом пространстве, его инфраструктуре и регулировании в государствах — участниках СНГ». Как отмечалось выше, этот модельный закон является своего рода базовым законом и определяет основные принципы деятельности в цифровом пространстве, основные понятия в указанной сфере, основы правового статуса личности в цифровом пространстве.

Модельным законом закрепляются такие основные понятия как цифровое пространство, которое определяется как сфера частной, общественной и государственной деятельности, связанная с оборотом цифровой информации в соответствии правилами цифрового взаимодействия, цифровая идентичность субъекта цифрового пространства, которая определяется как совокупность сведений о субъекте цифрового пространства, которую он формирует самостоятельно в целях предоставления к ней доступа иных субъектов цифрового взаимодействия, цифровое взаимодействие, которое определяется как организованная и согласованная деятельность субъектов цифрового пространства в процессе оборота цифровой информации для достижения установленных субъектами цифрового пространства законных целей, а также другие понятия.

В ст. 3 указанного модельного закона устанавливаются основные принципы, на которых базируется законодательство о цифровом пространстве. Указанные принципы можно разделить на следующие группы, в зависимости от их содержания:

- общеправовые и политические принципы, такие как принцип законности, принцип государственного суверенитета в глобальном и национальном цифровом пространстве, включая суверенное право государств определять информационную, технологическую и экономическую политику в национальном цифровом пространстве, принцип верховенства международного права в корреспонденции с принципом государственного суверенитета, принцип обеспечения безопасности личности, общества и государства в национальном цифровом пространстве, принцип юридической ответственности за нарушение правил цифрового взаимодействия;

- принципы, связанные с обеспечением и гарантиями прав человека, такие как соблюдение и защита прав и свобод человека, неприкосновенность частной жизни, приоритет прав и свобод человека при внедрении и использовании цифровых технологий, включая технологию искусственного интеллекта;

- социально-культурные принципы, такие как сохранение традиционных и привычных для физических лиц и организаций (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг, приоритет традиционных национальных духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих

ценностях норм поведения при использовании цифровых технологий;

- экономические принципы, такие как равенство субъектов цифрового пространства, включая равный доступ субъектов цифрового пространства к цифровым ресурсам, конкурентность в развитии цифровых технологий и при оказании цифровых услуг.

Правовое положение личности в национальном цифровом пространстве определяется главой 4 указанного модельного закона. Так, в статье 14 устанавливается, что права человека в национальном цифровом пространстве реализуются на основе общепризнанных принципов и норм международного права о правах человека, а также национальных конституционных принципов и норм о правах человека.

К основным правам человека в национальном цифровом пространстве статья 15 модельного закона относит следующие права:

- 1) право на доступ к цифровой среде, цифровым ресурсам и технологиям;
- 2) право на свободу выражения убеждений;
- 3) право на неприкосновенность частной жизни;
- 4) право на защиту персональных данных;
- 5) право на забвение;
- 6) право на цифровую идентичность;
- 7) право на отказ от применения цифровых технологий и участия в цифровом взаимодействии.

Обращает на себя внимание тот факт, что рассмотренные выше права по сути повторяют или развивают сформулированные в обязательных нормах международного права общепризнанные права человека.

Чтобы более полно исследовать вопросы, рассматриваемые в настоящей статье, целесообразно остановиться более подробно на таких правах, как право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту персональных данных.

Содержание права на неприкосновенность частной жизни в информационном пространстве и гарантии соблюдения этого права закреплены в статье 18 модельного закона.

Как следует из указанной нормы, право на неприкосновенность частной жизни

в национальном цифровом пространстве включает:

1) обязанность всех субъектов национального цифрового пространства соблюдать право на неприкосновенность частной жизни личности;

2) запрет на наблюдение за цифровыми сообщениями и (или) их перехват, включая экстерриториальное наблюдение за цифровыми сообщениями и (или) их перехват, за исключением случаев, установленных национальным законодательством в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства;

3) запрет на сбор данных о пользователях, в том числе в массовых масштабах, за исключением случаев, установленных национальным законодательством;

4) ответственность субъектов национального цифрового пространства за нарушение неприкосновенности частной жизни.

Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о не вполне удачных формулировках модельного закона.

Субъективное право - обеспеченная законом возможность субъекта действовать соответствующим образом¹⁶.

Субъективное право - определенная мера поведения, гарантированная и закрепленная законом, направленная на удовлетворение законных интересов участников правоотношений. Субъективное право проявляется в трех формах: участник вправе самостоятельно реализовать свои интересы собственными действиями; потребовать исполнения обязанностей от контрагента; инициировать обращение в уполномоченные государственные органы для восстановления нарушенных или оспоренных прав¹⁷.

Таким образом, действия, приведенные в ст. 18 модельного закона нельзя отнести к праву неприкосновенности частной жизни как к субъективному праву, которым оно, безусловно, является. Указанные действия представляют собой гарантии реализации права на неприкосновенность частной жизни, обеспечения указанного права. Т.е. формулировки модельного закона по содержанию направлены на совершенствование правового механизма соблюдения такого фундаментального права человека, как неприкосновенность частной жизни, но тем не менее, требуют уточнения исходя из общих положений теории права.

¹⁶ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995, С. 75

¹⁷ Чечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М., 2017.

Части 2 и 3 статьи 18 модельного закона продолжают развитие механизма обеспечения права на неприкосновенность частной жизни. Так, часть 2 статьи 18 модельного закона определяет действия государства, которые необходимо предпринять для реализации права на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве. К таким действиям, в частности, относятся создание нормативно-правовой и институциональной базы для обеспечения защиты неприкосновенности частной жизни в национальном цифровом пространстве с учетом обязательств государства по международному праву в области прав человека, установление правовых основ нарушения этого права, принятие мер по противодействию нарушениям этого права, регулирование вопросов отслеживания цифровых коммуникаций, перехвата сообщений, сбора персональных данных, использования технологий цифрового профилирования, автоматизированного принятия решений, машинного обучения и биометрических технологий в целях защиты права на неприкосновенность частной жизни и т. д. Часть 3 статьи 18 модельного закона устанавливает основные обязанности физических и юридических лиц в целях обеспечения права на неприкосновенность частной жизни. Таким образом, указанная норма устанавливает основополагающий принцип приоритета права на неприкосновенность частной жизни и других соответствующих прав человека при планировании, разработке, внедрении и использовании цифровых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, предусматривает обязанность принимать необходимые и достаточные меры для обеспечения неприкосновенности частной жизни лиц, к информации о которых они имеют доступ, поддержания прозрачности деятельности, информирования пользователей, принятия необходимых и достаточных мер для обеспечения права на неприкосновенность частной жизни. Одной из составляющих права на неприкосновенность частной жизни является право на защиту цифровых персональных данных в национальном цифровом пространстве, раскрытию содержания и обеспечению реализации которого посвящена статья 19 модельного закона.

Согласно части 2 статьи 19 Модельного закона оборот и обработка цифровых персональных данных в национальном цифровом пространстве осуществляются на основе следующих принципов:

- 1) соблюдение принципа законности;
- 2) соблюдение цели обработки цифровых персональных данных;
- 3) уважение человеческого достоинства;
- 4) соблюдение неприкосновенности частной жизни;
- 5) уважение и защита личных культурных, духовных, социальных ценностей и творчества;
- 6) соблюдение запрета на дискриминацию по признаку доступа к цифровым персональным данным и их использования.

По итогам изучения и анализа рассмотренных выше руководящих правил, можно сделать вывод, что эти правила предусматривают возможность комплексной защиты прав субъектов персональных данных, направлены на обеспечение баланса публичных интересов, интересов групповых, а также интересов субъектов персональных данных. Одним из центральных принципов, установленных этими правилами, является принцип запрета дискриминации по признаку доступа к цифровым персональным данным и их использования. Реализация такого принципа при условии формирования надлежащего правового и организационного механизма обеспечит реализацию основных прав личности в цифровом пространстве в более полном объеме.

Статья 19 также предусматривает права субъектов персональных данных (часть 3), к которым относятся, в частности, право на свободный доступ к своим цифровым персональным данным, контроль за их обработкой и статусом в порядке, установленном национальным законодательством, определяет форму и порядок предоставления субъектом персональных данных согласия на обработку персональных данных (часть 4), полномочия государства в сфере обеспечения защиты персональных данных (часть 5), обязанности операторов цифровых персональных данных (часть 6). Так, к обязанностям операторов персональных данных относятся, например, обязанность постоянно демонстрировать полную прозрачность при обработке цифровых персональных данных любого лица, обязанность предоставлять надлежащие гарантии для предотвращения или минимизации неблагоприятного воздействия на права человека, которые непосредственно связаны с их (операторов) деятельностью, продукцией или услугами, в том числе при необходимости путем включения соответствующих положений в соглашения с пользователями, а также

незамедлительно информировать регулятора национального цифрового пространства о нарушениях и правонарушениях при выявлении злоупотреблений в отношении их продукции и услуг.

Как видим, в модельном законе принята попытка создания комплексного механизма обеспечения реализации таких основополагающих прав человека в цифровой среде как право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту цифровых персональных данных.

Анализ содержащегося в модельном законе механизма, связанного с реализацией рассмотренных выше прав, показывает, что такой механизм не является полным и всеохватывающим, в том числе в свете настоящей статьи, при этом, в целом представленный в модельном законе механизм можно оценить положительно.

Так, например, как в случае права на неприкосновенность частной жизни, так и в случае права на защиту цифровых персональных данных, модельным законом не определены последствия, касающиеся ситуации, возникающей после смерти субъекта соответствующих прав. Безусловно, сами по себе субъективные права прекращаются со смертью субъекта. Тем не менее у других лиц могут возникать определенного вида интересы в связи с материалами, которые возникли при жизни человека и отношения в связи с которыми регулировались, в частности, через механизмы реализации права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту цифровых персональных данных.

В частности, наследники умершего лица могут быть заинтересованы в получении доступа к материалам его странички в социальных сетях или аккаунта электронной почты, файлов в облачных хранилищах данных с целью, например, прояснения обстоятельств смерти наследодателя, наличия у него того или иного имущества и так далее. Корреспонденты умершего по электронной переписке могут быть заинтересованы в том, чтобы эта переписка сохранялась в конфиденциальности и не раскрывалась наследникам, наследники могут быть также заинтересованы в прекращении или ограничении

обработки цифровых персональных данных умершего и так далее.

Формулировки рассматриваемого модельного закона, а также, например, модельного закона «О персональных данных» от 29 ноября 2018 года¹⁸ позволяют говорить, что нормы указанных нормативных правовых актов относятся к живым субъектам. Тем не менее, как было показано выше, например, Регламент (ЕС) 2016/769 не применяется к персональным данным умерших лиц. Однако, как указано в пункте 27 Преамбулы к этому Регламенту, государство-член может принять и применять национальные правила по этому вопросу. Подобные национальные правила принимались на национальном уровне в государствах ЕС (о чем более подробно будет сказано в дальнейшем), что также имело большое значение для вопросов, связанных с наследованием цифровых объектов.

Так, например, в Италии в развитие норм Регламента (ЕС) 2016/769 в Кодекс защиты данных¹⁹ законом от 10.08.2018 № 101²⁰ были внесены изменения, в частности, в текст Кодекса была включена ст. 2 – terdecies, которая посвящена вопросам защиты персональных данных после смерти субъекта персональных данных. Интерпретация данной нормы позволяет сделать вывод, что правом на получение доступа к личным сведениям умершего гражданина обладают лица, чьи собственные интересы связаны с этими данными, или представители умершего лица, однако данное правило не действует, если умерший оставил письменное заявление, запрещающее такую процедуру [2. С. 63].

Проведенное исследование приводит к выводу, что существуют различные подходы к возможности наследования цифровых объектов, исходя из различного понимания их правовой природы:

- функциональная эквивалентность – подобие правовых режимов вещей и цифровых объектов
- через законодательство о персональных данных, например, в отношении аккаунтов в социальных сетях и т.п.
- передача прав в соответствии с условиями договоров, заключенных с соответствующей цифровой площадкой [3. С. 47].

¹⁸ Постановление МПА СНГ от 29 ноября 2018 года № 48-9 <https://iacis.ru/public/upload/files/1/727.pdf> дата обращения 03.05.2024

¹⁹ Decreto legislativo 30 June 2003 no 196 <https://www.normattiva.it/esporta/attoCompleto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2003-07-29&atto.codiceRedazionale=003G0218> дата обращения 04.05.2024

²⁰ Decreto legislativo 10 August 2018 no 101, <https://www.normattiva.it/esporta/attoCompleto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2018-09-04&atto.codiceRedazionale=18G00129> дата обращения 04.05.2024

Представляется, что указанные подходы целесообразно учитывать и при формировании соответствующего регулирования на уровне Российской Федерации [4. С. 157].

Заключение

Проблема регулирования прав собственности и права на уважение частной жизни при наследовании цифровых объектов актуальна как на уровне Европейского союза, так и государств - участников СНГ. Анализ нормативных правовых актов показал наличие общих подходов и концепций, направленных на защиту прав наследников

и обеспечение правопреемства в отношении различных видов цифровых активов. В то же время существуют различия в регулировании отдельных аспектов этой сферы, что требует дальнейшего совершенствования международного сотрудничества и гармонизации законодательства в области цифрового наследия [5. С. 54]. Выявленные тенденции указывают на необходимость разработки единых стандартов и правил, учитывающих специфику цифровой среды и обеспечивающих баланс между интересами собственников имущества и правами будущих поколений.

Литература:

1. Барданова М.А. Актуальные вопросы наследования цифровых активов // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2023. № 9-10(108).
2. Гук В.А. К вопросу о наследовании цифровых объектов // *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 4.
3. Довлатова А.М. Зарубежный опыт наследования криптовалют как инструмента реализации права на наследование в социуме // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета*. 2020. № 2.
4. Мигачева А.Ю., Пченушай К.А. Наследование интернет-аккаунтов: опыт регулирования в зарубежных странах // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 5.
5. Рыбалка Е.А. Наследование цифровых активов как следствие развития цифровизации // *Юристы-Правоведы*. 2023. № 1(104).
6. Merchán Murillo A. La sucesión digital internacional y el Reglamento sucesorio europeo 650/2012 // *Anuario español de derecho internacional privado*. 2021. № 21.

PROPERTY RIGHTS AND THE RIGHT TO RESPECT FOR PRIVACY IN THE INHERITANCE OF DIGITAL OBJECTS IN THE LAW OF THE EUROPEAN UNION AND AT THE LEVEL OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Introduction. *The purpose of this article is to analyze the regulatory legal acts adopted at the EU and CIS level aimed at regulating inheritance, as well as establishing the legal regime of crypto assets and other digital assets and objects, and to identify the main approaches and concepts contained in these documents.*

Materials and methods. *The regulatory documents at the EU and CIS level related to inheritance, the right to respect for private life, with the establishment of legal regimes in relation to individual digital objects are analyzed. A comparative analysis of various concepts and approaches expressed in various documents is performed, recommendations are*

proposed for the possible regulation of the relevant relations in the Russian Federation.

The study uses comparative and dogmatic methods, as well as a formal-logical method using an axiological approach.

Results of the study. *The conducted analysis allowed us to establish certain differences in the legal regulation of the relevant relations at the EU and CIS level, as well as general approaches to regulation, indicated in the article. Recommendations are formulated for the possible regulation of the relevant relations at the level of the Russian Federation.*

Discussion and conclusion. *The study showed that the principle of national treatment, enshrined in*

national laws and international acts, forms the basis for the unification of norms governing labor relations complicated by a foreign element.

Anna G. Shipikova,
Judge, Moscow City Court,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

цифровой объект, цифровой актив,
цифровизация, права человека, право
собственности, право на уважение частной
жизни.

Keywords:

digital object, digital asset, digitalization,
human rights, property rights, right to respect
for private life.

References:

1. Bardanova M.A., 2023. Aktual'nyye voprosy nasledovaniya tsifrovyykh aktivov [Current issues of inheritance of digital assets]. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya [Universum: economics and jurisprudence]*. №. 9-10(108).
2. Guk V.A., 2022. K voprosu o nasledovanii tsifrovyykh ob'yektov [On the issue of inheritance of digital objects]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]*. № 4.
3. Dovlatova A.M., 2020. Zarubezhnyy opyt nasledovaniya kriptovalyut kak instrumenta realizatsii prava na nasledovaniye v sotsiume [Foreign experience of inheritance of cryptocurrencies as a tool for exercising the right to inheritance in society]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the South-Russian State Technical University]*. № 2.
4. Migacheva A.Yu., Pchenushai K.A., 2022. Nasledovaniye internet-akkauntov: opyt regulirovaniya v zarubezhnykh stranakh [Inheritance of Internet accounts: regulatory experience in foreign countries]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]*. № 5.
5. Rybalka E.A., 2023. Nasledovaniye tsifrovyykh aktivov kak sledstviye razvitiya tsifrovizatsii [Inheritance of digital assets as a consequence of the development of digitalization]. *Yurist-Pravoved [Jurist-Pravoved]*. № 1(104).
6. Merchán Murillo A., 2021. La sucesión digital internacional y el Reglamento sucesorio europeo 650/2012 [International digital succession and the European Succession Regulation 650/2012]. *Anuario español de derecho internacional privado [Spanish Yearbook of Private International Law]*. № 21.

ПРОФИЛАКТИКА ТЕЛЕФОННОГО И ОНЛАЙН МОШЕННИЧЕСТВА ЧЕРЕЗ КОРРЕКТИРОВКУ ИНСТИТУТА ПОЖИЗНЕННОЙ РЕНТЫ

Иван Соловьев*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-47-52

Введение. В статье рассматривается несовершенство правовых норм, регулирующих порядок заключения договоров купли-продажи недвижимости и пожизненной ренты, приводящих к уязвимости граждан пожилого возраста. Для лишения граждан России принадлежащих им объектов недвижимости, мошенники используют как институт пожизненной ренты, так и ускоренный порядок регистрации сделок с указанными объектами.

Материалы и методы. В ходе написания работы применялась совокупность общенаучных, формального-логических методов (включая методы познания, описания, анализа, индукции, дедукции, сравнения, аналогии, систематизации, моделирования) и специальных методов (формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой, структурно-юридический методы; метод контент-анализа официальных документов, регулирующих порядок оформления договоров пожизненной ренты и переоформления недвижимости).

Результаты исследования. Анализ российского законодательства показал возможности реализации мошенниками механизмов пожизненной ренты и ускоренного переоформления недвижимости в целях присвоения как самих объектов недвижимости, так и денежных сумм, полученных в результате их реализации по цене ниже рыночной.

В то же время законодательство ЕС, имея более длинную историю развития правового регулирования процедур переоформления недвижимости, а также их более подробную и пошаговую реализацию, затрудняет для мошеннических группировок овладение чужими объектами недвижимости.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что ряд действующих законодательных норм российского законодательства в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество, а также договоров пожизненной ренты, создают условия для реализации мошеннических схем и лишения собственников жилья. В связи с изложенным, предложены изменения действующего законодательства, направленные на декриминализацию процессов перехода прав на недвижимое имущество и заключение договоров пожизненной ренты.

* **Соловьев Иван Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: sin.70@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-9033-1668

Введение

Телефонные мошенники постоянно генерируют новые способы обмана россиян, опираясь на последние разработки в сфере психологии, искусственного интеллекта, происходящие события в экономической и политической жизни граждан, а также нормы законодательства, позволяющие использовать их в преступных схемах. Одними из главных целей мошенников являются объекты недвижимости, принадлежащие гражданам Российской Федерации. С точки зрения Е.А. Суханова, под недвижимой вещью следует рассматривать объект, характеризующийся гражданским правоотношением [3. С. 43]. В отличие от зарубежных правовых порядков в российском государстве сложился многообъектный состав недвижимого имущества. При этом в доктрине отсутствует единство мнений относительно понятия «недвижимое имущество», а также критериев его определяющих. [2. С. 3].

Именно в деталях норм гражданского права и кроется тот «дьявол», который позволяет злоумышленникам лишать россиян недвижимости, причем подчас единственной.

Исследование

В последнее время на завершающей стадии мошеннических сценариев все чаще стали появляться договоры пожизненной ренты, которые преступники понуждают заключать российских пенсионеров. Происходит это следующим образом. После того, как преступники, представившись сотрудниками органов безопасности, заставили перевести все денежные средства со счетов пенсионера, а также взять кредиты и микрозаймы, они сообщают, что квартира или дом жертвы находятся под угрозой отчуждения. Для защиты недвижимости есть только «один путь» - заключить фиктивный договор пожизненной ренты с человеком, которого они укажут.

Пока такой человек едет к пенсионеру, ему предоставляют такси для того чтобы посетить психоневрологический диспансер и взять справку о вменяемости. После этого потенциальный рентодатель и жертва направляются к нотариусу, куда приглашается

врач, который проводит экспресс освидетельствование пенсионера. Соблюдя все формальности, нотариус удостоверяет договор, после чего рентодатель, согласно его условиям, переводит на счет рентополучателя определенную сумму, как правило, составляющую от 1/10 до 1/5 рыночной стоимости квартиры.

При этом жертва тут же получает указание от мошенников перевести полученные по договору средства на «специальный счет ЦБ РФ», так как эти деньги якобы принадлежат государству. В итоге оказывается, что пенсионер потерял жилье, а рентодатель утверждает, что не был осведомлен об обмане и всеми силами пытается вручить пенсионеру ежемесячный платеж, для того чтобы не потерять право на объект недвижимости, указанный в договоре.

Сложно представить, что реализация такой мошеннической схемы возможна без осведомленности или прямого участия в ней нотариуса, врача и рентодателя, однако формальные требования закона соблюдены, и правоохранительные, и судебные органы оказываются в данной ситуации бессильны.

Правовая сущность, порядок заключения договоров, а также иные правовые особенности пожизненной ренты отражены в статьях 596-600 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации¹. При этом данные нормы не предусматривают для потенциального рентополучателя возможности тщательно взвесить и продумать все плюсы и минусы такого решения. Чем и пользуются нечистые на руку дельцы и мошенники, осуществляющие свою деятельность с территории противника. Кроме того, при заключении договора пожизненной ренты не учитываются такие факторы, как наличие у рентополучателя близких родственников, его трудоспособность, дееспособность и т.д.

В то же время в СССР пожизненное содержание представляло собой гражданско-правовой договор, в силу которого лицо, нетрудоспособное по возрасту или по состоянию здоровья (отчуждатель), передавало жилой дом (часть его), а также другое имущество в собственность приобретателя, который в уплату за имущество брал на себя обязательство пожизненно предоставлять нетрудоспособному материальное

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N 5 ст. 410.

обеспечение в натуре (жилье, питание, уход и иную необходимую помощь).

В своей деятельности мошенники также активно используют и договоры купли-продажи недвижимости, которые не требуют нотариального удостоверения.

Одновременно в качестве периода охлаждения мог бы рассматриваться срок регистрации перехода права собственности на недвижимость. В частности, согласно статье 31 Федерального закона от 13.07.2015 № 218 «О государственной регистрации недвижимости»² (далее – Закон о регистрации) до осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав либо отказа в государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав рассмотрение представленных для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав заявлений и (или) документов может быть прекращено на основании совместного заявления лиц, представивших заявление и (или) документы для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав.

В то же время сторона сделки, которая вследствие введения ее в заблуждение мошенниками совершила сделку, может препятствовать осуществлению государственной регистрации, подав такое заявление и без второго участника сделки, что в силу пункта 41 части 1 ст. 26 Закона о регистрации послужит основанием для приостановления государственной регистрации, а в случае неустранения данного препятствия и для отказа в государственной регистрации.

Это позволит сторонам разрешать споры о действительности договора или о возможности государственной регистрации при уклонении от нее одной из сторон в судебном порядке.

Вместе с тем в настоящее время в связи с сокращением сроков государственной регистрации подобный период охлаждения существенно сокращен или отсутствует вообще. Так, общий срок государственной регистрации составляет 7 рабочих дней (ч. 1 ст. 16 Закона о регистрации). Кроме того, данный срок уменьшается до 1 рабочего дня в случае уплаты государственной пошлины в двойном размере (ч. 1.1. ст.16 Закона о регистрации).

Указанное положение сейчас активно применяется к договорам купли-продажи жилья, заключенным в простой письменной форме, что фактически лишает жертв мошенников возможности подать заявление о прекращении регистрационных действий. Кроме того, судебная практика говорит о том, что государственная регистрация недвижимого имущества носит правоудтверждающий, а не правоустанавливающий характер [4. С. 3].

При этом государственная регистрация является ключевым моментом для мошенников, определяющим, что преступление удалось, а преступный замысел находится на последней стадии реализации. Исполнение договора купли-продажи недвижимости сторонами до государственной регистрации перехода права собственности не является основанием для изменения их отношений с третьими лицами. Это означает, что только после государственной регистрации перехода права собственности покупатель становится собственником недвижимого имущества в глазах третьих лиц [1. С. 4].

Современные исследователи отмечают риски, возникающие при государственной регистрации: «...Еще одной проблемой при совершении договора купли-продажи недвижимости выступает несоответствие момента перехода права собственности на объект недвижимости с моментом перехода риска потери такого объекта. Так, в соответствии с требованиями закона, как отмечалось ранее, недвижимое имущество при купле-продаже подлежит государственной регистрации, право собственности возникает именно с момента проведения такого действия» [5. С. 3].

Также отметим, что характерной чертой договоров купли-продажи недвижимости, заключенных под воздействием мошенников, является заниженная цена объекта недвижимости. Заниженная цена не является чем-то новым и необычным в ежедневной практике. «В ряде проблем купли-продажи недвижимого имущества авторами называется еще одна - установление заниженной цены в условиях договора» [1. С. 4]. И если ранее заниженная цена указывалась для снижения или избежания уплаты налогов, то в настоящее время это делается для того чтобы сделка произошла и была зарегистрирована в максимально короткие сроки.

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости", Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 29 (часть I) ст. 4344.

В связи с изложенным весьма интересным представляется европейский опыт оформления сделок с недвижимым имуществом. По своей многоступенчатости, подробности и дотошности, а также в силу серьезной ответственности, которая предусмотрена для нотариусов в случае нарушения ими предписанных законом процедур составления соответствующих документов, процедура перехода права собственности на недвижимость практически исключает возможность оперативного (в течение одного-трех дней) переоформления указанных объектов.

Более чем в 80% европейских стран все сделки с недвижимостью в обязательном порядке удостоверяются нотариусом. Именно нотариус ответственен за юридическую чистоту сделки и берет весь процесс купли-продажи под свой контроль, в том числе предоставляет участникам финансовые консультации. Более того: депозитный счет нотариуса официально считается наиболее безопасным местом для временного хранения денег покупателя недвижимости. Как только участники подписывают окончательный вариант договора, деньги с нотариального счета переводятся на счет продавца.

Примечательно, что во многих европейских странах объекты недвижимости автоматически прикрепляются к конкретным нотариальным конторам по территориальному признаку. Так нотариус становится хранителем абсолютно всей информации о недвижимости.

Хотя у каждой страны есть свои особенности и отличия в процедуре сделок с недвижимостью, практика европейцев давно доказала плюсы нотариального заверения договоров купли-продажи недвижимости. Эта процедура – самый надежный вариант для всех участников сделки.³

Основываясь на результатах проведенного исследования, полагаю возможным выйти с предложением по корректировке некоторых норм действующего гражданского

законодательства, а также законодательства в сфере государственной регистрации:

1. Предусмотреть в ГК РФ⁴ четырнадцатидневный период охлаждения при заключении договора пожизненной ренты – в течение этого срока проект договора находится у нотариуса в ожидании окончательного решения потенциального рентополучателя.

Аналогичные правовые инструменты применяются при заключении договоров страхования, в которых устанавливается срок, в течение которого можно отказаться от страхового продукта, разорвать договор страхования и полностью вернуть уплаченную страховую премию. Период охлаждения всегда прописан в договоре и по закону составляет не менее 14 дней, при этом страховая компания может его только увеличить. Если такого пункта в договоре нет, то сам договор может быть признан недействительным. В последнее время эта норма стала действенной профилактической мерой, направленной против навязанных страховых инструментов.

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»⁵ предусматривается право заемщика в течение четырнадцати календарных дней с даты получения потребительского кредита (займа) досрочно вернуть всю сумму потребительского кредита (займа) или ее часть без предварительного уведомления кредитора с уплатой процентов за фактический срок кредитования. А с 1 сентября 2025 года⁶ кредитная или микрофинансовая организация осуществляют передачу заемщику денежных средств по договору потребительского кредита (займа):

- не ранее чем через четыре часа после подписания заемщиком индивидуальных условий договора потребительского кредита (займа), а также в случае увеличения суммы потребительского кредита (займа) или лимита кредитования, если сумма потребительского кредита (займа) или лимит

³ Сделки с недвижимостью: опыт и практика европейских государств, <https://www.rosnotarius.ru/sdelki-s-nedvizhimostyu-opyt-i-praktika-evropejskih-gosudarstv> (дата обращения 25.05.2025).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ, Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301

⁵ Федеральный закон от 21 декабря 2013 года N 353-ФЗ "О потребительском кредите (займе)" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, N 51, ст. 6673; 2017, N 50, ст. 7549; 2018, N 53, ст. 8480; 2019, N 52, ст. 7801; 2021, N 27, ст. 5156, 5157; 2023, N 16, ст. 2764; N 31, ст. 5785; N 52, ст. 9520; 2024, N 10, ст. 1306)

⁶ Федеральный закон от 13.02.2025 N 9-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", Российская газета, Федеральный выпуск: №34(9573) от 17.02.2025.

кредитования составляет от 50 тысяч до 200 тысяч рублей;

- не ранее чем через 48 часов после подписания заемщиком индивидуальных условий договора потребительского кредита (займа), а также в случае увеличения суммы потребительского кредита (займа) или лимита кредитования, если сумма потребительского кредита (займа) или лимит кредитования составляет более 200 тысяч рублей.

2. Предусмотреть, по аналогии с европейским законодательством, обязательное нотариальное удостоверение всех договоров купли-продажи недвижимого имущества, а также обязательное уведомление нотариусом (помощником нотариуса) близких родственников рентополучателя о намерении заключить договор пожизненной ренты;

3. Учитывать уровень трудоспособности, а также состояния здоровья рентополучателя, удостоверенные

врачебной комиссией государственного учреждения здравоохранения по месту регистрации гражданина;

4. Исключить возможность государственной регистрации договора купли-продажи недвижимости в течение одного рабочего дня в случае уплаты двойной государственной пошлины.

Заключение

Внесение указанных дополнений направлено на соблюдение прав собственности российских граждан, профилактику и пресечение противоправных посягательств на принадлежащие им объекты недвижимости, снижение криминогенности на рынке жилья, а также лишение мошенников потенциальных возможностей и лазеек для совершения хищений.

Литература:

1. Дармаева Б.Н. Проблемы правового регулирования договора купли-продажи недвижимого имущества // Научный лидер. 2024, апрель. Выпуск 16 (166).
2. Лужина А.Н. Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды: учебное пособие. М., 2017.
3. Российское гражданское право: учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть / Под ред. Е.А. Суханова. М., 2019.
4. Федорова Т.Ю., Мухранов Р.Н. К вопросу о правовом регулировании договор купли-продажи недвижимого имущества // Экономика и социум. 2016. № 3 (22).
5. Цуканова Е.Ю., Селютина В.Ю. Правовые риски сторон договора купли-продажи недвижимости, вытекающие из норм гражданского законодательства // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 3(42). С. 560-565.

PREVENTION OF TELEPHONE AND ONLINE FRAUD THROUGH THE ADJUSTMENT OF THE INSTITUTION OF A LIFETIME ANNUITY

Introduction. The article examines the imperfection of legal norms governing the procedure for concluding contracts for the purchase and sale of real estate and life annuities, leading to the vulnerability of elderly citizens. To deprive Russian citizens of real estate owned by them, fraudsters use both the institution of a lifetime annuity and an accelerated procedure for registering transactions with these objects.

Materials and methods. In the course of writing the work, a set of general scientific, formal-logical methods (including methods of cognition, description, analysis, induction, deduction, comparison, analogy, systematization, modeling) and special methods (formal-legal, historical, comparative-legal,

structural-legal methods; the method of content analysis of official documents regulating the procedure for registration of life annuity contracts and real estate renewal).

The results of the study. An analysis of Russian legislation has shown that fraudsters can implement mechanisms for life annuity and accelerated real estate re-registration in order to appropriate both the real estate objects themselves and the sums of money received as a result of their sale at a price below the market.

At the same time, EU legislation, having a longer history of legal regulation of real estate real estate conversion procedures, as well as their more detailed

and step-by-step implementation, makes it difficult for fraudulent groups to take possession of other people's real estate.

Discussion and conclusion. The study showed that a number of current legislative norms of Russian legislation in the field of state registration of rights to real estate, as well as life annuity agreements, create conditions for the implementation of fraudulent schemes and the deprivation of homeowners. In connection with the above, amendments to the current

legislation aimed at decriminalizing the transfer of rights to real estate and the conclusion of life annuity agreements are proposed.

Ivan N. Solovyov,
Doctor of Sciences (Law), Professor,
Honored Lawyer of Russia, Chief Researcher,
the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia

Ключевые слова:

телефонное и онлайн мошенничество, договор пожизненной ренты, кредиты, микрозаймы, договор купли-продажи недвижимости, государственная регистрация договоров купли-продажи недвижимости, период охлаждения, нотариальное заверение, уведомление близких родственников, состояние здоровья и уровень трудоспособности, ускоренный порядок оформления недвижимости.

Keywords:

telephone and online fraud, life annuity agreement, loans, microloans, real estate purchase and sale agreement, state registration of real estate purchase and sale agreements, cooling-off period, notarization, notification of close relatives, health status and level of ability to work, accelerated procedure for registration of real estate.

References:

1. Darmaeva B.N., 2024. Problemy pravovogo regulirovaniya dogovora kupli-prodazhi nedvizhimogo imushhestva [Problems of legal regulation of the contract of sale of real estate]. *Nauchnyj lider [Scientific leader]*. April. Issue 16 (166).
2. Luzhina A.N., 2017. Nedvizhimoe imushhestvo: ponjatie i ot del'nye vidy: uchebnoe posobie [Real estate: the concept and certain types: a textbook]. Moscow.
3. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: V 2 t. T. I: Obshhaja chast' [Russian civil law: Textbook: In 2 volumes. Vol. I: General part]. Ed. by E.A. Sukhanov. Moscow, 2019.
4. Fedorova T.Ju., Mukhranov R.N., 2016. K voprosu o pravovom regulirovanii dogovor kupli-prodazhi nedvizhimogo imushhestva [On the issue of legal regulation of the contract of sale of real estate]. *Jekonomika i socium [Economics and Society]*. № 3 (22).
5. Tsukanova E.Yu., Selyutina V.Yu., 2020. Pravovye riski storon dogovora kupli-prodazhi nedvizhimosti, vytekayushchie iz norm grazhdanskogo zakonodatel'stva [The legal risks of the parties to the contract of sale of real estate arising from the norms of civil legislation]. *Alleya nauki [Alley of Science]*. Vol. 1. № 3(42). P. 560-565.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Пётр Ложковой*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-53-62

Введение. В условиях обострения международной военно-политической обстановки на первый план выходят вопросы защиты национального суверенитета и национальной безопасности России с использованием различных механизмов государственной политики, в том числе и с опорой на нормы международного права, регулирующие новейшие отношения, складывающиеся между государствами по поводу милитаризации космического пространства. В силу того, что данная проблема далека от окончательного разрешения, дальнейшие исследования в данном направлении являются весьма актуальными и определяют необходимость научного осмысления проблемы милитаризации космического пространства и разработки рекомендаций, направленных на дальнейшее развитие системы международно-правового регулирования в данной области межгосударственных отношений.

Материалы и методы. Теоретическую и эмпирическую базу исследования составляют международно-правовые документы (прежде всего Совета Безопасности ООН, Генеральной Ассамблеи ООН), нормативно-правовые акты международного договорного права, зарубежная и отечественная международно-правовая литература. На основе интегративного подхода к научному юридическому исследованию при написании статьи были применены общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере международного права, а именно системно-структурный анализ; метод синтеза правовых явлений и процессов военно-технологического освоения космического пространства; формально-логический метод, а также метод нормотворческого обеспечения процессов использования космоса в военных целях.

Результаты исследования. Автором выделены два уровня военного освоения космического пространства, рассмотрены проблемы правового регулирования использования противоспутникового оружия, а также предложены направления формирования соглашения о контроле над противоспутниковым оружием. Предложено включить в эти соглашения действительно важные положения, позволяющие придать данному направлению международного права реальную значимость. В частности, в данные соглашения возможно включить

* Ложковой Пётр Николаевич, заместитель Председателя Совета депутатов муниципального округа Коммунарка в г. Москве
e-mail: rtgpetr@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6477-7682

положение о международном моратории на кинетические испытания противоспутниковых систем вооружений, обозначить определенные орбитальные высоты как зоны безопасности, где размещение объектов возможно только с согласованием и под контролем международных организаций.

Обсуждение и заключение. Предложенные в статье подходы важны для России и мирового сообщества, поскольку они служат конкретизации шагов, снижающих возможности дальнейшей милитаризации космического пространства, могут использоваться в качестве строительных блоков для создания кодифицированных правил использования космического пространства.

Россия как космическая держава, обладающая серьезными возможностями в области использования космоса в военных целях, должна сыграть ключевую роль в этом процессе, который требует разумного участия в системе международно-правового регулирования и отстаивания своих национальных интересов в области использования космического пространства в целях национальной обороны.

Введение

В начале XXI века космос, став ареной военного противостояния, является областью мировой политики, способной изменить баланс сил на международной арене, усиливая военно-политическую конкуренцию, а также стимулируя новую гонку вооружений, которая в настоящее время, фактически, выходит за рамки международного правового регулирования.

В то же время милитаризация космоса приобретает стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и создания глобального баланса сил, побуждающего государства вкладывать ресурсы в развитие космических оборонительных технологий.

Как заявляет Министерство иностранных дел России, «во взаимоотношениях между государствами может возникнуть ситуация, при которой одна из сторон будет иметь значительные стратегические преимущества, а другая не будет иметь возможности осуществить защиту своих стратегических интересов. Одностороннее владение таким компонентом стратегических вооружений, как космическое оружие, будет в какой-то мере стимулировать попытки провести переустройство мира, установить диктат

в отношении между государствами, ввести в практику международных отношений попытки разрешения споров силой или силовыми угрозами»¹.

При этом еще в 2000 году российская сторона указывала на то, что «современные нормы международного космического права имеют "белые пятна" и не обеспечивают всеобъемлющего и эффективного запрета на гонку вооружений в космосе. Они ограничивают лишь определенные - пусть и важные - виды деятельности государств, в частности, касающиеся испытания и вывода в космос ядерного и других видов оружия массового уничтожения. В предложении же России речь шла о том, чтобы, опираясь на четкую юридическую базу, исключить размещение в космосе оружия любого рода и отказаться от применения силы или силовых угроз в космосе или из космоса, не допустить гонки вооружений в космическом пространстве и тем более превращения его в театр военных действий»².

Данная стратегическая задача имеет важнейшее военно-политическое значение для России и мирового сообщества, в связи с чем проблемы, поднятые в данной статье, являются актуальными.

В силу того, что данная проблема далека от окончательного разрешения, дальнейшие исследования в данном направлении являются весьма актуальными.

¹ О влиянии милитаризации космического пространства на стратегическую стабильность и международную безопасность (Доклад на международной космической конференции). – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1709128/

² О российской инициативе о предотвращении милитаризации космоса. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/1594268/

Таким образом, целью данной статьи является исследование проблемы милитаризация космического пространства, разработка рекомендаций, направленных на дальнейшее развитие системы международно-правового регулирования в данной области межгосударственных отношений.

Исследование

Международно-правовые аспекты регулирования процессов милитаризации космического пространства.

В настоящее время в центре внимания российских исследователей стоят проблемы мирного использования космического пространства и ограничения военного компонента в космосе [3], вопросы использования международно-правовых механизмов в области его демилитаризации [4], организационно-правовые формы международного сотрудничества по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях [1, 2, 3]. В этих работах находим важные положения относительно необходимости отстаивания национальных интересов в области военного использования космоса, предложения по поводу развития международного права в данной области военно-политического взаимодействия между странами, сопоставление национального законодательства различных государств с нормами международного космического права в области демилитаризации.

Несмотря на растущий интерес к милитаризации космоса, международное право устанавливает ряд стандартов, ограничивающих использование космического пространства в военных целях. Принцип непризнания космического пространства и небесных тел является фундаментальным в международном космическом праве и означает, что ни одно государство не может заявить суверенитет над космосом, Луной или другими небесными телами. Этот принцип был закреплён в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 1721 (XVI)³, в которой указано, что космическое пространство и небесные

тела открыты для исследования и использования всеми государствами в соответствии с международным правом и не могут быть присвоены каким-либо государством.

Позже, этот принцип был подтверждён в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее – Договор о космосе)⁴, который запрещает любое национальное присвоение, независимо от того, осуществляется оно путём провозглашения суверенитета, использования или оккупации, или каким-либо другим способом.

Такой подход направлен на сохранение космоса как общего достояния человечества, доступного для всех государств, независимо от их экономических или технологических возможностей.

Стоит отметить, что Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах⁵ дополняет Договор о космосе и регулирует использование Луны и других небесных тел. В частности, его положения запрещают любые военные действия на Луне и определяют её как общее достояние человечества. Хотя многие страны не подписали это соглашение, оно устанавливает важный прецедент для мирного использования небесных тел.

В контексте указанного, стоит согласиться с позицией таких ученых, как Пантелеева А.А. [2], Попова О.А. [3], Потапенко А.М. [4], которые считают, что, несмотря на наличие в международных договорах соответствующих норм о мирном использовании космоса, все же существуют определенные пробелы в международных актах, особенно касающиеся более детального правового регулирования использования Луны и других небесных тел.

Действительно, международное космическое право имеет определенные пробелы, особенно в регулировании использования Луны и других небесных тел. Договор о космосе и Договор о Луне содержат лишь общие принципы, оставляя многие вопросы без конкретных ответов, например, эти

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1721 (XVI) Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях. 20 декабря 1961. – Режим доступа: https://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_16_1721R.pdf

⁴ Договор о космосе (Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела). – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml

⁵ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml

соглашения не определяют конкретные механизмы, по которым можно было бы осуществлять распределение или использование таких ресурсов.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 36/97⁶ подчеркивает важность предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве. Она ссылается на пункт 80 Заключительного документа десятой специальной сессии (резолюция S-10/2), который призывает международное сообщество продолжать переговоры и разрабатывать меры по недопущению милитаризации космоса.

Это соответствует принципам Договора о космосе, который устанавливает, что космическое пространство предназначено для мирного использования и запрещает размещение оружия массового уничтожения на орбите Земли или на небесных телах. Основной целью Конвенции о запрете военного или любого другого враждебного использования средств воздействия на окружающую среду (также известной как Конвенция ENMOD⁷) является запрет на использование военных технологий, способных изменять окружающую среду с целью нанесения ущерба другим государствам.

Эта Конвенция охватывает влияние на различные природные среды, включая космическое пространство, и, соответственно, запрещает любые методы модификации окружающей среды, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия для экосистемы, если они используются с враждебными целями, например, запрещает воздействие на погоду, климат, состояние океанов и космическое пространство. Хотя Конвенция не охватывает все аспекты военных технологий, она ограничивает возможность применения таких методов, которые могут повлиять на космическую среду, поддерживая глобальные усилия по сохранению мира в космосе.

Как верно отметил Потапенко А.М., важно продолжать укреплять международно-правовые основы демилитаризации космического пространства путем разработки новых международных договоров, что является необходимостью и превентивной мерой

для предотвращения гонки вооружений, поскольку существующие международные соглашения не предусматривают запрета на размещение некоторых видов вооружения нового поколения [4].

Таким образом, хотя существуют международные стандарты для демилитаризации космоса, обеспечение его мирного использования остается вызовом. Государства стараются соблюдать международное право, но при этом активно развивают технологии, которые могут использоваться и в оборонных целях, что создаёт новые риски.

Учитывая вышеизложенное, важно подчеркнуть, что дальнейшее укрепление международно-правовых основ демилитаризации космического пространства является критически важным шагом, поскольку современные договоры лишь частично охватывают новейшие виды вооружений. Это создаёт вызовы, связанные с милитаризацией космоса, так как коммерческие структуры все чаще участвуют в оборонных программах, разрабатывают технологии двойного назначения и способствуют развитию инфраструктуры, которая может использоваться в военных целях.

Например, компания SpaceX заключила контракты с Министерством обороны США на использование спутниковой интернет-системы Starlink для обеспечения военной связи⁸.

Таким образом, частные компании благодаря быстрому технологическому развитию и гибкости в инновациях стали важными участниками космической гонки, но, в то же время создают риски для милитаризации космоса. Они открывают новые возможности для космической обороны, но их деятельность также требует тщательного международного контроля, чтобы предотвратить превращение космоса в поле для военных конфликтов и защитить его как общий ресурс для всего человечества.

Противоречивый и сложный характер создания всеобъемлющей правовой базы, которая бы регулировала все вопросы использования космического пространства в военных целях, является следствием того,

⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 36/97. Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. 9 декабря 1981. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/36/97>

⁷ Конвенция ENMOD (Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду) // Военная энциклопедия / Грачёв П. С. – Москва: Военное издательство, 1999. Т. 4. С. 136.

⁸ SpaceX Secures U.S. Contract to Provide Ukraine Access to Starshield. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/pentagon-buys-starlink-ukraine-statement-2023-06-01/>

что космические державы имеют свои военно-политические интересы, представления о национальной безопасности и о границах возможных компромиссов. Свидетельством тому является вето России на проект резолюции ООН о запрете размещения ядерного оружия в космосе 2024 года. Россия оказалась единственной страной, кто проголосовал против документа на заседании Совета Безопасности. В данном случае понимать, что Россия наложила вето не на саму обсуждаемую проблему, а конкретно на тот проект резолюции, который представили США и Япония. Данная инициатива, разработанная американской стороной, сформулирована таким образом, что в ней идет речь исключительно о недопущении в космосе ядерного оружия. Однако российская позиция в данном вопросе вполне последовательная, предполагающая демилитаризацию космического пространства как таковую, включая исключение возможности размещать в космосе все виды вооружения⁹.

При этом Россия останется приверженной своим обязательствам в космическом пространстве в соответствии с международным правом, а ее позиция полностью соотносится с положениями договора ОСВ-2 (1979 г.), который запрещал развертывание ударных систем, в соответствии с которым каждая Сторона обязуется не разрабатывать, не испытывать и не развертывать системы для вывода на околоземную орбиту ядерного оружия или любого другого вида оружия массового поражения, включая частично-орбитальные ракеты¹⁰.

В то же время вопросы милитаризации космического пространства в настоящее время рассматриваются на двух уровнях: первый уровень предполагает возможности использования в космосе неударных систем военного назначения, второй – возможности

использования космического пространства для нанесения ударов по объектам, которые находятся в космическом пространстве либо на земле. В этой связи Россия выступает не против милитаризации, под которой подразумевают информационное, не боевое использование космоса, а против «вепонизации» космоса, то есть появления в космосе военных систем боевого, ударного назначения. Такие системы были бы предназначены для поражения как других находящихся в космосе военных систем, так и для нанесения ударов из космоса по объектам на Земле. В этом, то есть в ударном предназначении потенциальных военных космических систем, и состоит суть «вепонизации»¹¹.

До сих пор международное сообщество, в частности усилия ООН направлены на регулирование военной деятельности в космосе¹².

Однако, несмотря на эти усилия, достичь всеобъемлющего консенсуса по обязательным правилам регулирования военной деятельности в космическом пространстве не удалось, что является следствием высокой сложности создания норм правового регулирования в данной сфере, что наиболее ярко проявляется в попытках регулирования вопросов, связанных с использованием противоспутниковых систем.

Данная проблема отражает глубокие разногласия, имеющиеся в международном сообществе между желательностью и эффективностью применения норм международного права в области контроля за космическими военными технологиями.

Проблема правового регулирования использования противоспутникового оружия.

Соглашения, запрещающие или контролирующее распространение вооружений,

⁹ США выступили за милитаризацию космоса Россия ответила в стиле СССР. – Режим доступа: <https://rodina-history.ru/2024/05/13/ssha-vystupili-za-militarizaciiu-kosmosa-rossia-otvetila-v-stile-sssr.html>

¹⁰ Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (договор ОСВ-2) от 18 июня 1979. <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/>.

¹¹ Цифровой бюллетень «Ядерный Контроль» Эксклюзивное интервью № 17, 2024. «Россия выступает против «вепонизации» космоса, то есть появления в космосе военных систем боевого, ударного назначения»: Интервью А.Кошкина с М.Лысенко. – Режим доступа: <https://pircenter.org/editions/17-2024-rossija-vystupaet-protiv-veronizacii-kosmosa-to-est-pojavlenija-v-kosmose-voennyh-sistem-boevogo-udarnogo-naznachenija-intervju-andreja-koshkina-s-mihailom-lysenko/>

¹² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 декабря 2021 года 76/231. Уменьшение космических угроз путем принятия норм, правил и принципов ответственного поведения. – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org > A_RES_76_231-RU; Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 30 декабря 2022 года 77/250. Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/77/250>

должны конкретизировать объект правового регулирования, четко сформулировать исходные дефиниции, поскольку без определения основополагающих понятий, в частности понятия противоспутникового оружия (ASAT), которое одновременно должно быть универсальным и точным, международные режимы, препятствующие разработке, развертыванию и использованию ASAT, останутся неэффективными. В настоящее время существует, как минимум, два препятствия, которые осложняют создание такой дефиниции: разнообразие форм противоспутникового оружия и проблема двойного назначения космических объектов.

Рассматривая первую проблему, обращаясь к работам [8, 10] можно определить, что противоспутниковое оружие – это любая технология, которая может временно или навсегда вывести из строя либо снизить функциональность спутника, либо уничтожить его.

Это означает, все перечисленное: оружие направленной энергии, кинетические ракеты воздушного и наземного базирования, кибертехнологии прерывания восходящего и нисходящего каналов, глушение радиочастот, атаки на наземные станции, может вполне укладываться в технологическую составляющую такого определения. При этом быстрый прогресс области космических и цифровых технологий создает принципиально новые возможности противоспутниковой борьбы. Из сказанного вытекает, что разнообразие противоспутникового оружия затрудняет формулирование всеобъемлющего определения, а попытки конкретизировать технологии и инструменты противоспутниковой борьбы неизбежно оставляют лазейки, поскольку такие технологии относятся к отдельным областям техники и технологии, которые формируют уникальные эксплуатационные требования к функционированию противоспутниковых систем, что требуют особого подхода к правовому регулированию.

Контроль над этими технологиями особенно сложен, учитывая, что многие из них имеют законное, мирное или обычное применение на орбите. Другими словами, многие противоспутниковые системы являются

технологиями двойного назначения в своих возможностях содействовать как мирным, так и агрессивным целям. При этом специфика противоспутниковой борьбы состоит в том, что сами спутники являются слабо защищенными объектами и требуется небольшое усилие, чтобы вывести их из строя.

В этой связи, как указывают зарубежные исследователи, когда свойства цели определяются ее хрупкостью, все становится оружием. Например, концепция спутников-ремонтников на коорбитальной орбите становится все более популярной как средство восстановления неисправных спутников, а не их замены¹³.

Но, те же возможности, которые используются для ремонта спутников на орбите, могут быть использованы для их уничтожения. В том же ряду стоит проблема, связанная с тем, что любой спутник, оснащенный радиочастотной антенной, необходимой для приема сигналов, может также излучать их с достаточной мощностью, чтобы глушить связь соседних спутников¹⁴.

Данная проблема возникла не сегодня, еще в 2014 г. Россия и Китай представили на Конференции по разоружению проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК).

Этот проект включал в себя положение, согласно которому оружием является «любой космический объект или его компонент, произведенный или переоснащенный для уничтожения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов в космическом пространстве».

По нашему мнению, это определение ограничено, поскольку те же роботы-ремонтники не нуждаются в переоснащении либо переоборудовании, также эти технико-технологические системы не созданы для противоспутниковой борьбы, хотя и обладают такими возможностями.

В настоящее время дебаты об определении продолжаются, однако окончательного решения данной проблемы до сих пор не найдено [5].

По нашему мнению, наиболее простым и эффективным способом конкретизации

¹³ Messier D. Robotic satellite servicing tech ready for orbital tests, experts say. September 27, 2016. <https://www.space.com/34183-robotic-satellite-servicing-a-reality-soon.html>.

¹⁴ Baseley-Walker B., Weeden B. Verification in Space: Theories, Realities and Possibilities. ed. Kerstin Vignard. Geneva: United Nations Institute for Disarmament Research. URL: <https://unidir.org/wp-content/uploads/2023/09/arms-control-verification-en-320>

объектов, способных вести противоспутниковую борьбу, является отказ от их перечисления, а обращение к результатам преднамеренного воздействия на космический объект, что приводит к выходу его из строя.

В данном случае речь должна идти о преднамеренном характере действий, которые привели к нарушению функций либо к уничтожению космического объекта, на который было осуществлено внешнее воздействие. Данный подход целесообразно использовать, пока не будет выработано более точное определение, учитывая, что предлагаемое решение осуществления регулирования режима контроля противоспутникового оружия позволяет осуществлять контроль независимо от дифференцированных признаков данных вооружений.

Аргументация

Любое соглашение о контроле над вооружениями бессмысленно, если его участники не могут ясно представлять, когда его положения нарушаются. В этой связи возможность контролировать и различать соблюдение и несоблюдение норм права должна быть частью любого контроля над вооружениями. Сказанное требует того, чтобы международное сообщество могло идентифицировать, характеризовать и контролировать объекты на орбите, однако в настоящее время надежные возможности идентификации космического оружия остаются весьма спорными с точки зрения получения неопровержимых доказательств, позволяющих говорить о нарушении норм международного права.

В области космического орбитального оружия, которое международное сообщество стремится регулировать, в настоящее время сложно отслеживать объекты именно военного назначения, понимать, что они собой представляют, и знать, на что они способны после развертывания на орбите. Помимо этого, проверка идентификации нефизического оружия, такого как использование цифровых технологий и хакерских атак на объекты космической инфраструктуры, является весьма сложной.

Даже если международное сообщество окажется способным в обозримом будущем создать средства для надежного отслеживания всех орбитальных объектов, проверка функции конкретного космического объекта, уже находящегося на орбите, более сложная задача. Исследования показывают, что сбор данных о функциональности спутников на орбите теоретически возможен с ис-

пользованием системы из нескольких спутников наблюдения [7].

Но этот метод контроля, во-первых, предполагает способность системы контролируемых спутников располагаться рядом с рассматриваемым объектом, а во-вторых, имеет ограничения, связанные с тем, что военное назначение данных объектов может не проявляться на протяжении длительного времени. При этом ни Россия, ни другие космические державы, ни международные организации не имеют инфраструктуры или ресурсов для проведения тотального контроля на орбите сейчас или в обозримом будущем. При этом многие противоспутниковые системы имеют наземное базирование, что означает, что это оружие может быть разработано и развернуто вне сферы действия систем мониторинга орбитальных объектов. Одновременно нефизические атаки трудно связать с их национальной принадлежностью, например, в случае применения оружия направленной энергии против космического объекта операторам спутников сложно определить ответственного субъекта, учитывая также и то, что в космических условиях системы часто выходят из строя без видимых причин. Если спутник-цель не оснащена датчиками, которые могут идентифицировать «всплеск тепловой энергии или внезапное насыщение оптических датчиков», нет способа отличить случайный отказ спутника от злонамеренной лазерной атаки [9].

Атаки, которые связаны с глушением спутникового сигнала также трудно атрибутировать, поскольку спутники используют узкий диапазон электромагнитного спектра для связи. Все более насыщенные орбиты означают, что все чаще несколько космических объектов используют похожие или идентичные частоты и, как следствие, непреднамеренно глушат связь соседнего спутника. Соответственно различение преднамеренного и непреднамеренного глушения затруднено, если не невозможно [9].

Данные проблемные вопросы демонстрируют, что милитаризация космического пространства как международно-правовая проблема требует особого внимания в силу отсутствия надежных правовых регуляторных инструментов, что связано, в первую очередь, со спецификой космических технологий и несовершенством средств контроля.

Международное сотрудничество является ключевым компонентом эффективных режимов контроля над оружием, размещаемым в космическом пространстве. В то же

время следует признать, что многие из основных конкурентов России, обладающих космическим потенциалом, воспринимают обладание таким оружием как стратегическую необходимость, а разница между общемировыми интересами и ограниченным политическим мышлением является препятствием для развития многосторонних переговоров по данной проблеме. Ограниченность мышления, в данном случае проявляется в том, что Соединенные Штаты полагаются на свои космические активы для «разнообразного спектра политической, военной и экономической деятельности», основополагающей для их национальной безопасности¹⁵.

В то же время политические оппоненты Америки рассматривают зависимость вооруженных сил США от космических систем как потенциальную слабость. Эта «зависимость от космоса создает уязвимость, которая является привлекательной целью для противников»¹⁶.

В этой связи в условиях роста международной напряженности, непредсказуемости внешней политики США, Китай и Россия в частности рассматривают космос как жизненно важную и оспариваемую стратегическую сферу, и противоспутниковые системы дают им возможность проецировать силу в этой сфере против Соединенных Штатов. С их точки зрения, противоспутниковые системы являются уравнителем, который позволяет им преодолеть относительную слабость обычных вооружений. Соответственно можно говорить о том, что всеобъемлющие режимы контроля над вооружениями противоспутниковых систем останутся неосуществимыми до тех пор, пока не исчезнут стимулы к гонке вооружений и/или не исчезнут первопричины современной геополитической напряженности.

В будущем данная правовая проблема, несомненно, возникнет и будет решаться на основе соглашений, не имеющих всеобъемлющего характера. По нашему мнению, соглашения о контроле над противоспутниковым оружием, вероятно, в их первоначальном виде будут больше способствовать ограничению гонки противоспутникового оружия, а не ее предотвращению, что в целом не решит проблему, поскольку такой правовой подход побудит государства

разрабатывать противоспутниковое оружие, которое выходит за рамки юрисдикции соглашений. Например, если соглашение запрещает кинетическое противоспутниковое оружие, то страны, способные осуществлять космические операции, будут стремиться разрабатывать более эффективное некинетическое оружие, которое выходит за рамки разработанного правового режима.

Контроль над противоспутниковым оружием также будет иметь негативные последствия и может усилить стимулы к маскировке и сокрытию противоспутниковых технологий, что значительно усложнит процесс идентификации оружия, что усугубит данную правовую проблему.

По нашему мнению, в будущие соглашения вполне возможно включить действительно важные положения, позволяющие придать данному направлению международного права реальную значимость.

В частности, в данные соглашения возможно включить положение о международной моратории на кинетические испытания ASAT, что особенно важно, поскольку такие испытания генерируют мусор и делают космическую среду более опасной в плане эксплуатации [6].

Такие испытания вполне подлежат международному контролю и их характер позволяет идентифицировать государство, которое проводит данное испытание, - другими словами, такие испытания легко контролировать, проверять и атрибутировать.

Следующее предложение состоит в том, чтобы в будущих соглашениях сделать упор не столько на контроль над вооружениями, сколько на мерах прозрачности и укрепления доверия. Если адекватное определение космического оружия остается недостижимым, международное сообщество могло бы вместо этого обозначить определенные орбитальные высоты как зоны безопасности, где размещение объектов возможно только с согласованием и под контролем международных организаций. Если страна попытается разместить объекты в этих зонах, то такие объекты будут подлежать проверке с помощью инспекционного механизма, подобного механизму Международного агентства по атомной энергии.

Безусловно, что данные подходы не являются всеобъемлющими конечными решени-

¹⁵ Black J. Our Reliance on Space Tech Means We Should Prepare for the Worst. Defense News, March 12, 2018. URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2018/03/our-reliance-on-space-tech-means-we-should-prepare.html>

¹⁶ Wilson T. Threats to United States Space Capabilities. URL: <https://spp.fas.org/eprint/article05.html>

ями, но служат промежуточными усилиями по достижению более полных соглашений в будущем.

Заключение

Предлагаемые подходы могли бы служить для обозначения нарушений и повышения международной прозрачности в плане понимания того, что законно и что незаконно в области использования космического пространства.

Данные нормы важны для России и мирового сообщества, поскольку они служат для конкретизации шагов, снижающих возможности дальнейшей милитаризации космического пространства, могут использоваться

в качестве первых строительных блоков для кодифицированных правил.

Россия как космическая держава, обладающая серьезными возможностями в области использования космоса в военных целях, должна сыграть ключевую роль в этом процессе, который требует разумного участия в системе международно-правового регулирования и отстаивания своих национальных интересов в области использования космического пространства в целях национальной обороны.

В этой связи дальнейшее исследование будет направлено на разработку стратегических основ участия России в системе международно-правового регулирования военного использования космического пространства.

Литература:

1. Никитин А.И., Клинова М.В. Доктринальные аспекты политики США, НАТО и ЕС в области военного космоса // Сравнительная политика. 2022. № 4.
2. Пантелеева А.А. Международное сотрудничество по обеспечению радиационной безопасности в космосе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34. Вып. 5.
3. Попова О.А. Международно-правовое регулирование исследования и использования космического пространства в мирных целях: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024.
4. Потапенко А.М. Международно-правовые проблемы демилитаризации космического пространства: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022.
5. Harrison T. International Perspectives on Space Weapons. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2020.
6. John J. Klein, Understanding Space Strategy: The Art of War in Space. New York: Routledge, 2019.
7. McClintock B. et al. Responsible Space Behavior for the New Space Era: Preserving the Province of Humanity. Santa Monica, CA: RAND, 2021.
8. Pobjie E. Outer Space, Military Uses of // Oxford Public International Law, 2024.
9. Sanger David E. After Russian Cyberattack, Looking for Answers and Debating Retaliation // New York Times. 2021.
10. Schaffer Audrey M. The Role of Space Norms in Protection and Defense // Joint Force Quarterly. 2017. № 87.

MILITARIZATION OF OUTER SPACE AS AN INTERNATIONAL LEGAL PROBLEM

Introduction. *In the context of the aggravation of the international military-political situation, the issues of protecting national sovereignty and national security of Russia using various mechanisms of state policy come to the fore, including relying on the norms of international law governing the latest relations developing between states regarding the militarization of outer space. Due to the fact that this problem is far from being finally resolved, further research in this area is very relevant and determines the need for a scientific understanding of the*

problem of the militarization of outer space and the development of recommendations aimed at the further development of the system of international legal regulation in this area of interstate relations.

Materials and methods. *The theoretical and empirical basis of the study is made up of international legal documents (primarily the UN Security Council, the UN General Assembly), normative legal acts of international treaty law, foreign and domestic international legal literature. Based on the integrative approach to scientific legal research,*

when writing the article, the following were used, in particular, general scientific and special methods of understanding legal phenomena and processes in the field of international law, namely, system-structural analysis; the method of synthesis of legal phenomena and processes of military-technological exploration of outer space; formal-logical method, as well as the method of norm-setting support for the processes of using space for military purposes.

Results of the study. The author identified two levels of military exploration of outer space, considered the problems of legal regulation of the use of anti-satellite weapons, and proposed directions for the formation of an agreement on control over anti-satellite weapons. It is proposed to include in these agreements really important provisions that will give this area of international law real significance. In particular, it is possible to include in these agreements a provision on an international moratorium on kinetic tests of anti-satellite weapons systems, to designate certain orbital altitudes as security zones, where the placement of objects is possible only with

the consent and under the control of international organizations.

Discussion and conclusions. The approaches proposed in the article are important for Russia and the world community, since they serve to specify steps that reduce the possibility of further militarization of outer space, and can be used as building blocks for creating codified rules for the use of outer space.

Russia, as a space power with serious capabilities in the field of using outer space for military purposes, should play a key role in this process, which requires reasonable participation in the system of international legal regulation and defending its national interests in the field of using outer space for national defense.

Petr N. Lozhkovoy,
Deputy Chairman, the Council of Deputies,
Kommunarka Municipal District,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

международное право, космос, военное использование, милитаризация, соглашение, противоспутниковое оружие.

Keywords:

international law, space, military use, militarization, agreement, anti-satellite weapons.

References:

1. Nikitin A. I., Klinova M. V., 2022. Doktrinal'nyye aspekty politiki SSHA, NATO i ES v oblasti voyennogo kosmosa [Doctrinal aspects of the US, NATO and EU policies in the field of military space]. *Sravnitel'naya politika [Comparative politics]*. № 4.
2. Panteleeva A.A., 2024. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo po obespecheniyu radiatsionnoy bezopasnosti v kosmose [International cooperation in ensuring radiation safety in space]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo" [Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law"]*. Vol. 34. Issue 5.
3. Popova O.A., 2024. Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva v mirnykh tselyakh [International legal regulation of the exploration and use of outer space for peaceful purposes]. Thesis for the Degree of Candidate of Law. Moscow.
4. Potapenko A.M., 2022. Mezhdunarodno-pravovyye problemy demilitarizatsii kosmicheskogo prostranstva [International legal problems of demilitarization of outer space]. Thesis for the Degree of Candidate of Law. Moscow.
5. Harrison T., 2020. International Perspectives on Space Weapons. Center for Strategic and International Studies.
6. John J. Klein, 2019. Understanding Space Strategy: The Art of War in Space. Routledge.
7. McClintock B. et al., 2021. Responsible Space Behavior for the New Space Era: Preserving the Province of Humanity. RAND.
8. Pobjie E., 2024. Outer Space, Military Uses of. *Oxford Public International Law*.
9. Sanger David E., 2021. After Russian Cyberattack, Looking for Answers and Debating Retaliation. *New York Times*.
10. Schaffer Audrey M., 2017. The Role of Space Norms in Protection and Defense. *Joint Force Quarterly*. № 87.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА РАБОТНИКОВ В МЕКСИКЕ

Андрей Часовской*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-63-73

Введение. Становление правового статуса работников в Мексике обычно связывается с принятием Конституции 1917 года, закрепившей основы трудового законодательства в ходе Мексиканской революции. Однако предпосылки его формирования складывались на протяжении всей мексиканской истории, в том числе до прихода испанцев, в колониальный период и на этапе независимости. В отечественной и зарубежной историко-правовой науке до сих пор нет комплексного исследования на эту тему. Цель исследования заключается в анализе эволюции правового статуса работников в Мексике до революции 1910–1917 гг., выявлении взаимосвязи между социально-экономическими процессами, законодательными актами и трансформацией трудовых отношений.

Материалы и методы. Исследование основано на применении диалектического, формально-юридического и системного методов, позволивших связать теоретический анализ правовых норм с историческим контекстом. Используются труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные эволюции трудовых отношений и правового статуса работников в Мексике, законодательные акты и трактаты юристов, среди которых Чувства нации 1813 года, «Апацинганская конституция» 1814 года, План Игуалы 1821 года, Временный политический регламент Мексиканской империи 1822 года, Конституция Мексики 1857 года, Декрет 1865 года о свободе труда для наемных работников, Временный свод законов Мексиканской Империи 1865 года. Историко-правовой анализ дополнен изучением социально-экономических условий каждого периода.

Результаты исследования. Становление правового статуса работников стало результатом многовековой эволюции. В доколониальную эпоху трудовые отношения базировались на социальной иерархии и принудительном труде. Несмотря на формальные гарантии прав работников в Законах Индий, колониальное общество унаследовало доколониальные принципы, и на практике эксплуатация коренного населения сохранялась. Период независимости (XIX в.) отменил институты энкомьенды и неонажа, провозгласил равенство граждан, но не создал механизмов защиты прав. Законодательные инициативы 1856–1910 гг., заложили основы регулирования трудовых отношений, а эпоха Порфириата стала катализатором движения за права работников.

* Часовской Андрей Витальевич, аспирант кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: a.chas17@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-2668-7253

Обсуждение и заключение. Ключевой вывод заключается в преемственности между ранними формами регулирования труда и нормами Конституции 1917 года, закрепившей правовой статус работников. Исследование подтверждает, что эволюция трудового права Мексики отражает синтез традиций, «народного духа». Полученные результаты значимы для понимания генезиса трудовых прав и могут быть использованы в сравнительно-правовых исследованиях.

Введение

Принято считать, что становление правового статуса работников в Мексике произошло в начале XX в., а именно в ходе событий, известных как Мексиканская революция 1910-1917 гг., одним из результатов которой явилось принятие Конституции Мексиканских Соединенных Штатов 1917 года, заложившей основу трудового законодательства Мексики. Тема становления правового статуса работников в Мексике остаётся недостаточно изученной в рамках отечественной и испаноязычной юридической историографии. Большинство исследований посвящено либо периоду после принятия Конституции 1917 года, закрепившей основы правового статуса работников, либо юридическим вопросам из других областей права. Однако предпосылки становления правового статуса работников складывались и в колониальную эпоху, и в период либеральных реформ XIX века, и в период Второй Мексиканской Империи.

Цель настоящей статьи заключается в проведении комплексного анализа предпосылок становления правового статуса работников в Мексике до революционных событий 1910-1917 гг. Несмотря на то что отдельные вопросы формирования правового статуса работников в Мексике до революции 1910-1917 гг. изучались в зарубежной и отечественной литературе, комплексного исследования в этой области не проводилось. Так, в монографии В.Е. Баглай «Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй» [1] проводится анализ социально-экономической организации доколониальных обществ Мезоамерики. Селиванова И.В. [2] анализировала конституционные инициативы в Мексике, однако вопросы трудовых отношений рассматривала поверхностно. Нестор де Буэн Лосано [3] и Марио де ла Куэва [6] предлагают систематизированный взгляд на эволюцию трудового законодательства, однако их

исследования недостаточно освещают регламентацию правового статуса работников периода Второй Мексиканской Империи.

Несмотря на отсутствие комплексного исследования на выбранную тему, широкий список авторов, занимавшихся изучением отдельных её элементов, подтверждает научную значимость темы.

Исследование

Настоящее исследование опирается на законодательные акты разных периодов истории Мексики, среди которых Законы Индий (Leyes de Indias), «Чувства нации» 1813 года (Sentimientos de la Nación de 1813), Апаццинганская конституция 1814 года (Decreto Constitucional para la Libertad de la América Mexicana de 1814), План Игуалы 1821 года (Plan de Iguala de 1821), Конституция 1857 года, Декрет 1865 года о свободе труда для наемных работников (Decreto sobre la libertad del trabajo en la clase de jornaleros de 1865), Временный свод законов Мексиканской Империи 1865 года (Estatuto Provisional del Imperio Mexicano de 1865), а также труды отечественных и зарубежных авторов. Историко-правовой метод лег в основу настоящего исследования, позволив проследить эволюцию правового статуса работников через анализ законодательных актов и социально-экономических явлений. Диалектический метод дал возможность выявить взаимосвязь между правовыми нормами и общественными процессами. Формально-юридический метод позволил интерпретировать тексты законов в контексте трудовых отношений, складывавшихся в рассматриваемом временном промежутке, а системный метод – рассмотреть процесс эволюции трудовых отношений в качестве целостной картины.

Прежде чем перейти к рассмотрению предпосылок формирования правового статуса работников в Мексике, необходимо отметить, что под отношениями между работником и работодателем понимаются

трудо­вые от­ноше­ния. Со­глас­но по­зи­ции Вер­хов­но­го су­да Мек­си­ки (Suprema Corte de Justicia de la Nación) для при­зна­ния от­ноше­ний тру­до­вы­ми, во-пер­вых, ра­бот­ник дол­жен ока­зы­вать ма­те­ри­аль­ные, ин­тел­лек­ту­аль­ные ус­лу­ги или ус­лу­ги сме­шан­но­го ха­рак­те­ра ра­бото­да­те­лю. Во-вто­рых, труд ра­бот­ни­ка дол­жен быть воз­на­гра­жен ра­бото­да­те­лем. В-тре­тьих, ра­бото­да­те­ль дол­жен быть впра­ве да­вать обя­за­тель­ные для ис­пол­не­ния ука­за­ния ра­бот­ни­ку. Вер­хов­ный су­д опре­де­лил, что не­об­хо­ди­мым эле­мен­том от­ли­чия ис­пол­не­ния тру­до­вых обя­зан­но­стей от пре­до­став­ле­ния воз­мезд­ных ус­лу­г яв­ля­ет­ся со­блю­де­ние ча­сти III ст. 134 Фе­де­раль­но­го за­ко­на о тру­де (Ley Federal del Trabajo), а имен­но вы­пол­не­ние ра­боты под ру­ко­вод­ством ра­бото­да­те­ля или его пред­ста­ви­те­ля¹. Ис­хо­дя из дан­ной трак­тов­ки сле­ду­ет вы­вод, что по­доб­ные от­ноше­ния име­ли ме­сто на тер­ри­то­рии Мек­си­ки еще за­дол­го до при­бы­тия ис­пан­ских ко­ло­ни­стов.

В ра­мках пе­ри­о­да ис­то­рии Мек­си­ки до об­ре­те­ния не­за­ви­си­мо­сти мож­но вы­де­лить два ос­нов­ных эта­па на пу­ти к фор­ми­ро­ва­нию пра­во­во­го ста­ту­са ра­бот­ни­ков: до­ко­ло­ни­аль­ный (до 1530 г.) и ко­ло­ни­аль­ный (1530-1821 гг.).

Го­ворить о пол­ном от­сут­ствии дан­ных о ха­рак­те­ре тру­до­вых от­ноше­ний в до­ко­ло­ни­аль­ном об­ще­стве не­льзя: су­ще­ствует до­ста­точ­но круп­ный пласт ин­фор­ма­ции о по­ли­ти­че­ской, э­ко­но­ми­че­ской и со­ци­аль­ной со­став­ля­ю­щих жи­зни то­го вре­ме­ни на тер­ри­то­рии со­вре­мен­ной Мек­си­ки, ко­то­рая по­зво­ля­ет из­влечь по­лез­ные вы­во­ды о пред­ме­те на­сто­я­ще­го ис­сле­до­ва­ния. Мож­но ска­зать, что в до­ко­лу­м­бо­вой Мек­си­ке на­чал фор­ми­ро­вать­ся фе­о­да­лизм в его на­чаль­ных фор­мах [1], по­это­му часть ис­сле­до­ва­те­лей ха­рак­те­ри­зу­ет сос­лов­но-клас­со­вую струк­ту­ру об­ще­ства как «ква­зи­фе­о­да­лизм» [11]. Ис­сле­до­ва­те­ли вы­де­ля­ют до се­ми [7] и бо­лее сло­ев ац­тек­ско­го об­ще­ства, од­на­ко если про­из­ве­сти стра­ти­фи­ка­цию ац­тек­ско­го об­ще­ства, то мож­но вы­де­лить две гло­баль­ные ка­те­го­рии на­се­ле­ния: масе­уа­ли (исп: los macehualli) — об­щин­ни­ки или пле­беи, вы­пол­няв­шие тя­же­лую ра­боту — и пил­ли (исп: los pillis) — знать [5]. Они об­ла­да­ли раз­ны­ми пра­ва­ми на зем­лю, ко­то­рая при­над­ле­жа­ла пил­ли, но её воз­де­ль­ва­ние ло­жи­лось на масе­уа­ли. По­дроб­ную клас­си­фи­ка­цию ос­та­ль­ных со­ци­аль­ных груп­п, сре­ди ко­то­рых ра­бы, ре­мес­лен­ни­ки, жре­цы,

поч­те­ки (тор­гов­цы, исп.: los pochtecas) и дру­гие, про­из­ве­сти про­бле­ма­ти­чно вви­ду от­сут­ствия глу­бо­кой диф­фе­рен­ци­а­ции, по­это­му их от­но­сят к под­ка­те­го­ри­ям пер­вых двух [1].

Об­щин­ное на­се­ле­ние пре­иму­ще­ствен­но за­ни­ма­лось зем­ле­де­ли­ем, но не огра­ни­чи­ва­лось им. Масе­уа­ли на­хо­ди­лись в за­ви­си­мо­сти от при­ви­ле­ги­ро­ван­ных сло­ев об­ще­ства, од­на­ко нет све­де­ний о су­ще­ст­во­ва­нии в то вре­мя кон­крет­ных за­ко­нов, ре­гу­ли­ру­ю­щих тру­до­вые пра­ва и обя­зан­но­сти, не го­во­ря уже о кон­цеп­ции ра­бот­ни­ка и ра­бото­да­те­ля, хо­тя сви­де­тель­ства на­ли­чия фор­ми­ру­ю­ще­го­ся рын­ка тру­да всё же име­ются [5].

Ис­хо­дя из вы­ше­ска­зан­но­го мож­но сде­лать вы­вод, что в до­ко­ло­ни­аль­ной Ме­зо­аме­ри­ке мож­но вы­явить ран­ние фор­мы тру­до­вых от­ноше­ний, со­от­вет­ст­вую­щие кри­те­ри­ям, опре­де­лен­ным Вер­хов­ным су­дом Мек­си­ки. Об­щин­ни­ки вы­пол­ня­ли сель­ско­хо­зяй­ствен­ные ра­боты на зем­лях, при­над­ле­жа­щих зна­ти. Пря­мых сви­де­тель­ств о де­неж­ной или на­ту­раль­ной оп­ла­те тру­да масе­уа­ли нет, од­на­ко в об­мен на тру­до­вую по­вин­ность они по­лу­ча­ли до­ступ к воз­де­ль­ва­нию зем­ли в том чис­ле для соб­ствен­ных нужд. Со­ци­аль­ная ие­ра­р­хия за­кре­п­ля­ла под­чи­не­ние низ­ших сло­ёв выс­шим, что де­ла­ло ука­за­ния э­ли­ты обя­за­тель­ными для ис­пол­не­ния. Си­сте­ма об­ще­ствен­ных от­ноше­ний на­по­ми­на­ла ран­ний фе­о­да­лизм, хо­тя масе­уа­ли не бы­ли ли­ше­ны лич­ной сво­бо­ды. На­ли­чие спе­ци­а­ли­зи­ро­ван­ных груп­п ука­зы­ва­ет на на­чаль­ное раз­де­ле­ние тру­да. Од­на­ко го­ворить о су­ще­ст­во­ва­нии фор­маль­но­го пра­ва не при­хо­дит­ся, по­сколь­ку тру­до­вые от­ноше­ния ре­гу­ли­ро­ва­лись не за­ко­на­ми, а обы­ча­ями, ре­ли­ги­оз­ны­ми нор­ма­ми и со­ци­аль­ной ие­ра­р­хией. Мож­но счи­тать, что в до­ко­ло­ни­аль­ном об­ще­стве Ме­зо­аме­ри­ки су­ще­ст­во­ва­ли про­то­фор­мы тру­до­вых от­ноше­ний, в ко­то­рых клю­че­вую роль иг­ра­ла со­ци­аль­но-э­ко­но­ми­че­ская за­ви­си­мость, ко­то­рая ста­ла ос­но­вой для по­сле­ду­ю­ще­го раз­ви­тия прин­удитель­ных форм тру­да в ко­ло­ни­аль­ный пе­ри­од.

Ко­ло­ни­аль­ный пе­ри­од в ис­то­рии Мек­си­ки ох­ватывает вре­мен­ной про­ме­жу­ток с мо­мен­та за­во­е­ва­ния ис­пан­ца­ми в 1521 го­ду и до про­воз­гла­ше­ния не­за­ви­си­мо­сти в 1821 го­ду. Из дей­ст­во­вав­ше­го за­ко­но­да­тель­ства ко­ло­ни­аль­но­го пе­ри­о­да сле­ду­ет, что вла­сти ис­пан­ской ме­тро­по­ли­и стре­ми­лись уре­гу­ли­ро­вать сфе­ру воз­мезд­но­го тру­да. Ос­нов­ным за­ко­но­да­тель­ным ак­том то­го вре­ме­ни, ка­са­ю­щим­ся

1 Tesis: I.5o.T. J/31 // Gaceta del Semanario Judicial de la Federación, Núm. 52, Abril de 1992, p. 36.

в той или иной степени правового положения работающего населения, являются Законы Индии (*Leyes de Indias*), которые представляют собой сборник законов, направленных на защиту прав коренных народов, сталкивавшихся с притеснениями [10]. Законы Индии закрепляли личную свободу аборигенов и должны были предотвращать эксплуатацию коренного населения. Некоторые исследователи отмечали, что ряд положений имел настолько высокий уровень гарантий, что мог бы найти отражение и в современном трудовом законодательстве [6]. Законы Индии были вдохновлены положениями «Кратчайшего сообщения о разрушении Индии» 1552 г. (*Brevísima relación de la destrucción de las Indias de 1552*), призванного обратить внимание властей Испании на жестокое обращение колонизаторов с коренными народами Америки [4].

В ходе колонизации корона предоставляла доверенным лицам (энкомендеро) полномочия управлять территориями и населением, обучать индейцев христианству и грамоте, обеспечивать соблюдение ими испанских законов. Параллельно они обязывали коренных жителей работать на их земле и платить налоги. Такая форма управления землей и населением получила название «энкомьенда» (*encomienda*), а трудовая повинность для индейцев мужского пола от 15 до 50 лет — репартименто (*repartimiento*). Наследование энкомьенд запрещалось Законами Индии, а институт репартименто ликвидировался. Коренные жители признавались свободными подданными испанской короны, что предполагало защиту их прав. Законы предусматривали наказания за жестокое обращение с индейцами, а также установление справедливого налогообложения с учетом их экономических возможностей [9].

Законы Индии включали и важные положения для работающего населения, среди которых:

- сокращение продолжительности рабочего дня до восьми часов, что сделало Испанию первым государством, внедрившим такую норму;
- введение регулярных выходных в течение рабочей недели;
- гарантия своевременной выплаты заработной платы в полном объеме наличными деньгами;
- установление минимальной заработной платы для индейцев, занятых на рудниках, в размере полутора реалов в день или одного реала и дневного рациона питания, включавшего блюда из мяса;

- определение минимального возраста для ряда профессий [3];

- предоставление медицинской помощи, открытие медицинских учреждений для работающих индейцев [14].

Обширность и полнота формально предоставленных гарантий компенсировалась неисполнением Законов на практике. Несмотря на формальное наличие правовых гарантий, испанская администрация закрывала глаза на их нарушения, если соблюдение законодательства вело к экономическим потерям для колоний. Это позволяет сделать вывод о фактической эксплуатации коренного населения. Кроме того, условия труда напрямую зависели от расовой принадлежности и складывались не в пользу индейцев [8]. Законы Индии не содержали четких положений, провозглашающих равенство между испанскими поселенцами (и их потомками) и коренными народами [6]. Как отмечает мексиканский историк Энрике Семо, «колониальная экономика основывалась на эксплуатации, где правовой статус работника мало отличался от статуса раба». Вплоть до обретения независимости в 1821 году трудовые отношения в Мексике фактически не переставали регулироваться колониальными институтами энкомьенды и репартименто, которые сохраняли принудительный труд коренного населения. После формальной отмены этих систем также сохранялся пеонаж (*peonaje*) — долговая кабала, привязывавшая работников к землевладельцам [12].

В колониальный период истории Мексики существовали и нормативные акты, предписывавшие организацию и функционирование гильдий — объединений работников одной профессии, которые частично регулировали правовой статус работников. Однако эти акты преимущественно адресовались лицам испанского происхождения, оставляя коренное население за пределами их действия, а условия труда не являлись главным предметом данных предписаний. Скорее, они были направлены на регулирование экономических показателей населенных пунктов, контроль за ремесленным производством и распределение средств производства между различными социальными и этническими группами [6].

Правовое регулирование труда в колониальной Мексике, формально закреплённое в Законах Индии, задавало отдельные элементы правового статуса работников, сочетавшего декларируемые права с системой принуждения. Индейцы признавались свободными подданными короны, но их

правоспособность ограничивалась: например, они не могли владеть землёй наравне с испанцами. Дееспособность коренного населения была ограничена институтами энкомьенды и репартимьенто. Испанские же колонисты и их потомки обладали полными правоспособностью и дееспособностью, могли владеть землёй и нанимать работников. Ряд прав работников, среди которых 8-часовой рабочий день, выходные, минимальная заработная плата и медицинская помощь, закреплялся в Законах Индий. На практике испанская администрация игнорировала установленные ей законы, если их исполнение вредило экономическим показателям колонии. Законы Индий, хоть и стали лишь инструментом легитимизации колониальной эксплуатации коренного населения, опережали по своему гуманистическому содержанию другие законодательные акты того времени и легли в основу формирования законодательства независимой Мексики.

Начиная с периода независимости Мексики, целесообразным является разделение этапов по ключевым документам, содержащим важные положения для работающего населения, которые впоследствии окажут влияние на становление правового статуса работников: 1. Война за независимость Мексики и период после ее обретения (1810-1856 гг.), в течение которого были изданы важные документы, провозглашавшие ряд прав и свобод; 2. Период принятия второй Конституции Мексиканских Соединенных Штатов (1856-1910 гг.), когда происходили многие политические явления, повлиявшие в дальнейшем на правовой статус работников, в том числе эпоха Второй Империи, диктатура Порфирио Диаса, начало революционного движения, непосредственно предшествовавшее Мексиканской революции 1910-1917 гг.

В ходе войны за независимость Мексики были изданы важные документы, среди которых значительное место занимали акты, декларирующие отмену рабства и установление социального равенства, в том числе по расовому признаку. Одним из первых законодательных актов, содержащих положения об отмене рабства, стал Декрет Идаль-

го (Bando de Hidalgo), изданный Мигелем Идальго-и-Костильей в Гвадалахаре, Халиско, в 1810 году. За ним последовали «Основы Конституции» Игнасио Лопеса Района (Elementos Constitucionales de Rayón) 1811 года, также включившие положения об отмене рабства [2]. Кроме того, в них была закреплена ликвидация экзаменов на присвоение профессии ремесленника, что фактически означало конец системы гильдий [6].

Его продолжением стал трактат, состоящий из 23 пунктов, название которого можно перевести как «Чувства нации» (Sentimientos de la Nación), написанный Хосе Морелосом в Чильпансинго в 1813 году [2]. Что касается гарантий прав трудящихся мексиканцев, помимо закрепления запрета на рабство и запрета разделения на касты пунктом 15, Морелос также коснулся вопросов социального равенства. В частности, в 12-м пункте отмечалось, что принимаемые законы должны содействовать снижению имущественного разрыва, обеспечивать достойный уровень заработной платы, способствуя снижению уровня преступности и ликвидации безграмотности². Полноценным конституционным проектом «Чувства нации», как и предыдущие документы, считать нельзя, поскольку они, согласно задумке авторов, являлись лишь направлением для будущих разработчиков проекта конституции.

Значимым документом для развития трудовых свобод в Мексике стала Апацинганская Конституция 1814 г., также известная как «Конституционный декрет о свободе Мексиканской Америки» (Decreto Constitucional para la Libertad de la América Mexicana de 1814), принятая в г. Апацингане, Мичоакан под руководством того же Хосе Морелоса. В ней отражены основные права граждан, включая свободу заниматься любой культурной, промышленной или торговой деятельностью, за исключением тех видов деятельности, которые относятся к жизнеобеспечению общества (subsistencia pública) и находятся в ведении государства³.

Декларация независимости Мексиканской империи признавала и подразумевала действие Кордовского договора и Игуальского

² Sentimientos de la Nación, repuestas en 21 de Nov. de 1813. // Coordinación de Humanidades. Museo de las Constituciones, Universidad Nacional Autónoma de México, Ciudad de México, 2017, URL: <https://museodelasconstituciones.unam.mx/wp-content/uploads/2023/03/1813-Sentimientos-de-la-Nacion.pdf> (Дата обращения: 31.01.2025).

³ Decreto Constitucional para la Libertad de la América Mexicana sancionada en Apatzingan a 22 de octubre de 1814 // Coordinación de Humanidades, Museo de las Constituciones, Universidad Nacional Autónoma de México, 2017, URL: https://museodelasconstituciones.unam.mx/wp-content/uploads/2023/03/1814-Decreto-constitucional-para-la-libertad_Apatzingan.pdf (Дата обращения: 31.01.2025).

плана 1821 года (Plan de Iguala de 1821), также известного как План Трёх Гарантий (Plan Triguarante). Последний включал принцип равенства всех граждан перед законом. В статье 12 прямо говорилось о том, что все жители страны без различия происхождения и заслуг могут претендовать на любую должность, что фактически означало признание свободы труда, а данный принцип закладывал основу для формирования равных возможностей в сфере труда и государственной службы в независимой Мексике⁴. А Временный политический регламент Мексиканской империи 1822 года (Reglamento Provisional Político del Imperio Mexicano de 1822) закреплял правовую преемственность законов, принятых на территории Мексики⁵, не противоречащих принципам Трёх Гарантий: независимость Мексики, католичество как единственная разрешенная религия и равенство индейцев, креолов и потомков испанских колонистов.

Законодательство Мексики периода начала независимости заложило ключевые предпосылки для формирования правового статуса работников, хотя прямое регулирование трудовых отношений ещё отсутствовало. Ликвидация рабства расширила правоспособность бывших рабов, признав их свободными субъектами права, а упразднение гильдий отменило профессиональные ограничения, позволив свободный выбор занятий. План Игуалы, который лег в основу Декларации независимости, закрепил равенство доступа ко всем профессиям. В «Чувствах нации» декларировалась необходимость «достойной заработной платы», что является ранней попыткой установить базовые гарантии для работающего населения. Декларация независимости и План Игуалы ликвидировали систему принудительного труда (пеонаж). А временный регламент 1822 г. сохранил правовую преемственность всех законов, принятых на территории бывшей Новой Испании, исключая законы, противоречащие принципам равенства. Принятые законы не подкреплялись механизмами реализации, но они подготовили почву для будущих норм, закреплённых в том числе на уровне Конституции 1917 г.

Несмотря на то, что в Конституции Мексики 1857 года не содержатся положения, регулирующие правовой статус работников, вопросы, связанные с его регламентацией, активно обсуждались в Учредительном Конгрессе. Предложения о включении в Конституцию норм трудового права дважды выносились на обсуждение [6]. В частности, имеются данные как минимум о трех делегатах, поднимавших вопрос о правовом положении мексиканских трудящихся: Понсиано Арриага, Игнасио Рамирес и Игнасио Вайярта.

П. Арриага указывал на тяжелое экономическое положение населения и необходимость реформирования сферы труда. Он критиковал проект Конституции, заявляя, что она должна содержать нормы, гарантирующие права трудящегося народа, включая положения, касающиеся условий труда [6]. И. Вайярта, признавая проблему отсутствия регулирования правового статуса работников и их фактической эксплуатации, считал, что необходимо сохранить за работодателем право самостоятельно устанавливать условия труда. Он отмечал, что конституция не сможет стать полноценным основным законом, если в ней не будет положений, защищающих права работников [3]. И. Рамирес считал, что в Конституции работающий мексиканец должен быть обозначен как центральная фигура экономики и как главный производитель материальных благ. Он предлагал включить в Конституцию положения о праве работников на долю прибыли предприятия. Рамирес предупреждал, что в случае игнорирования этих вопросов наступит экономический и политический кризис, по сути предвещая будущую Мексиканскую революцию 1910-1917 гг. [15].

По итогам Учредительного Конгресса 1856-1857 гг. в Конституцию Мексики 1857 года не были включены практически никакие положения, регулирующие правовой статус работников, хотя о полном их отсутствии говорить не приходится. Так, статья 5 Конституции Мексики 1857 г. закрепляет принцип свободы труда и запрещает любые формы принудительного труда. Согласно той же статье, никто не мог быть привлечен

⁴ Plan de Iguala, Iguala, 21 de Febrero de 1821 — Agustín de Iturbide // Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México, URL: https://constitucion1917.gob.mx/en/Constitucion1917/Plan_de_Iguala (Дата обращения: 01.02.2025).

⁵ Reglamento Provisional Político del Imperio Mexicano, México, diciembre 18 de 1822. - Toribio González. - Antonio J. V Valdés. - Ramón Martínez de los Ríos. // Coordinación de Humanidades, Museo de las Constituciones, Universidad Nacional Autónoma de México, 2017, URL: <https://museodelasconstituciones.unam.mx/wp-content/uploads/2023/03/1822-Reglamento-politico-del-Gobierno-del-Imperio-Mexicano.pdf> (Дата обращения: 02.02.2025).

к выполнению работы без справедливого вознаграждения, а любой трудовой договор должен был быть признан недействительным, если в нем содержались положения, нарушавшие принципы добровольности и вознаграждаемости труда, а также если такой договор ограничивал свободу выбора при дальнейшем трудоустройстве или предписывал лишение личной свободы или ограничение свободы передвижения. А статья 32 устанавливала приоритет граждан Мексики перед иностранными гражданами при трудоустройстве. Также, согласно этой статье, государство брало на себя обязательство разработать законодательство, направленное на улучшение условий труда мексиканских работников, но никаких конкретных положений она не содержала⁶. Позже при разработке проекта Конституции 1917 года именно эти две статьи станут основой для статьи 123, содержащей основы правового статуса работников в Мексике по сей день.

В недолгий период Второй Империи, а именно в 1865 году, был принят Временный свод законов Мексиканской Империи (*Estatuto Provisional del Imperio Mexicano de 1865*), который включал две статьи, вновь закрепляющие принципы добровольности труда и обязательного справедливого вознаграждения (статьи 69 и 70)⁷. Интерес эти статьи вызывают в совокупности с Декретом 1865 года о свободе труда для наемных работников (*Decreto sobre la libertad del trabajo en la clase de jornaleros de 1865*), состоящим из 21 статьи, который явился первым полноценным законодательным актом, содержащим элементы правового статуса работников и регулирующим их права, обязанности и условия труда.

Так вышеупомянутым законом наемным работникам предоставлялись следующие права:

- Право на труд и свобода труда (ст. 1);
- Право на денежное вознаграждение труда (ст. 5);
- Право на обеспечение жильем и питьевой водой со стороны работодателя (ст. 8);

- Право на предоставление орудий труда работодателем (ст. 10);

- Право на медицинское страхование от несчастных случаев на производстве и от заболеваний за счет отчисления не более 25% от заработной платы (ст. 15);

- Право на бесплатное среднее образование для детей работников за счет работодателя на объектах промышленности со списочной численностью сотрудников от 100 человек и на объектах сельского хозяйства с 20 и более семьями, проживающими и работающими на их территории (ст. 16).

Вводилась дисциплинарная и материальная ответственность работников за порчу и утрату орудий труда (ст. 10), работники могли быть уволены работодателем за любую провинность (ст. 1), но вводился запрет на телесные и любые другие физические наказания для работников, а также запрет тюрем при производстве (ст. 9). Также законом предписывался ряд условий труда, среди которых установление продолжительности рабочего дня периодом от восхода до заката с двухчасовым обеденным перерывом (ст. 2), запрет на работу по воскресеньям и в государственные праздники (ст. 3), ограничение рабочего времени и разрешенных сфер труда для детей до 12 лет (ст. 4)⁸. Трудовое законодательство периода Второй Мексиканской империи являлось наиболее развитым в дореволюционной истории Мексики, и ни один нормативно-правовой акт, действовавший после падения Империи, не имел такой глубокой проработки [13].

С падением Империи было восстановлено действие Конституции 1857 года. По мнению мексиканского ученого в сфере трудового права Нестора де Буэн Лосано, по мере приближения к 1910 году законодательство обретало ориентированный на работодателя характер, а положение работников ухудшалось. При диктатуре Порфирио Диаса («Порфириат») ускоренная индустриализация и приток иностранного капитала, например, в нефтяную и горнодобывающую отрасли, обострили социальные противоречия.

⁶ Constitución Política de la República Mexicana de 1857, México, 12 de Febrero de 1857. // Instituto de Investigaciones Jurídicas, Universidad Nacional Autónoma de México, URL: <https://archivos.juridicas.unam.mx/www/legislacion/federal/historicos/1857.pdf> (Дата обращения: 31.01.2025).

⁷ Estatuto Provisional del Imperio Mexicano // Coordinación de Humanidades, Museo de las Constituciones, Universidad Nacional Autónoma de México, 2017, URL: <https://museodelasconstituciones.unam.mx/wp-content/uploads/2023/03/1865-Estatuto-provisional-del-Imperio-Mexicano.pdf> (Дата обращения: 31.01.2025).

⁸ Decreto sobre la libertad del trabajo en la clase de jornaleros, 1o. de Noviembre de 1865 // Enciclopedia Parlamentaria de México, Instituto de Investigaciones Legislativas de la Cámara de Diputados, LVI Legislatura. México. Primera edición, 1997. Serie III. Documentos. Volumen I. Tomo II. p. 1017.

В частности, была криминализована профсоюзная деятельность и запрещены стачки [3]. Несмотря на общую тенденцию к ужесточению положения работников, были приняты законы, направленные на улучшение условий труда, а именно Закон Хосе Висенте Вильяды 1904 года (*Ley de José Vicente Villada de 1904*), регулировавший вопросы материальной компенсации работникам при получении производственных травм, усовершенствованный в Законе Бернардо Рейеса 1906 года (*Ley de Bernardo Reyes de 1906*), который увеличивал размер выплат пострадавшим на производстве, что делало его более прогрессивным.

Между тем набирало обороты протестное движение за права рабочих. В 1906 году произошла забастовка рабочих в г. Кананеа, Сонора. Среди требований выдвигались установление 8-часового рабочего дня, равные права с иностранными рабочими, у которых на тот момент условия труда были гораздо лучше, установление минимального размера оплаты труда. На фоне недовольства рабочих в 1906 году была разработана программа Мексиканской либеральной партии под руководством Рикардо Флореса Магона. В ней содержались требования, предвосхитившие положения будущего правового регулирования сферы труда в Конституции 1917 года:

- установление восьмичасового рабочего дня;
- введение минимальной заработной платы в размере 1 песо;
- запрет на использование труда детей до 14 лет;
- организация бытовых помещений в промышленных зданиях;
- ответственность работодателя за несчастные случаи на производстве и выплату компенсаций;
- запрет на штрафы и вычеты из зарплаты;
- запрет деятельности магазинов, принадлежащих работодателям, на территории предприятий, а также выдачи части зарплаты купонами на приобретение товаров работодателя;
- ограничение приема иностранной рабочей силы;
- оплата труда независимо от классового и расового происхождения работника;

- введение обязательных еженедельных выходных⁹.

Многие положения этой программы легли в основу статьи 123 Конституции Мексики 1917 г.

В период 1856-1910 гг. в Мексике предпринимались первые попытки комплексного регулирования наёмного труда, однако правовой статус работников оставался фрагментарным. Ст. 5 Конституции 1857 г. закрепляла запрет принудительного и безвозмездного труда и гарантировала справедливое вознаграждение. В научной литературе не встречается подробного разбора Декрета 1965 года, ставшего первой попыткой комплексного регулирования правового статуса работников. На начало XX в. приходится принятие законов, гарантирующих компенсации за травмы, полученные на производстве. При диктатуре Порфирио Диаса (1876-1911) на фоне экономического роста и развития промышленности усилилась эксплуатация: запрет забастовок и криминализация профсоюзов, что привело к зарождению протестного движения, продуктом которой явилась программа Мексиканской либеральной партии (1906), положения которой позже легли в основу Конституции 1917 г. Таким образом, период 1856-1910 гг. стал этапом начала формирования правового статуса работников.

Проведённое исследование позволило выявить ключевые предпосылки становления правового статуса работников в Мексике до революции 1910-1917 гг. и сделать вывод о том, что становление правового статуса работников в Мексике стало результатом длительной эволюции, охватившей доколониальный, колониальный и постколониальный периоды.

Доколониальный этап продемонстрировал, что в Мезоамерике существовали протоформы трудовых отношений, основанные на социально-экономической зависимости. Система общественных отношений, в которой общинники работали на землях знати, заложила основы принудительного труда, который был унаследован колониальным обществом. В ходе колониальной эпохи законы Индий, формально защищавшие права индейцев, на практике игнорировались. Законами Индий гарантировался ряд прав для работников (восьмичасовой рабочий день,

⁹ Programa del Partido Liberal Mexicano de 1906 // Flores Magón, Ricardo / Biblioteca Jurídica Virtual, Instituto de Investigaciones Jurídicas de UNAM, 2019, URL: <https://biblio.juridicas.unam.mx/bjv/detalle-libro/2592-programa-del-partido-liberal-mexicano-1906> (Дата обращения: 15.02.2025)

установление минимальной заработной платы, выходные и медицинская помощь и т.д.), а также предусматривались наказания за жестокое обращение с работниками. Однако испанская администрация ставила производительность выше этих законов. Этот этап характеризуется появлением первых элементов правового статуса работников несмотря на то что Законы Индий, формально закреплявшие их, стали лишь инструментом легитимизации эксплуатации коренного населения.

Период обретения независимости обозначил переход от колониального общества к суверенному государству, в котором была отменена эксплуатация населения посредством институтов (энкомьенда, пеонаж), ликвидирована система гильдий и провозглашено равенство граждан перед законом, что создало идеологическую базу для формирования института свободного труда. Однако отсутствие конкретных механизмов реализации прав замедляло прогресс становления правового статуса наемных работников.

Этап 1856–1910 гг. характеризуется первыми попытками комплексного регулирования правового статуса работников. В Конституции Мексиканских Соединенных Штатов 1857 г. был закреплен запрет принудительного безвозмездного труда, а Декрет 1865 г. явился первым документом комплексного регулирования правового статуса наемных работников, превзойти который не удалось вплоть до Революции 1910–1917 гг. Однако эпоха Порфириата характеризовалась ужесточением положения рабочих и крестьян, что спровоцировало забастовки на производствах, вылившиеся в требования Мексиканской либеральной партии (1906) и подготовившие почву для революции.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что становление правового статуса работников в Мексике обусловлено как внутренними социально-экономическими процессами, так и влиянием колониального наследия, что соответствует позиции Нестора де Буэн Лосано о преемственности правовой традиции Мексики и подчёркивает уникальность синтеза доколониальных, колониальных и постколониальных элементов правового статуса мексиканских работников.

Заключение

К 1917 году в Мексике сложились все предпосылки для законодательного закрепления правового статуса работников. Доколониальные и колониальные формы зависимости, борьба за равенство, а также давление социальных движений привели к систематизации трудовых прав и закреплению их на уровне Конституции (ст. 123). Каждый этап внёс вклад в трансформацию работников из объекта эксплуатации в полноценный субъект правоотношений. Таким образом, закрепление трудовых прав в Конституции 1917 года стало закономерным итогом многовековой борьбы за социальную справедливость, синтезировавшей доколониальные практики, колониальное наследие и постколониальные работы юристов. Мексиканский опыт демонстрирует, что систематизация прав работников возможна лишь через интеграцию исторического контекста, социальных запросов и четких правовых механизмов, трансформирующих абстрактные гарантии в реальные инструменты защиты прав работников.

Литература:

1. Баглай В.Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй (доколониал. период). М., 1998.
2. Селиванова И.В. Мексиканские конституционные проекты начала XIX века // Латинская Америка. 2020. № 5. С. 81-91.
3. Buen Lozano N.d., Derecho del Trabajo. Derecho Individual. Derecho Colectivo. Tomo Segundo. 11a. ed., México : Porrúa, 1994.
4. Casas B.d.l. Brevíssima relación de la destrucción de las Indias // Ed. Martínez Torrejón J.M. Colombia : Editorial Universidad de Antioquia, mayo de 2011.
5. Castorena J. Tratado de Derecho obrero. México: Editorial Jaris, 1942, 895 p.
6. Cueva M.d.l. El nuevo derecho mexicano del trabajo: Historia, principios fundamentales, derecho individual y trabajos especiales. México : Editorial Porrúa, 1972.
7. García Añoveros J.M. La fuerza de trabajo del indígena americano en las épocas prehispánicas y virreinal // Quinto centenario. № 3. 1982. P. 87-108.

8. Marquet G.P. Fuentes y antecedentes del derecho mexicano del trabajo // Derechos humanos en el trabajo y la seguridad social. Liber Amicorum: en homenaje al doctor Jorge Carpizo by Kurczyn Villalobos P., México, IJ-UNAM, 2014. P. 243-280.
9. Miranda J.d. El tributo indígena en la Nueva España durante el siglo XVI. Edición digital a partir de la 1ª edición, 1ª reimpresión de México, El Colegio de México, 1980. Alicante : Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2018.
10. Ots Capdequi J.M. Historia del derecho español en América y del derecho indiano. XXIV, Madrid, 1969.
11. Padden R.C. The Hummingbird and the Hawk: Conquest and Sovereignty in the Valley of Mexico, 1503-1541. Columbus: Ohio State University Press, 1967.
12. Semo Calev E. Historia mexicana: economía y lucha de clases. Edit. Era, México, 1978.
13. Tena Ramírez F. Leyes fundamentales de México, 1808-1973. Editorial Porrúa, 1973.
14. Venegas Ramírez C. La Asistencia Hospitalaria para Indios en la Nueva España // Anales Del Instituto Nacional De Antropología E Historia. № 6(19). 1968. P. 227-240.
15. Zarco F. Historia del Congreso Extraordinario Constituyente de 1856 y 1857, Tomo I, Imprenta de Ignacio Cumplido, México, 1857 // Edición Facsimilar de la Cámara de Diputados, LIV Legislatura, Comité de Asuntos Editoriales, México, 1990.

THE PREREQUISITES FOR THE ESTABLISHMENT OF THE LEGAL STATUS OF WORKERS IN MEXICO

Introduction. *The establishment of the legal status of workers in Mexico is commonly associated with the adoption of the 1917 Constitution, which enshrined the foundations of labor legislation during the Mexican Revolution. However, the prerequisites for its formation developed throughout Mexican history, including prior to Spanish colonization, during the colonial period, and during the independence era. In both Russian and international historical-legal scholarship, there is still no comprehensive study on this topic. The aim of this research is to analyze the evolution of the legal status of workers in Mexico before the 1910–1917 revolution, identifying the interconnections between socio-economic processes, legislative acts, and the transformation of labor relations.*

Materials and Methods. *This research employs dialectical, formal-legal, and systemic methods, which enable the integration of theoretical analysis of legal norms with their historical context. The study draws on works by both Russian and foreign authors dedicated to the evolution of labor relations and the legal status of workers in Mexico, as well as on legislative acts and legal treatises including Sentimientos de la Nación (1813), Decreto Constitucional para la Libertad de la América Mexicana (1814), the Plan de Iguala (1821), Reglamento Provisional Político del Imperio Mexicano (1822), the Constitution of Mexico of 1857, Decreto sobre la libertad del trabajo en la clase de jornaleros (1865), and Estatuto Provisional del Imperio Mexicano (1965). This legal-historical analysis is further enriched by an examination of the socio-economic conditions prevalent in each period.*

Research Results. *The establishment of the legal status of workers emerged as the outcome of a centuries-long evolutionary process. In the pre-colonial era, labor relations were based on rigid social hierarchies and forced labor. Although the Laws of the Indies formally guaranteed certain rights to indigenous peoples, colonial society inherited many pre-colonial principles, and in practice, the exploitation of the native population persisted. The period of independence in the 19th century abolished the institutions of encomienda and peonage, proclaimed the equality of citizens, yet failed to establish mechanisms for the protection of rights. Legislative initiatives from 1856 to 1910 laid the foundations for regulating labor relations, while the Porfiriato era served as a catalyst for the emerging movement for workers' rights.*

Discussion and Conclusion. *The key conclusion of the study is the continuity between the early forms of labor regulation and the provisions of the 1917 Constitution, which ultimately codified the legal status of workers in Mexico. This research confirms that the evolution of labor law in Mexico reflects a synthesis of longstanding traditions and the "spirit of the people." The findings are significant for understanding the genesis of labor rights and offer potential applications in comparative legal studies.*

Andrei V. Chasovskoi,
Postgraduate student, the Department
of Legal Theory and Comparative Law,
MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs
of Russia, Moscow, Russia

Ключевые слова:

правовой статус, трудовые отношения, эволюция права, история права, Мексика, ацтеки, Законы Индий, борьба за независимость Мексики.

Keywords:

legal status, labor relations, evolution of law, history of law, Mexico, Aztecs, Laws of the Indies, Mexican War of Independence.

References:

1. Baglaj V.E., 1998. Atsteki: istorija, ekonomika, sotsial'no-politicheskiy stroj (dokolonial. period) [Aztecs: history, economy, socio-political structure (pre-colonial period)]. Moscow.
2. Selivanova I.V., 2020. Meksikanskiye konstitutsionnyje proekty nachala XIX veka [Mexican constitutional projects of the early 19th century]. *Latinskaja Amerika [Latin America]*. 2020. № 5. P. 81-91.
3. Buen Lozano N.d., 1994. Derecho del Trabajo. Derecho Individual. Derecho Colectivo. Tomo Segundo [Labor Law. Individual Law. Collective Law. Volume Two]. 11th ed., Mexico.
4. Casas B.d.l., 2011. Brevisima relación de la destrucción de las Indias [A Brief Account of the Destruction of the Indies]. Ed. *Martínez Torrejón J.M.* Colombia.
5. Castorena J., 1942. Tratado de Derecho obrero [Treatise on Labor Law]. Mexico.
6. Cueva M.d.l., 1972. El nuevo derecho mexicano del trabajo: Historia, principios fundamentales, derecho individual y trabajos especiales [The New Mexican Labor Law: History, Fundamental Principles, Individual Law and Special Works]. Mexico.
7. García Añoveros J.M., 1982. La fuerza de trabajo del indígena americano en las épocas prehispánicas y virreinal [The Workforce of the American Indigenous in Pre-Hispanic and Viceregal Times]. *Quinto Centenario [Quincentenary]*. № 3. P. 87-108.
8. Marquet G.P., 2014. Fuentes y antecedentes del derecho mexicano del trabajo [Sources and Background of Mexican Labor Law]. In: *Derechos humanos en el trabajo y la seguridad social. Liber Amicorum: en homenaje al doctor Jorge Carpizo [Human Rights in Work and Social Security. Liber Amicorum: in homage to Doctor Jorge Carpizo]*. Ed. *Kurczyn Villalobos P.* Mexico, P. 243-280.
9. Miranda J.d., 2018. El tributo indígena en la Nueva España durante el siglo XVI [The Indigenous Tribute in New Spain during the 16th Century]. Digital edition based on the 1st edition, 1st reprint, Mexico: El Colegio de México, 1980. Alicante.
10. Ots Capdequi J.M., 1969. Historia del derecho español en América y del derecho indiano [History of Spanish Law in America and Indian Law]. Madrid.
11. Padden R.C., 1967. The Hummingbird and the Hawk: Conquest and Sovereignty in the Valley of Mexico, 1503-1541. Columbus: Ohio State University Press.
12. Semo Calev E., 1978. Historia mexicana: economía y lucha de clases [Mexican History: Economy and Class Struggle]. Mexico.
13. Tena Ramírez F., 1973. Leyes fundamentales de México, 1808-1973 [Fundamental Laws of Mexico, 1808-1973]. Mexico.
14. Venegas Ramírez C., 1968. La Asistencia Hospitalaria para Indios en la Nueva España [Hospital Assistance for Indians in New Spain]. *Anales Del Instituto Nacional De Antropología E Historia [Annals of the National Institute of Anthropology and History]*. № 6(19). P. 227-240.
15. Zarco F., 1990. Historia del Congreso Extraordinario Constituyente de 1856 y 1857, Tomo I [History of the Extraordinary Constituent Congress of 1856 and 1857, Volume I]. Mexico: Cámara de Diputados, LIV Legislatura, Comité de Asuntos Editoriales (Original work published 1857).

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ЭТАП ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ВЛИЯНИЕ НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Борис Черняховский*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-74-83

***Введение.** В статье исследуется процесс регионализации, его динамика и возможные последствия. Анализируются ключевые факторы, способствующие стремлению государств к интеграции в региональные объединения. Особый акцент сделан на факторах, затрудняющих процесс регионализации и придающих ему нелинейный характер. Также рассматривается потенциальное влияние регионализации на мировую экономику на основе оценки актуальных тенденций и изменений в глобальном экономическом пространстве.*

***Материалы и методы.** В ходе написания работы применялась совокупность общенаучных и формально-логических методов (включая методы познания, описания, анализа, индукции, дедукции, сравнения, аналогии, систематизации, моделирования), сравнительный анализ, системный подход и метод кейс-стади.*

***Результаты исследования.** Анализ регионализации показал, что это объективный процесс современного мирового экономического развития, обусловленный замедлением глобализации и геополитическими изменениями. При этом регионализация не является линейным процессом: внутри интеграционных объединений нередко возникают конфликты, ограничивающие развитие экономического сотрудничества. Последствия регионализации могут быть как положительными, так и негативными. С одной стороны, углубление экономических связей между странами со схожими интересами способствует снижению экономических рисков. С другой стороны, растет вероятность применения ограничительных мер со стороны «недружественных» государств, что вынуждает страны адаптировать торговые стратегии и искать новых торговых партнеров. В итоге влияние регионализации на каждое государство будет выражаться в уникальном балансе выгод и потерь, определяя специфику его экономических связей.*

---

* **Черняховский Борис Игоревич**, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
e-mail: 23.01.1993@bk.ru
ORCID ID: 0009-0008-0062-7029

Обсуждение и заключение. Регионализация изменяет характер глобализации, формируя новую структуру мировой экономики, в которой ведущую роль занимают региональные объединения. В этих условиях странам важно адаптироваться, разрабатывая гибкие стратегии экономического взаимодействия. Перспективы дальнейшего изучения регионализации связаны с анализом её влияния на глобальные экономические тренды, а также с исследованием стратегий адаптации государств к новым условиям. Важно учитывать, что регионализация не заменяет глобализацию, а трансформирует её, создавая новую модель экономического взаимодействия на международной арене.

Введение

После кризиса 2008 года в научном сообществе стала активно обсуждаться тема деглобализации, которая понимается как:

- 1) этап глобализации, на котором глобализация замедляется, но продолжается¹;
- 2) процесс, противоположный глобализации².

Для анализа процесса регионализации необходимо уточнить терминологию, используемую в настоящей статье.

В рамках этой статьи под глобализацией понимается процесс, который означает свободное трансграничное перемещение потоков товаров, капитала, информации и человеческих ресурсов, создающий особые преимущества для производителей и потребителей, но в то же время ограничивающий возможности национальных правительств по регулированию экономики своих стран [1. С. 65].

Под регионализацией понимается хозяйственно-политическая интеграция стран и регионов на основе развития глубоких устойчивых экономических связей в процессе углубления международного разделения труда³. Важно разграничивать понятия «регионализация» и «регионализм», так как они обозначают разные явления. Как

отмечают К. Ламбрехтс и К. Олден, регионализм – отражение политического проекта построения сообщества государств, а регионализация – региональное выражение глобальных процессов интеграции и изменения структур [10. С. 9].

Часто регионализацию связывают с геополитической фрагментацией. Термин «фрагментация» приобрел политическое содержание и стал синонимом раскола единого целого экономического пространства, в результате возникло устойчивое словосочетание «геополитическая фрагментация» [10. С. 15].

За последние 10 лет произошло несколько ключевых событий, свидетельствующих о снижении темпов глобализации и формировании геополитической фрагментации: торговая война США против КНР, выход Великобритании из Европейского Союза (Брексит), пандемия COVID-19 и другие. Отмечается, что геополитическая фрагментация может привести глобальное экономическое пространство к регионализации [10. С. 8].

Анализ регионализации как потенциального этапа глобализационных процессов, а также её преимуществ способствует формированию обоснованных представлений о возможных сценариях экономического развития государств и изменения мировой экономики.

¹ Ученые, поддерживающие эту точку зрения: У. Хаут, М. Тело, Н.С. Шалупаева, Д. Ван, С.М. Смагулова, А.В. Епифанов и другие.

² Ученые, поддерживающие эту точку зрения: И.А. Кучерова, Ван Чжаохуэй, Чжицян Сун, У. Белло, И.В. Бойко и другие.

³ Митина С.А. Регионализация как основной тренд развития мирового хозяйства // XI Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «РОССИЯ МОЛОДАЯ». URL: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2019/RM19/pages/Articles/80216.pdf> (дата обращения — 27.03.2025).

Исследование

Факторы и модели региональной экономической интеграции

Прежде всего важно подчеркнуть, что регионализация не является процессом, возникшим исключительно в последние десятилетия. На протяжении всей истории человеческой цивилизации государства преимущественно развивали торгово-экономические связи с ближайшими соседями, что обуславливалось географической доступностью и экономической целесообразностью.

Авторы индекса DHL глобальной связанности стран пришли в 2021 году к выводу, что более половины всех глобальных потоков протекают внутри регионов земного

шара. Разделив мир на семь регионов, они получили, что 48% потоков, измеренных с помощью показателя широты географического охвата в индексе, происходят внутри этих регионов [3. С. 86]. На основе этого ими делается вывод о том, что региональная интеграция не заменяет глобализацию, а скорее является естественной и действенной основой для более связанного мира⁴.

Государства стремятся к углублению экономических связей с соседними государствами, что в результате приводит к образованию свободных зон торговли, таможенных союзов и интеграционных объединений. Примеры существующих интеграционных объединений представлены в таблице (рис. 1).

Название интеграционного объединения	Состав входящих в него государств
ЕС	Австрия, Бельгия, Болгария, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Испания, Швеция
ЕАЭС	Россия, Казахстан, Киргизия, Беларусь, Армения
АСЕАН	Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины
БРИКС	Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Иран, Эфиопия, Египет, Индонезия
МЕРКОСУР	Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай, Боливия
ЮСМКА	США, Канада, Мексика
КОМЕСА	Эсватини, Эфиопия, Кения, Ливия, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Руанда, Сейшельские Острова, Сомали, Судан, Тунис, Уганда, Замбия, Зимбабве

*Рис. 1. Региональные экономические объединения и список входящих в них стран⁵.
Источник: составлено автором.*

Согласно данным ВТО, на март 2025 г. зарегистрировано 617 региональных торговых соглашений (далее – РТС), вступили в силу 374 РТС. Количество РТС продолжает расти каждый год. После глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. темпы прироста действующих РТС замедлились. Исключением стал 2021 г., когда после ковидной паузы наблюдался резкий прирост в 44 соглашения⁶.

С середины 2010-х годов в развитии интеграционных процессов появилась новая тенденция – трансрегионализация. Данный процесс заключается в формировании интеграционных объединений между государствами, находящимися на разных континентах, в рамках которых практически полностью устраняются тарифные и нетарифные барьеры, обеспечивая свободное перемещение товаров, услуг и инвестиций. В отличие

⁴ Altman Steven A., Bastian Caroline R. CONNECTING TO THE WORLD: Lessons from 10 Years of the DHL Global Connectedness Index, 2021, November, p. 30. URL: <https://branden.biz/wp-content/uploads/2021/12/2021-gci-update-report.pdf> (дата обращения — 27.03.2025).

⁵ Членство Венесуэлы в МЕРКОСУР приостановлено в 2016 году.

⁶ WTO. Regional Trade Agreements. Database 2025. URL: <https://rtais.wto.org/UI/charts.aspx#> (дата обращения — 27.03.2025).

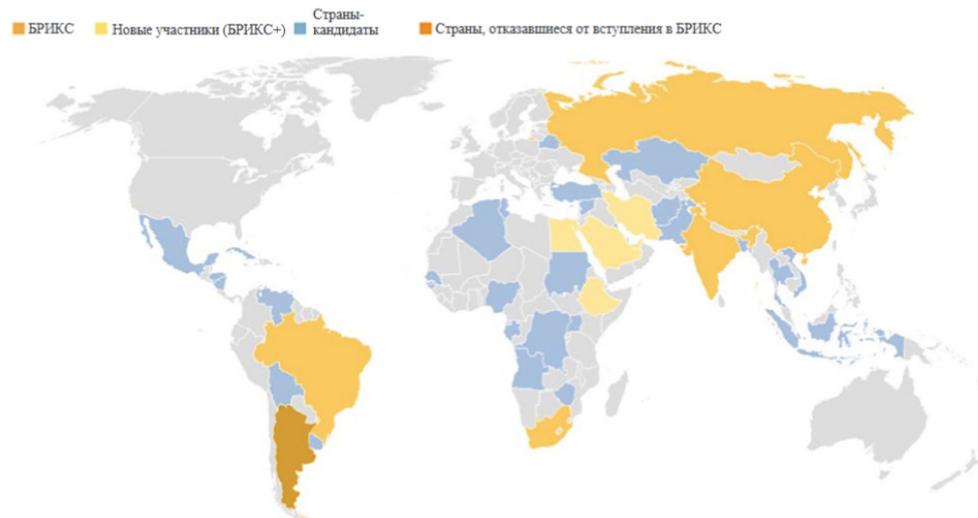

Рис. 2. Динамика региональных торговых соглашений (действующих или нотифицированных в 1948–2025 гг.) по состоянию на март 2025 г.

Источник: WTO. *Regional Trade Agreements. Database 2025*.
 URL: <https://rtais.wto.org/UI/charts.aspx#> (дата обращения – 27.03.2025).

от классических интеграционных объединений, основанных на территориальной близости и общих границах, создание подобных экономических союзов обусловлено прежде всего совпадением экономических

интересов и соответствующими межгосударственными соглашениями [10. С. 12]. В настоящее время БРИКС представляет собой пример формирования развития такого интеграционного объединения (рис. 3).

Рис. 3. Расширение БРИКС с 1 января 2024 г.

Источник: Afota A., Burban V., Diev P., Grieco F., Iberrakene T., Ishii K., Lopez Forero M., Paul Q., Sammeth F., Valadier C. *Elargissement des BRICS: Quelles Conséquences Potentielles Pour L'Économie Mondiale? [Expansion of BRICS: What Are the Potential Consequences for the Global Economy?]* // Banque de France Bulletin [Bank of France Bulletin]. P. 2.
 URL: <https://www.banque-france.fr/fr/publications-et-statistiques/publications/elargissement-des-brics-quelles-consequences-potentielles-pour-leconomie-mondiale> (дата обращения – 27.03.2025).

В настоящее время заключается все большее число межрегиональных торговых соглашений. Более того, в заключении РТС стали активно участвовать торговые блоки (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, ЮАТС, МЕРКОСУР и другие). Возникли первые межблоковые РТС (между ЕС и Сообществом развития Южной Африки, МЕРКОСУР и ЮАТС, ЕАСТ и ЮАТС) [9. С. 20].

Развитие процесса регионализации обусловлено рядом факторов, среди которых можно выделить следующие:

1. Геополитический. Географическое положение страны, соседство с другими странами, сходства и различия их геополитических потенциалов, наличие между странами геополитических проблем являются составляющими, которые могут способствовать развитию долгосрочного сотрудничества государств, либо ограничивать его [2. С. 78].

2. Культурно-цивилизационный. Близость исторического развития может способствовать формированию взаимовыгодного сотрудничества государств.

3. Экономический. Совпадение экономических интересов способствует формированию прочной основы для взаимовыгодного развития экономических отношений между государствами. В дополнение к этому введение протекционистских мер одними странами (или объединениями, см. [5. С. 4]) против других приводит к необходимости искать новых торговых партнеров со схожими экономическими интересами. К тому же некоторые государства стремятся формировать интеграционные объединения на основе экономических, а не политических факторов.

Наличие общих интересов в совокупности с вышеуказанными факторами привели к созданию таких региональных объединений, как ЕС, ЕАЭС, АСЕАН и т.д.

Между тем углубление региональных связей сталкивается с определенными трудностями. О.О. Комолов указывает на кризис региональной интеграции, приводя в качестве примеров некоторые региональные объединения [6. С. 41].

Например, Европейский союз сталкивается с целым рядом трудностей по интеграции экономик его членов. Попытки создания единых норм в различных отраслях экономики часто либо проваливаются, либо их действие связано с большим количеством исключений. Так, после внедрения

европейских стандартов, регулирующих производство и эксплуатацию лифтов, в странах сразу же начался процесс национального нормотворчества. В результате возникла дезинтеграция по этому вопросу: Дания ввела собственные требования к освещению, Франция — к показателям пожарной безопасности, а Чехия — к типу электропроводки. В некоторых сферах экономики государства-члены стараются сохранить полную самостоятельность: электронные коммуникации, финансовые услуги, авторское право, управление воздушным движением, работа полиции [5. С. 9].

Аналогичным образом участники ЕАЭС не готовы отказаться от части экономического суверенитета. Так, не нашла поддержки идея создания валютного союза на базе ЕАЭС. Казахстан резко выступил против формирования наднациональных органов монетарного регулирования. Более того, внутри ЕАЭС постоянно возникают расхождения во внешнеэкономических вопросах [6. С. 41].

Трудности регионализации также связаны с различиями в экономических моделях государств [4. С. 25]. Если в Китае государственный капитализм с китайской спецификой, то в Индии смешанная экономика с федеративными чертами. Такие факторы, как существенно разный уровень и приоритеты социально-экономического развития, структурные диспропорции в экономиках создают сложности для достижения компромиссов и построения взаимовыгодного сотрудничества.

Прогнозирование перспектив регионализации осложняется тем, что на текущий момент не определено, каковы будут форматы регионализации в долгосрочной перспективе. Один из вероятных сценариев заключается в формировании «суперэкономических» объединений, во главе которых будут стоять США и Китай. Новые центры экономической силы будут контролировать производственные цепочки и обладать определенной независимостью в ресурсной, технологической и финансовой областях [11. С. 75; 12. С. 98]. Однако это не означает прекращение торговли между данными объединениями. Вероятнее всего, она сохранится в ограниченном формате.

На основании изложенного можно сделать вывод, что процесс регионализации происходит нелинейно и связан с необходимостью поиска компромиссов между

экономическими интересами государств. Нелинейный характер регионализации значительно усложняет прогнозирование её дальнейшего развития. Создаются новые региональные торговые соглашения, в рамках которых страны укрепляют экономические связи, усиливается значение существующих региональных объединений, что свидетельствует о продолжении развития регионализации.

*Цена регионализации:
выгоды и издержки для участников*

Отсутствие полной ясности перспектив развития процессов регионализации затрудняет формирование однозначных выводов о возможных последствиях данного явления. В качестве наиболее общих и вероятных последствий регионализации можно выделить следующие:

1. Снижение рисков, связанных с чрезмерной зависимостью от недружественных (потенциально недружественных) стран (блоков стран) в поставках важнейших товаров и ресурсов посредством рещоринга, френдшоринга, ниашоринга, а также рисков уязвимости к глобальным социально-экономическим потрясениям, таким как финансовые кризисы или пандемии [4. С. 12]. Ослабление экономических связей с недружественными государствами и усиление их с дружественными позволит не только повысить экономическую безопасность государства, но и избежать рисков, связанных с возможными кризисными явлениями в недружественных странах. Но одновременно с этим повышается зависимость от дружественных государств и экономическая уязвимость в случае наступления в них социально-экономических потрясений.

2. Укрепление национального экономического суверенитета за счет смягчения последствий накладываемых недружествен-

ными странами экономических и иных ограничений путем ослабления торговых связей с ними, что открывает большие возможности проведения независимой торговой и промышленной политики, которая позволяет лучше использовать уникальный экономический потенциал страны, отражает ее социальные приоритеты и культурные ценности. Вместе с тем государствам, состоящим в региональных экономических объединениях, будет необходимо осуществлять торговую и промышленную политики, в том числе, в соответствии с интересами такого объединения. Игнорирование интересов других стран, с которыми выстраиваются тесные экономические связи, может привести к конфликтам внутри объединения⁷.

3. Диверсификация торговых партнеров, которая побуждает страну к поиску альтернативных торговых соглашений и партнерств в рамках создания и/или укрепления дружественных блоков [4. С. 12]. С другой стороны, в условиях жесткого регионализма количество торговых партнеров может быть ограничено государствами либо состоящими в том же региональном экономическом объединении, либо любыми государствами, не состоящими в конкурирующем объединении⁸.

4. Замедление экономической динамики развивающихся стран из-за осложнения доступа к технологиям и иностранным инвестициям на фоне нарастания мер протекционизма [11. С. 75].

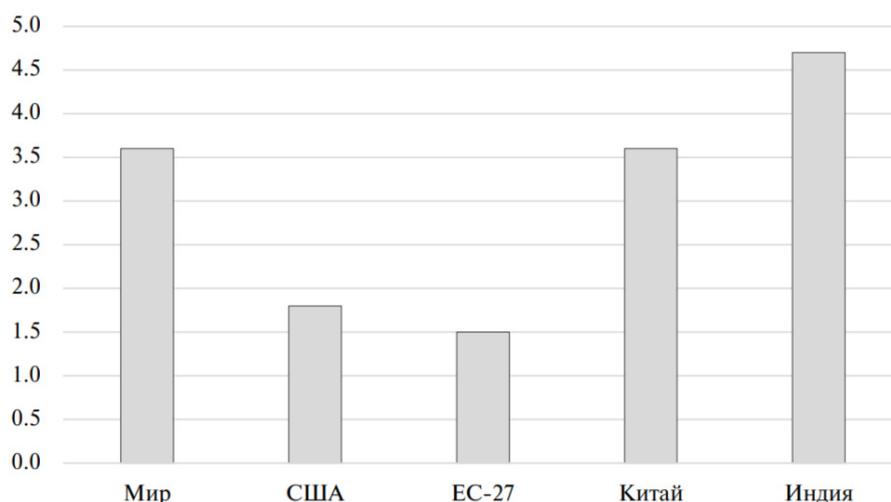
5. Распад сложившихся глобальных технологических, информационных, финансовых и иных пространств. Также регионализация способна создать препятствия для эффективного общемирового сотрудничества в решении глобальных задач безопасности и развития⁹.

Возможные последствия регионализации представлены на рис. 4 и 5.

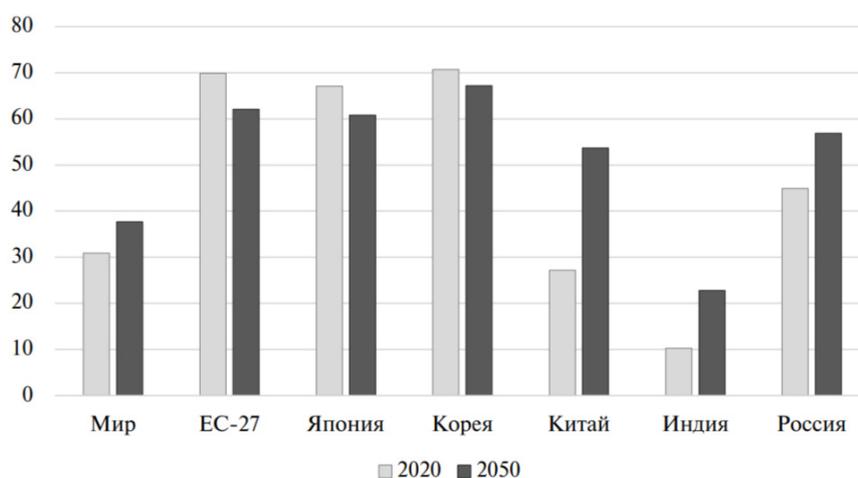
⁷ Ярким примером является введение США таможенных пошлин на импорт товаров из Мексики и Канады, что противоречит концепции свободной торговли в рамках ЮСМКА.

⁸ Так называемый «жесткий» регионализм характеризуется высоким уровнем институциональной интеграции посредством общих норм, принципов, правил и процедур принятия решений, которые ограничивают автономии отдельных участников.

⁹ Кризис миропорядка и будущее глобализации: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 60/2020 / А.В. Кортунюв; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2020. С. 43. ISBN 978-5-6044165-1-8.

Рис. 4. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 2024–2050 гг. в сценарии регионализации мировой экономики, %.
 Источник: [11. С. 75].

Рис. 5. ВВП на душу населения в сценарии регионализации мировой экономики (США = 100).
 Источник: [11. С. 75].

Таким образом, регионализация обеспечивает снижение значительного числа экономических рисков, связанных с торговлей со странами, примыкающими к другому экономическому и/или геополитическому блоку, и повышение устойчивости национальной экономики. Эти выгоды регионализации работают при условии, что внутри регионального объединения отсутствуют конфликты и неразрешимые противоречия. В противном случае ставка на укрепление

региональных связей может обернуться экономическими потерями.

Указанные экономические преимущества и издержки регионализации будут распределяться между государствами неравномерно. Вероятно, для некоторых стран окажется невозможным укрепить свой экономический суверенитет, а в отдельных форматах региональной интеграции его уровень может даже снизиться¹⁰. Также следует заметить, что полный промышленно-экономический

¹⁰ Таким примером является ЕС, которому государства-члены делегировали часть полномочий по определению экономической политики.

суверенитет не может быть достижим ни одной страной по объективным причинам, что говорит о значительной взаимозависимости между государствами, но и эта зависимость распространена неравномерно между странами и регионами и в разных сферах производства благ [8. С. 16].

Кроме того, для отдельных стран регионализация сопряжена со значительным количеством негативных последствий. Например, многие благоприятные факторы, которые сегодня позволяют правительству США и американским корпорациям занимать намного больше денег, чем любой другой стране, связаны с ролью доллара в центре существующей системы. Регионализация может привести к снижению роли доллара в мире и, как следствие, к серьёзному спаду внешнего спроса на американский долг [7. С. 104]. Кроме того, глобализация является одной из главных причин сегодняшней низкой инфляции и процентных ставок в США, поэтому сдвиг процесса в обратную сторону со временем может привести к росту цен и ставок, что негативно отразится на экономической стабильности и устойчивости США.

Итак, последствия регионализации являются неоднозначными. С одной стороны, выстраивание экономических процессов на основе взаимодействия государств в рамках регионального (или трансрегионального) объединения способно принести экономические выгоды, такие как снижение экономических рисков от торговли с недружественными странами, диверсификация торговых партнеров. С другой стороны, регионализация приводит к усилению протекционистских мер, что затрудняет доступ к передовым технологиям и иностранным инвестициям, а также создает барьеры для эффективного международного взаимодействия в решении глобальных проблем.

Заключение

Таким образом, регионализация является объективной тенденцией современного мирового экономического развития, обусловленной замедлением глобализационных процессов и геополитическими изменениями. Регионализация не отменяет глобализацию полностью, но трансформирует ее, создавая новую архитектуру мировой экономики, где региональные союзы играют ключевую роль. Государствам необходимо адаптироваться к этой реальности,

выстраивая гибкие стратегии экономического сотрудничества.

Отмечено, что процесс регионализации не является линейным, поскольку на сегодня имеется немалое количество примеров, когда внутри региональных объединений возникают конфликты, препятствующие развитию экономического сотрудничества внутри объединения. Нелинейный характер процесса регионализации значительно усложняет прогнозирование его дальнейшего развития.

Регионализация может привести как к положительным, так и к отрицательным последствиям для государств и мировой торговли. Для развитых экономик она создаёт преимущества в виде усиления экономической безопасности, но одновременно несёт риски ослабления глобального влияния (как в случае потенциального снижения роли доллара для США). Развивающиеся страны сталкиваются с дополнительными вызовами, включая ограничение доступа к передовым технологиям и иностранным инвестициям в условиях формирования региональных блоков.

На глобальном уровне наиболее вероятно, что регионализация ведёт к фрагментации мировой экономики на конкурирующие центры силы при сохранении ограниченных торговых связей между ними. В этих условиях государствам необходимо вырабатывать гибкие стратегии, позволяющие сочетать преимущества региональной интеграции с защитой национальных экономических интересов.

Страны будут получать выгоду от развития экономических связей в рамках региональных интеграционных объединений, что приведет к снижению экономических рисков. Однако государства все чаще будут становиться объектами ограничительных мер, из-за чего возникнет необходимость перестроить экономические связи и найти новых торговых партнеров. Поэтому последствия регионализации для каждого государства будут выражаться в уникальном сочетании преимуществ и издержек.

В будущем исследование данного явления требует более глубокого анализа его влияния на мировую торговлю, инвестиционные потоки и развитие национальных экономик, а также оценки возможных сценариев взаимодействия глобализационных и региональных процессов.

Литература:

1. Бойко И.В. Глобализация или локализация: новая управленческая парадигма XXI века // Управленческое консультирование. 2022. № 1.
2. Бакланов П.Я. Геополитические факторы в региональном развитии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 4 (93).
3. Ворона И.Н. Особенности экономической глобализации в начале 2020ых гг. // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 3.
4. Вишневский В.П., Маковецкий С.А., Вишневская Е.Н. Эффекты геоэкономической фрагментации: BRICS vs G7 // Journal of Applied Economic Research. 2025. Т. 24. № 1.
5. Кондратьева Н.Б. Геоэкономический подход в экономической политике Европейского союза // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20. № 1.
6. Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 2 (116).
7. Комолов О.О. Глобальная роль доллара и тенденции дедолларизации мировой экономики в новых условиях // Экономическое возрождение России. 2023. № 2 (76).
8. Матковская Я.С. Деглобализация: новая эпоха или фаза процесса глобализации? // Друкеровский вестник. 2023. № 3.
9. Спартак А.Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к межрегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (4).
10. Хейфец Б.А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4.
11. Шилов А.А., Порфирьев Б.Н., Гусев М.С., Колпаков А.Ю. Россия в условиях регионализации мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11.
12. Чикова А.Е. Глобальная регионализация как основа развития мировой экономики // Право и управление. XXI век. 2024. № 2 (71).

REGIONALIZATION AS A STAGE OF GLOBALIZATION: CURRENT TRENDS AND IMPACT ON THE WORLD ECONOMY

Introduction. This article explores the process of regionalization, its dynamics, and potential consequences. It analyzes the key factors driving states toward integration into regional alliances. Special emphasis is placed on the obstacles that hinder regionalization and contribute to its non-linear nature. Additionally, attention is given to the potential impact of regionalization on the global economy, based on an assessment of current trends and transformations in the international economic landscape.

Materials and methods. This study employs a combination of general scientific and formal-logical methods, including methods of cognition, description, analysis, induction, deduction, comparison, analogy, systematization, and modeling. Additionally, comparative analysis, a systematic approach, and the case study method are utilized.

Results of the study. The analysis of regionalization has demonstrated that it is an objective process in contemporary global economic development, driven by the slowdown of globalization and geopolitical changes. However, regionalization is not a lin-

ear process: conflicts often arise within integration associations, restricting the development of economic cooperation. The consequences of regionalization for states can be both positive and negative. On the one hand, deepening economic ties between countries with similar interests helps reduce economic risks. On the other hand, there is an increasing likelihood of restrictive measures imposed by "unfriendly" state blocs, forcing countries to adapt their trade strategies and seek new trading partners. As a result, the impact of regionalization on each state will manifest in a unique balance of benefits and losses, shaping the specifics of its economic relations.

Discussion and conclusion. Regionalization is transforming the nature of globalization, shaping a new structure of the global economy in which regional associations play a leading role. In this context, it is crucial for states to adapt by developing flexible strategies for economic cooperation. The prospects for further research on regionalization are associated with analyzing its impact on global economic trends and studying state adaptation strategies to new condi-

tions. It is important to recognize that regionalization does not replace globalization but rather transforms it, creating a new model of economic interaction on the international stage.

Boris I. Chernyakhovsky,
Candidate of Sciences (Economics),
Senior Lecturer, Department of Civil Law
Disciplines, Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian
Federation named after A.Ya. Sukharev,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

регионализация, глобализация,
экономическая интеграция,
геополитическая фрагментация,
региональные торговые соглашения.

Keywords:

regionalization, globalization, economic
integration, geopolitical fragmentation,
regional trade agreements.

References:

1. Boiko I.V., 2022. Globalizatsiya ili lokalizatsiya: novaya upravlencheskaya paradigma XXI veka [Globalization or Localization: a new managerial paradigm of the 21st century]. *Upravlencheskoe konsultirovanie [Management Consulting]*. № 1.
2. Baklanov P.Ya., 2020. Geopoliticheskie faktory v regional'nom razvitii [Geopolitical factors in regional development]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke [Customs Policy of Russia in the Far East]*. № 4 (93).
3. Vorona I.N., 2024. Osobennosti ekonomicheskoy globalizatsii v nachale 2020-kh gg. [Features of economic globalization in the early 2020s]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]*. № 3.
4. Vishnevskiy V.P., Makovetskiy S.A., Vishnevskaya E.N., 2025. Effekty geoeconomicheskoy fragmentatsii: BRICS vs G7 [Effects of geo-economic fragmentation: BRICS vs G7]. *Journal of Applied Economic Research*. Vol. 24. № 1.
5. Kondrat'eva N.B., 2025. Geoeconomicheskii podkhod v ekonomicheskoy politike Evropeyskogo soyuza [The geo-economic approach in the economic policy of the European Union]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy]*. Vol. 20. № 1.
6. Komolov O.O., 2021. Deglobalizatsiya: novye tendentsii i vyzovy mirovoy ekonomike [Deglobalization: new trends and challenges for the world economy]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova [Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics]*. Vol. 18. № 2 (116).
7. Komolov O.O., 2023. Global'naya rol' dollara i tendentsii dedollarizatsii mirovoy ekonomiki v novykh usloviyakh [The global role of the dollar and trends in de-dollarization of the world economy in new conditions]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia]*. № 2 (76).
8. Matkovskaya Ya.S., 2023. Deglobalizatsiya: novaya epokha ili faza protsessa globalizatsii? [Deglobalization: a new era or a phase of the globalization process?]. *Drukerovskiy vestnik [Drucker Bulletin]*. № 3.
9. Spartak A.N., 2017. Metamorfozy protsessa regionalizatsii: ot regional'nykh torgovykh soglasheniy k mezhtional'nym proektam [Metamorphoses of the regionalization process: from regional trade agreements to interregional projects]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law]*. № 10 (4).
10. Kheifets B.A., 2024. Geopoliticheskiy regionalizm i novaya regionalizatsiya mirovoy ekonomiki [Geopolitical regionalism and the new regionalization of the world economy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy [Bulletin of International Organizations]*. Vol. 19. № 4.
11. Shirov A.A., Porfir'ev B.N., Gusev M.S., Kolpakov A.Yu., 2024. Rossiya v usloviyakh regionalizatsii mirovoy ekonomiki [Russia in the context of the regionalization of the world economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*. Vol. 68. № 11.
12. Chikova A.E., 2024. Global'naya regionalizatsiya kak osnova razvitiya mirovoy ekonomiki [Global regionalization as the basis for the development of the world economy]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 2 (71).

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Камина Петр*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-84-101

***Введение.** В статье исследуется развитие института государственно-частного партнерства в России, США, Франции и Японии, акцентируя внимание на ключевых особенностях правовых систем данных стран и их влиянии на реализацию масштабных инфраструктурных проектов.*

В исследовании подчеркивается существенная роль гармонизации нормативно-правовой базы для успешного развития государственно-частного партнерства, что требует учета интересов как государственного, так и частного сектора.

***Материалы и методы.** Исследование базируется на таких общенаучных и специальных методах, как: классификация, анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, системно-структурный метод, технико-юридический метод, анализе OSINT и изучении казуального права, применяемого в регулировании государственно-частного партнерства.*

---

* **Камина Петр Владимирович**, ведущий эксперт, АНО «Центр международного взаимодействия и сотрудничества», Москва, Россия
e-mail: pvkamina7@gmail.com
ORCID ID: 0009-0006-7934-1634

Научный руководитель: Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: vvsuchochev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3536-4707

Результаты исследования. В работе выявлены основные характеристики и различия правового регулирования государственно-частного партнерства в правовых системах России, США, Франции и Японии. Основу российской нормативно-правовой базы, регулирующей государственно-частное партнерство, составляют федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» и федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Также следует отметить и федеральный закон от 01.04.2022 № 75-ФЗ «О соглашениях, заключаемых при осуществлении геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья, и о внесении изменения в Закон Российской Федерации «О недрах», который, на взгляд автора, вводит новую «квазиформу» ГЧП в нефтегазовой отрасли. Данные федеральные законы устанавливают правовые основы для реализации проектов ГЧП, определяют формы взаимодействия публичных и частных партнеров, а также регулируют порядок заключения, исполнения и прекращения соответствующих соглашений. Однако, несмотря на развитие существующей нормативно-правовой базы, в российской практике реализации проектов ГЧП существуют определенные недостатки. Прежде всего к ним следует отнести следующие:

- наличие несоответствий регионального правового регулирования ГЧП федеральному регулированию: наряду с федеральными законами, в субъектах Российской Федерации действуют собственные нормативные акты, регулирующие ГЧП, что может приводить к правовой фрагментации и затруднять унификацию правовых подходов к данному институту;
- высокие транзакционные издержки: сложность и длительность процедур согласования и реализации проектов ГЧП увеличивают издержки для участников;
- отсутствие координирующей структуры на федеральном уровне: на текущий момент инфраструктурные проекты, реализуемые на базе ГЧП подлежат согласованию федеральным или региональным органом исполнительной власти, к ведению которого относится инфраструктурный проект, что может создавать различную практику реализации проектов схожей/смежной инфраструктуры.

Вышеперечисленные недостатки усложняются достаточно частыми изменениями в законодательстве, что создает неопределенность и снижает привлекательность модели государственно-частного партнерства в российских инфраструктурных проектах для частных инвесторов. На этом фоне японская модель государственно-частного партнерства выделяется своей долгосрочной стратегической ориентацией и эффективным использованием модели «строительство-передача-собственность». Данная модель минимизирует налоговую нагрузку на частных партнеров, одновременно обеспечивая государственную собственность на объекты инфраструктуры, что делает проекты как экономически эффективными, так и социально значимыми. Во Франции, в свою очередь, несмотря на разнообразие моделей государственно-частного партнерства, правовое регулирование различных форм государственно-частного партнерства гармонизировано, а также существует четкое разделение между концессиями и контрактами государственно-частного партнерства.

Обсуждение и заключение. На основе проведенного анализа предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования государственно-частного партнерства в России. В их числе гармонизация регионального и федерального законодательства, снижение транзакционных издержек и развитие специальных экономических режимов, предусматривающих закрепление на законодательном уровне преференций, льгот и гарантий для частных (в том числе иностранных) инвесторов, участвующих в реализации крупных инфраструктурных мегапроектов на базе государственно-частного партнерства. Кроме того, особое внимание следует уделить созданию институциональной

структуры для управления проектами, реализуемыми на базе государственно-частного партнерства участников. Реализация вышеперечисленных мер позволит создать условия для привлечения частных инвестиций, повышения эффективности инфраструктурных проектов, реализуемых на базе государственно-частного партнерства.

Введение

В современных условиях государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) является одним из ключевых инструментов реализации крупных инфраструктурных проектов, обеспечивая баланс интересов государства и частного сектора. Важность данного механизма особенно возрастает в условиях сложной геополитической обстановки, требующей совершенствования нормативно-правовой базы для привлечения частных инвестиций и преодоления институциональных барьеров. Несмотря на имеющиеся разработки в области правового регулирования ГЧП, многие аспекты данного института остаются недостаточно изученными, что актуализирует необходимость всестороннего анализа международного опыта.

Сравнительный анализ правовых систем различных правовых семей на примере таких стран, как Япония, США и Франция позволяет выявить успешные модели ГЧП, адаптация которых может способствовать совершенствованию российской системы правового регулирования ГЧП.

Выбор таких зарубежных стран, как Япония, США и Франция в качестве объектов сравнительного анализа обусловлен их репрезентативностью и разнообразием подходов к ГЧП, что позволяет выявить универсальные и специфические элементы правового регулирования в различных правовых и институциональных системах.

Сравнение стран с различными типами государственного территориального устройства (федеративным/унитарным), на взгляд автора, является обоснованным, поскольку территориальное устройство, влияет на характер взаимоотношений публичного и частного субъектов в рамках ГЧП, что позволяет выявить как универсальные принципы, так и специфические особенности правового регулирования ГЧП, в том числе рассмотреть реализацию ГЧП на региональном уровне.

Выделение опыта Японии обусловлено следующими факторами:

1). Согласно данным Economist Intelligence Unit, Япония относится к странам с наиболее развитой и зрелой институциональной средой для реализации проектов ГЧП и занимает 4 место в рамках рейтингования стран по развитию условий для ГЧП;

2). Япония обладает четкой и последовательной нормативно-правовой базой, регулирующей ГЧП, что обеспечивает стабильность и предсказуемость для участников проектов;

3). В Японии существуют специализированные органы, координирующие и поддерживающие проекты ГЧП, что способствует эффективной реализации инициатив;

4). Японская модель ГЧП ориентирована на внедрение инновационных решений и обеспечение высокого качества предоставляемых услуг, что делает ее привлекательной для изучения и адаптации.

В научных трудах российских исследователей, в том числе в монографиях М.О. Белякова, Я.И. Ваславского, О.В. Иванова, рассматриваются различные аспекты функционирования ГЧП, однако их правовые особенности в контексте зарубежного опыта являются предметом для проведения более глубокого сравнительно-правового анализа.

Цель исследования - разработка рекомендаций по совершенствованию нормативно-правового регулирования ГЧП в России на основе передового международного опыта.

Для достижения этой цели в рамках исследования решаются следующие задачи:

1) анализ правовых механизмов реализации ГЧП в России и зарубежных странах;

2) выявление ключевых особенностей и барьеров, ограничивающих развитие ГЧП в российской практике;

3) изучение успешных моделей ГЧП в Японии, Франции и США, определение их правовых характеристик и эффективности;

4) формирование предложений по модернизации российского законодательства с учетом международного опыта.

Настоящее исследование направлено на формирование

научно-обоснованных рекомендаций по повышению эффективности правового регулирования ГЧП, что, в свою очередь, будет способствовать улучшению инвестиционного климата в России и обеспечению устойчивого развития инфраструктурных проектов.

Исследование

Основные аспекты институционального подхода к ГЧП

На сегодняшний день Япония уверенно занимает позиции одного из ведущих азиатских и мировых лидеров в области развития государственно-частного партнерства. Согласно данным Economist Intelligence Unit, Япония относится к странам с наиболее развитой и зрелой институциональной средой для реализации проектов ГЧП и занимает 4 место в рамках рейтингования стран по развитию условий для ГЧП [36. С. 15].

Одной из ключевых особенностей японского подхода является высокоорганизованная система государственного управления в данной сфере. Она основывается на комплексном подходе, который включает разработанную доктрину политики ГЧП, четкое стратегическое целеполагание и планирование, а также обширную нормативно-правовую базу. Вышеперечисленные элементы имеют закрепление на практике за счет разветвленной организационно-институциональной структуры и широкого набора мер государственной поддержки [37. С. 24].

Современная система ГЧП в Японии сформировалась после принятия Закона о поощрении частных финансовых инициатив¹ (далее – Закон о ЧФИ) в 1999 году. С тех пор в соответствии с Законом о ЧФИ было реализовано более 800 проектов частной финансовой инициативы. Большинство из этих проектов относятся к типу «строительство-передача-эксплуатация» (ВТО), в то время как другие – к типу «строительство-эксплуатация-передача» (ВОТ), «строительство-владение-эксплуатация» (ВОО) или другим формам. По всей стране также широко используется тип «проектирование-строительство-эксплуатация» (ДВО), который не требует реализации в соответствии с Законом о ЧФИ. Поправка к Закону о ЧФИ в 2011 году

ввела схему «концессии», в соответствии с которой государственный орган предоставляет концессионеру из частного сектора более широкий спектр прав на управление и эксплуатацию существующего инфраструктурного объекта, включая право определять и получать плату за пользование как свой собственный доход, а также больше рисков и обязанностей.

Сферы применения механизма ГЧП в Японии охватывают широкий спектр объектов инфраструктуры, включая автомобильные и железные дороги, порты и гавани, аэропорты, реки, парки, службы водоснабжения и канализационные системы. Помимо этого, ГЧП используется в развитии объектов промышленного водоснабжения, административных зданий, жилых комплексов, образовательных и культурных учреждений, медицинских и социальных объектов, а также систем информационно-коммуникационных технологий и объектов теплоснабжения. Дополнительно в рамках правового регулирования отдельных инфраструктурных объектов применяются специальные законы, например, Закон о водоснабжении, который содержит отдельные положения о процессе заключения концессионных соглашений в данной сфере.

Хотя передача долей собственности в проектных компаниях формально не ограничена законом, на практике большинство контрактов ГЧП включает положения, требующие одобрения государственного органа в случае передачи акций. В руководстве по контрактам ЧФИ, опубликованном Управлением по развитию государственно-частного партнерства, рекомендуется ослабление подобных ограничений для стимулирования инфраструктурного рынка. Однако процесс дерегулирования в данной сфере остается медленным.

В Японии более 60% всех проектов ГЧП реализуется по модели «строительство-передача-владение» (Build-Transfer-Own, ВТО), в рамках которой право собственности на объект передается государственному сектору сразу после завершения строительства. Данная модель получила широкое распространение благодаря ряду значительных преимуществ:

1). Освобождение от налогов. Инфраструктура, находящаяся в государственной

1 The Act on Promotion of Private Finance Initiative (PFI) (Act No. 1 117 of 1999) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/pfi.pdf> (дата обращения: 22.01.2025)

собственности, не облагается налогом на приобретение недвижимости и налогом на имущество.

2) Снижение налоговой нагрузки для населения. Поскольку право собственности остается у государства, общественность воспринимает проекты ГЧП как менее обременительные в налоговом отношении, а сборы с пользователей, включая тарифы и платежи, оказываются ниже по сравнению с другими моделями.

3) Упрощение реализации проектов для частных партнеров. Модель ВТО снижает налоговое бремя подрядчиков и делает участие в проектах ГЧП более привлекательным [37. С. 20].

Разветвленная система нормативно-правового регулирования ГЧП создает благоприятные условия для устойчивого развития партнерства в Японии. Продуманная правовая база не только стимулирует рост новых проектов, но и укрепляет юридическую стабильность уже реализованных инициатив. Японский опыт подчеркивает важность комплексного подхода к формированию законодательства о ГЧП, включающего гармонизацию основного закона с подзаконными актами. Особое внимание уделяется предотвращению правовых пробелов, способных привести к юридическим коллизиям и неопределенности для участников рынка.

Рис. 1 Общая схема управления проектами ГЧП в Японии на национальном, региональном и муниципальном уровнях [37. С. 28].

Формирование современной системы государственно-частного партнерства (ГЧП) в Японии потребовало более десяти лет целенаправленной работы по гармонизации законодательства, устранению правовых коллизий и обеспечению согласованности между основным законом и смежными нормативно-правовыми актами. Комплексный подход к совершенствованию правового регулирования позволил создать прозрачную и устойчивую институциональную среду, способствующую эффективному привлечению частных инвестиций в инфраструктурные проекты.

Одной из наиболее развитых и востребованных сфер применения механизмов ГЧП в Японии является общественный транспорт, в особенности железные дороги. Значительная часть железнодорожной инфраструктуры, включая станции метро и отдельные трамвайные линии, находится

в государственной собственности. Крупные железнодорожные компании, такие как Japan Railways Хоккайдо и Japan Railways Сикоку, а также ряд региональных железнодорожных операторов также принадлежат государству.

Вместе с тем большая часть железных дорог в Японии управляется в формате совместной собственности частного и государственного секторов, что делает их частью механизмов ГЧП. Такие железные дороги получили название «железные дороги третьего сектора». Данная модель обеспечивает гибкость в управлении, сочетая преимущества государственной поддержки и эффективности частного управления.

Кроме того, другим важным фактором успешного функционирования системы ГЧП в Японии является не только развитая нормативно-правовая база и организационные механизмы, но и особенности

корпоративной культуры. Специфический подход к управлению персоналом, который включает строгую дисциплину, ориентацию на непрерывное обучение и коллективную ответственность, в значительной степени определяет эффективность реализации проектов ГЧП. Как рядовые сотрудники, так и топ-менеджеры демонстрируют высокую вовлеченность в процессы управления инфраструктурными объектами, что способствует их устойчивому развитию и модернизации.

В Японии широко применяются четыре ключевых принципа управления рисками в рамках ГЧП:

1). Снижение факторов риска – выявление потенциальных угроз и их нейтрализация на ранних этапах проектирования и реализации инфраструктурных проектов;

2). Повышенное внимание к вопросам безопасности – внедрение превентивных мер, направленных на снижение аварийности и обеспечение надежности эксплуатационных процессов;

3). Разработка и реализация тактических планов первоочередных улучшений – гибкое планирование модернизации объектов инфраструктуры с учетом потребностей пользователей и экономической эффективности;

4). Организация индивидуального обучения для подготовки персонала к работе в критических ситуациях – регулярное повышение квалификации сотрудников и проведение тренингов по реагированию на внештатные ситуации.

При трансформации этих принципов в финансовую плоскость японская модель управления ГЧП делает акцент не столько на усилении регуляторного контроля, сколько на создании эффективных внутренних механизмов предотвращения ошибок на ранних стадиях. Такой подход снижает административные барьеры, повышает уровень ответственности участников проектов и способствует минимизации операционных рисков [33. С. 22].

Ключевым элементом системы безопасности в рамках ГЧП является надлежащее обучение персонала, направленное на снижение рисков, связанных как с человеческим фактором, так и с технологическими сбоями. Комплексный подход, включающий постоянный мониторинг, детальную документацию эксплуатационных процессов и многоуровневую систему инструктажей, обеспечивает высокий уровень надежности управления объектами инфраструктуры.

Японский опыт демонстрирует, что активная управленческая позиция, основанная на проактивных предупреждающих мерах, оказывается более эффективной, чем традиционные методы пассивного контроля, распространенные в большинстве европейских стран. Оперативное выявление потенциальных проблем и их устранение на ранней стадии значительно снижает вероятность крупных аварий и минимизирует финансовые потери.

Успешные примеры реализации ГЧП в сфере железнодорожного транспорта в Японии показывают, что ключевую роль в развитии инфраструктурных проектов играет политическая поддержка. Муниципальные власти и администрация префектур активно участвуют в принятии решений, направленных на поддержку общественного транспорта, что повышает эффективность реализации проектов. Так, государственное содействие стало важнейшим фактором успеха проекта железной дороги Йоккаити-Асунаро, обеспечив его финансирование и долгосрочную устойчивость. Данный случай подтверждает, что сбалансированное распределение обязательств между государственными и частными партнерами позволяет реализовывать сложные инфраструктурные проекты с высокой степенью эффективности.

Железнодорожный транспорт в Японии демонстрирует существенные отличия от европейских моделей ГЧП. В отличие от стран Европейского союза, где большинство железных дорог полностью передано в частное управление или функционирует в рамках концессионных соглашений, японская система основывается на гибридном механизме взаимодействия государства и бизнеса. Это позволяет государственному сектору сохранять контроль за стратегически важными объектами инфраструктуры, одновременно привлекая частные инвестиции для их модернизации и эксплуатации.

Высокая плотность населения в городах Японии создает стабильный пассажиропоток, что делает железнодорожный транспорт прибыльным даже при сохранении государственного участия. Финансовая устойчивость проектов ГЧП в этой сфере обеспечивается за счет значительных доходов, поступающих от пользователей. Эти поступления позволяют проектным компаниям своевременно осуществлять техническое обслуживание объектов, обновлять подвижной состав и инвестировать в развитие транспортной сети.

Рис. 2 Схема взаимодействия и влияния акторов в проектах ГЧП, связанных с железнодорожным транспортом в Японии [33. С. 22].

Таким образом, в сфере железнодорожного транспорта в Японии государственно-частное партнерство играет уникальную роль, отличающуюся от традиционных европейских моделей. Многие железнодорожные линии, находящиеся как в государственной, так и в частной собственности, демонстрируют высокую прибыльность. Высокая плотность населения в городских районах обеспечивает значительные объемы пассажиропотока, что, в свою очередь, гарантирует стабильные доходы проектных компаний. Данные финансовые поступления позволяют проектным компаниям своевременно проводить необходимое техническое обслуживание, обновлять подвижной состав и инвестировать в постепенное улучшение городской и железнодорожной инфраструктуры. На сегодняшний день японский опыт демонстрирует, как рациональное политическое управление в рамках ГЧП может способствовать устойчивости и развитию транспортной системы, обеспечивая баланс между государственными и частными интересами.

Теперь рассмотрим развитие и текущее состояние ГЧП в США. В Соединенных Штатах государственный сектор с начала XX века играет важную роль в создании объектов общественной инфраструктуры, особенно в сравнении с большинством

других стран, что выгодно отличает США от большинства других стран. В то же время в отличие от европейских государств американские коммунальные службы преимущественно развивались частными компаниями и не подвергались национализации в XX веке, что создало условия для широкого распространения рыночных механизмов в этой сфере [35. С. 77-80].

В последние два десятилетия в транспортной отрасли Соединенных Штатов отмечается значительное увеличение количества проектов, реализуемых на основе государственно-частного партнерства. Однако одной из особенностей американской модели является отсутствие единого федерального законодательства, регулирующего ГЧП. Вместо этого нормативно-правовая база формируется преимущественно на уровне отдельных штатов, что приводит к значительным различиям в подходах к реализации проектов [35. С. 78].

Исторически строительство дорог в США в значительной степени зависело от частного финансирования. В XIX веке платные дороги были распространенным явлением, особенно в таких штатах, как Виргиния и Калифорния. Существенные изменения в системе инфраструктурного финансирования начались с принятием в 1991 году Закона о содействии наземным перевозкам

разными видами транспорта², который впервые позволил совмещать федеральное финансирование платных дорог с частными инвестициями, а также с дополнительными средствами, привлекаемыми властями штатов. В 1995 году был принят Закон о системе автомагистралей национального значения³, который закрепил возможность создания инфраструктурных банков на уровне штатов. В дальнейшем, в 1998 году, вступил в силу Закон о финансировании и инновациях в транспортной инфраструктуре⁴, направленный на стимулирование привлечения частного капитала в крупные инфраструктурные проекты стоимостью свыше 100 миллионов долларов США [35. С. 79].

Новый этап в развитии ГЧП в США начался с 2004 года, когда была внедрена концепция продажи франшиз на эксплуатацию инфраструктурных объектов. Этот механизм позволил частным инвесторам приобрести право на управление платными дорогами и сбор пошлин на определенный срок, установленный контрактом. Стоимость франшиз определялась с учетом будущих ожидаемых доходов с вычетом операционных расходов. Первые успешные сделки с франшизами включали продажу платного моста «Chicago Skyway Toll Bridge» за 1,8 миллиарда долларов США в 2004 году и передачу автомагистрали «Dulles Greenway Toll Road» в 2006 году, при которой новые инвесторы взяли на себя обязательства по капитальному ремонту и модернизации дороги [35. С. 80]. Данные сделки не только привлекли внимание к возможностям концессионных механизмов, но и способствовали росту интереса к новым проектам в сфере дорожной инфраструктуры.

В дальнейшем использование механизмов ГЧП продолжало расширяться. В 2006 году власти штата Орегон заключили соглашение о строительстве трех платных дорог с привлечением частного капитала. Проектные компании стали ключевыми партнерами штата, вложив порядка 20 миллионов долларов, которые были возвращены инвесторам в форме дивидендов по итогам успешной реализации проекта. В целом за

последние два десятилетия в США было построено и модернизировано 43 автомагистрали, при этом частные партнеры принимали активное участие как в финансировании, так и в операционном управлении объектами [36. С. 80].

Одним из наиболее показательных примеров успешного ГЧП стало строительство платной дороги «SR 125 Toll Road» в Сан-Диего с привлечением проектной компании «San Diego Expressway LP». В рамках заключенного соглашения частный партнер взял на себя обязательства по проектированию, строительству, эксплуатации и техническому обслуживанию дороги в течение 35 лет. По истечении срока действия договора объект должен быть передан в собственность штата. Данный пример ярко демонстрирует взаимную выгоду от ГЧП как для публичного, так и для частного сектора, позволяя государству привлекать инвестиции без значительных бюджетных затрат и обеспечивая бизнесу долгосрочную рентабельность [35. С. 80].

Несмотря на успешные примеры, развитие ГЧП в США столкнулось с рядом вызовов. В 2015 году на уровень ГЧП в стране оказала влияние позиция руководства некоторых штатов. Несмотря на то что федеральные власти продолжали поддерживать механизмы партнерства, отдельные губернаторы выразили скептицизм по поводу реализации большего количества проектов на основе ГЧП, особенно в сфере объектов социальной инфраструктуры. Это привело к снижению темпов заключения новых соглашений и пересмотру региональной политики в данной сфере [27. С. 140-141].

В целом американская модель ГЧП демонстрирует значительную гибкость и возможность индивидуализированного подхода к каждому проекту. Однако отсутствие единой федеральной системы регулирования приводит к существенным различиям в нормативной базе между штатами, что осложняет масштабные инфраструктурные проекты, выходящие за рамки одной юрисдикции. Этот аспект делает американский подход трудно применимым в российских

² Intermodal Surface Transportation Act of 1991 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/2950> (дата обращения: 22.01.2025)

³ National highway system designation act of 1995 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/440> (дата обращения: 22.01.2025)

⁴ Transportation Infrastructure Finance and Innovation Act of 1998 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/963/text> (дата обращения: 22.01.2025)

условиях, где правовая система строится на кодифицированном праве, а не на прецедентных решениях. Попытка прямого переноса американской модели в Россию неизбежно приведет к правовым коллизиям, недостаточной правовой определенности и сложностям в судебных разбирательствах по обязательствам ГЧП.

Таким образом, анализ американского опыта показывает, что для успешного развития ГЧП в России необходимо разрабатывать собственную модель регулирования, учитывающую национальные особенности, но в то же время ориентированную на лучшие международные практики. Такой подход позволяет максимально индивидуализировать правовое регулирование отношений в рамках каждого отдельного контракта ГЧП.

Во Франции отсутствует унифицированный или единообразный Закон (по аналогии с США), регулирующий все формы государственно-частного партнерства. Вместо этого каждая форма такого сотрудничества регулируется отдельными нормативно-правовыми актами, а также принимается во внимание судебная практика. Вместо этого каждая форма сотрудничества регулируется отдельными нормативно-правовыми актами, а также опирается на судебную практику, что соответствует традициям романо-германской правовой системы.

Одной из ключевых форм государственно-частного партнерства во Франции является концессионная модель (*Délégations de service public*), правовой режим которой основывается на Законе Сапена⁵. Согласно французскому законодательству, концессионные соглашения представляют собой долгосрочные договоры аренды на использование существующих объектов государственной или муниципальной собственности, предоставляемых частным партнерам органами публичной власти. Данная форма сотрудничества широко используется для реализации крупных инфраструктурных проектов, включая строительство и эксплуатацию платных автомобильных дорог, систем водоснабжения и канализации, а также объектов переработки и утилизации отходов [11. С. 71-72].

Важным этапом в развитии правового регулирования ГЧП во Франции стало введение в 2004 году нового типа договора - контракта государственно-частного партнерства⁶ (*contract de partenariat*). Данное нововведение предоставило правовую основу для формирования механизмов сотрудничества государства и бизнеса в реализации социально значимых проектов, включая создание совместных предприятий (*sociétés d'économie mixte*), в которых государственный и частный партнеры совместно участвуют в финансировании, управлении и эксплуатации инфраструктурных объектов.

Дальнейшая детализация правового регулирования произошла в 2008 году с принятием Закона о ГЧП⁷, который конкретизировал правила заключения контрактов государственно-частного партнерства и установил разграничение между различными моделями взаимодействия. Основное различие между концессиями и контрактами ГЧП заключается в подходе к распределению рисков и источникам компенсации инвестиций частного партнера. В рамках концессионных соглашений частный оператор берет на себя все риски эксплуатации и финансирования объекта, а возврат инвестиций осуществляется за счет оплаты услуг конечными пользователями (принцип *user-pay*). В контрактах ГЧП риски распределяются между государственным и частным партнерами, а компенсация инвестиций осуществляется по схеме так называемой «теневой концессии», предусматривающей регулярные выплаты частному партнеру со стороны государства [11. С. 72-75].

Французская модель ГЧП имеет ряд существенных отличий от аналогичных моделей, используемых в других странах, что обусловлено спецификой континентального права. Среди наиболее значимых особенностей можно выделить:

- 1). Сохранение государственной или муниципальной собственности на объекты партнерства, что позволяет обеспечивать контроль над инфраструктурными объектами со стороны государства;
- 2). Преимущественное использование контрактов жизненного цикла, в рамках ко-

⁵ La loi № 93-122 от 19.01.1993 // [Электронный ресурс] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/JORFTEXT000000711604/2024-09-29 (дата обращения: 22.01.2025)

⁶ Ordonnance № 2004-559 от 17.06.2004 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000438720> (дата обращения: 22.01.2025)

⁷ La loi № 2008-735 от 28.07.2008 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000019261845> (дата обращения: 22.01.2025)

торых частный партнер несет ответственность за проектирование, строительство, эксплуатацию и техническое обслуживание объекта в течение всего периода его жизнедеятельности;

3). Возможность получения частным партнером компенсации при наступлении риска за счет расширенных механизмов распределения обязательств, что не является характерным для англосаксонской модели ГЧП.

Помимо концессионных соглашений и контрактов ГЧП, во Франции используются и другие формы государственно-частного взаимодействия, в том числе:

1). аренда государственной собственности (*affermages*), предусматривающая эксплуатацию объектов частными партнерами с последующей передачей государству;

2). управление государственной собственностью с оплатой в зависимости от достигнутых результатов (*régie intéressée*), при котором частный оператор получает вознаграждение, пропорциональное эффективности его деятельности;

3). долгосрочная аренда муниципальной собственности (*bail emphytéotique administrative*), позволяющая частным инвесторам использовать объекты инфраструктуры на длительный срок в обмен на выполнение определенных условий по эксплуатации и модернизации.

Введение данных правовых механизмов позволило выделить 3 ключевых критерия отбора проектов ГЧП во Франции: сложность, безотлагательность и соотношение цены и качества. Кроме того, на законодательном уровне был создан специализированный орган управления ГЧП, определены его основные функции и полномочия, а также разработаны организационные механизмы проведения конкурсных процедур, обеспечивающие прозрачность и конкурентоспособность процесса отбора частных партнеров.

Ключевым элементом французской системы ГЧП является четкая регламентация условий контрактов, включая установление сроков их действия, механизмы распределения рисков, порядок выплат частным партнерам и принципы разрешения возможных споров. Наличие подобных положений

обеспечивает высокий уровень предсказуемости и стабильности в правоприменительной практике, что делает Францию одной из наиболее привлекательных юрисдикций для частных инвесторов, участвующих в инфраструктурных проектах.

Помимо концессионных механизмов во Франции широкое распространение получили совместные предприятия с участием государства и частного бизнеса, позволяющие публичному партнеру сохранять контроль над стратегически важными объектами. Одним из наиболее ярких примеров подобного взаимодействия является энергетическая корпорация *Engie S.A.*, в которой французское правительство владеет 23,64% акций⁸. Такая форма ГЧП позволяет государству участвовать в управлении инфраструктурными активами, минимизируя при этом бюджетные затраты за счет привлечения частного капитала.

Таким образом, французская модель ГЧП демонстрирует сбалансированный подход к распределению рисков и обязательств между публичным и частным секторами, сочетая элементы прямого государственного контроля с гибкими механизмами частного управления. Развитая нормативно-правовая база, детализированные условия контрактов и разнообразие доступных форм партнерства делают Францию одним из лидеров в сфере государственно-частного взаимодействия в инфраструктурных проектах.

Развитие института ГЧП в Российской Федерации является одним из ключевых инструментов государственной политики в сфере модернизации и расширения инфраструктурной базы страны. На фоне ограниченности бюджетных ресурсов и осложнившейся в последние годы геополитической ситуации, а также возросшей инвестиционной потребности стратегических отраслей и необходимости обеспечения устойчивого роста социально-экономических показателей в рамках реализации указа Президента Российской Федерации № 309⁹, механизм ГЧП предоставляет эффективный способ привлечения частного капитала для реализации крупных инфраструктурных проектов. Кроме того, по данным Минэкономразвития РФ в России в 2024 году было заключено 215 соглашений государственно-частного

⁸ Engie.com // [Официальный сайт] URL: <https://www.engie.com/en> (дата обращения: 22.01.2025)

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309. Официальный интернет-портал правовой информации, 07.05.2024.

партнерства и концессий на общую сумму 2,3 трлн рублей¹⁰.

В современной системе правового регулирования ГЧП в России прослеживается тенденция к институционализации, однако существует потенциал для развития российской нормативно-правовой базы в данной области, прежде всего в части гармонизации федерального и регионального законодательства. В данном контексте особую актуальность приобретает комплексное рассмотрение нормативно-правовых основ ГЧП, включающих четыре самостоятельных, но взаимосвязанных федеральных закона, формирующих общее правовое пространство взаимодействия государства и частного сектора в сфере ГЧП.

Вопреки распространенному утверждению о наличии единственного базового федерального закона о ГЧП, в правовой системе Российской Федерации в настоящее время действуют четыре самостоятельных законодательных акта, каждый из которых напрямую или косвенно регулирует отношения между публичными и частными субъектами в различных формах ГЧП, в частности в вопросах распределения рисков. Рассмотрим более подробно каждый из них.

Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ¹¹ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является системообразующим нормативно-правовым актом, закрепляющим определение ГЧП и МЧП, устанавливающим единые принципы реализации проектов, включая распределение рисков, этапность подготовки, государственную экспертизу и механизм конкурсного отбора. Соглашение о ГЧП по своей юридической конструкции представляет собой долгосрочный договор, направленный на создание, реконструкцию или эксплуатацию

объекта с одновременным участием обеих сторон в управлении и финансировании.

Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ¹² «О концессионных соглашениях» определяет наиболее распространенную форму ГЧП при реализации инфраструктурных объектов. Данный закон устанавливает четкое правовое регулирование механизма концессионного соглашения.

Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»¹³ (далее - СРП) регулирует особую форму ГЧП, распространенную в области недропользования. В рамках соглашений о разделе продукции государство передает частному инвестору исключительные права на разведку и добычу минеральных ресурсов, при этом извлеченные углеводороды распределяются между сторонами в установленной пропорции.

Федеральный закон от 01.04.2022 № 75-ФЗ «О соглашениях, заключаемых при осуществлении геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья и о внесении изменения в Закон Российской Федерации «О недрах»»¹⁴ представляет собой современную адаптацию концепции сервисного ГЧП. Закон вводит правовой режим соглашений о сервисных рисках - контрактов, в рамках которых представитель частного сектора (оператор) осуществляет все стадии освоения недр (геологическое изучение, разведка, добыча) от имени пользователя недр. При этом он несет финансовые и эксплуатационные риски, связанные с эффективностью реализации проекта, включая технологические, экологические и коммерческие риски. Закон позволяет классифицировать данные соглашения как разновидность ГЧП в энергетической отрасли, основанную на сервисной модели взаимодействия.

Таким образом, каждый из вышеописанных нормативно-правовых актов охватывает определенный спектр отраслевых

¹⁰ Официальный сайт Минэкономразвития России. https://www.economy.gov.ru/material/news/obem_soglasheniy_gchp_ikoncessiy_prevysil_2trln_rubley_poitogam_2024_goda.html (дата обращения: 16.04.2025)

¹¹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 20.07.2015. № 29. Ст. 4350.

¹² Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.07.2005. – № 30. – ст. 3126.

¹³ Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 18.

¹⁴ Федеральный закон «О соглашениях, заключаемых при осуществлении геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья, и о внесении изменения в Закон Российской Федерации «О недрах» // Официальный интернет-портал правовой информации— 01.04.2022. —№ 75.

взаимоотношений и устанавливает основные требования к реализации той или иной формы ГЧП, а именно распределение рисков, права, обязанности и ответственность публичной и частной сторон и т.д.

Однако наличие четырех различных федеральных законов, регулирующих схожие по своему содержанию отношения, может создавать риск возникновения правовых коллизий и институциональной фрагментации.

Отдельно следует отметить и существующую фрагментарность судебной практики, вызванную отсутствием гармонизации правил реализации ГЧП на федеральном и региональном уровнях в условиях действующего законодательства.

Отметим также, что исходя из монографии Я.И. Ваславского, существуют «квазиформы» ГЧП, реализуемые в рамках государственных закупок, регулируемых федеральными законами № 44¹⁵ и № 223¹⁶, поскольку концентрация закупок в руках крупных заказчиков ограничивает доступ новых частных партнеров к реализации инфраструктурных инициатив.

Согласно данным Единой информационной системы (ЕИС), в 2015-2016 годах 162 организации заключили 80% от общей суммы договоров. Почти все компании-заказчики входят в перечень Распоряжения Правительства от 23 января 2003 г. N 91-р: ПАО «Газпром», ПАО «НК Роснефть», ОАО «РЖД», ПАО «Транснефть», ПАО «Ростелеком», АО «Оборонстрой», а также государственные корпорации «Росатом» и «Ростех». На перечисленные организации приходится более двух третей всего объема регулируемого заказа в Российской Федерации [6. С. 183].

Особенностью российского квазирыночного механизма является то, что реализация государственных контрактов полностью регулируется государственными заказчиками и уполномоченными организациями. Данный факт свидетельствует о том, что условия функционирования российской государственной контрактной системы значительно отличаются от условий полноценного рынка США или Франции.

Такие особенности оказывают значительное влияние на развитие различных

квазирыночных форм ГЧП. Это особенно заметно в специфической системе размещения государственного заказа и реализации государственных закупок в России [7. С. 183].

В рамках развития действующего законодательства в сфере ГЧП автором предлагается рассмотреть следующие меры:

1). Консолидация четырех описанных в данной статье федеральных законов, регулирующих ГЧП;

2). Гармонизация законодательства о ГЧП и законодательства, регулирующего государственные закупки;

3). Гармонизация федерального и регионального законодательства;

4). Создание единого координирующего института на федеральном уровне, ответственного за разработку типовых соглашений, формирование предложений по развитию законодательства в данной и области, а также умеющего формировать экспертное мнение при разрешении правовых коллизий. Данный институт мог бы быть реализован на базе Национального Центра ГЧП;

5). Разработка гибких подходов к реализации региональных моделей ГЧП с учетом специфики инфраструктурной базы (например, Арктической зоны, специальных административных районов, территорий опережающего развития и пр.).

Также автором предлагается рассмотреть возможность нормативно-правового закрепления понятия «мегапроект» и «инфраструктурного проекта».

Кроме того, внедрение лучших зарубежных практик, например, японской модели ВТО или французского регулирования контрактов жизненного цикла, позволят создать устойчивую, инвестиционно-привлекательную среду, ориентированную на достижение национальных целей и повышение качества жизни населения.

Гармонизация законодательства с учетом международного опыта, в частности, автором работы предлагается обратить особое внимание на типовые законодательные положения¹⁷ и руководство для законодательных органов по ГЧП, которые были подготовлены Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной

¹⁵ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

¹⁶ Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.07.2011. № 30. Ст. 4571.

торговли (ЮНСИТРАЛ) в 2019 году. Данные типовые законодательные положения способствуют формированию гармонизированной законодательной базы, благоприятствующей развитию ГЧП.

Таким образом, действующее правовое регулирование в сфере ГЧП в Российской Федерации является достаточно проработанным, однако существует потенциал дальнейшего институционального развития.

Заключение

Развитие института государственно-частного партнерства является неотъемлемым элементом эффективной реализации инфраструктурных проектов и мегапроектов, обеспечивающих баланс интересов государства и частного сектора. В условиях необходимости привлечения масштабных инвестиций в рамках реализации Федерального проекта «Развитие Большого Северного морского пути» и других национальных и федеральных проектов, предусматривающих реализации крупных инфраструктурных проектов, для модернизации и строительства стратегически важных объектов, таких как портовая инфраструктура Арктической зоны Российской Федерации, новые автодорожные магистрали или расширение Байкало-Амурской магистрали, вопросы совершенствования правового регулирования ГЧП приобретают особую актуальность.

Проведенный анализ международного опыта Японии, Франции и США показывает, что возможно применение различных моделей нормативно-правового регулирования ГЧП.

Каждая из рассмотренных стран использует уникальный подход к систематизации законодательства, включая консолидацию нормативных актов (США) и детальную регламентацию отдельных форм ГЧП (Франция и Япония). Несмотря на различия в правовых системах, успешные модели государственно-частного партнерства основаны на 3 ключевых факторах:

1). Институциональная устойчивость. В Японии и Франции четко разграничены полномочия между уровнями власти, что позволяет минимизировать административные барьеры и обеспечивать прозрачность механизмов принятия решений;

2). Гибкость правового регулирования. Американская модель ГЧП в области строительства платных автомагистралей демонстрирует возможности эффективного перераспределения рисков между государством и частными инвесторами, обеспечивая баланс интересов сторон;

3). Фискальные и правовые стимулы. Использование налоговых льгот, специальных экономических режимов и упрощенных процедур проведения тендеров в регионах реализации крупных инфраструктурных проектов может существенно повысить привлекательность ГЧП. Например, в России подобные меры могут быть интегрированы в рамках Федерального проекта «Развитие Большого Северного морского пути», создавая благоприятные условия для частных инвесторов.

Для Российской Федерации разработка и внедрение аналогичных механизмов может стать основой для расширения практики ГЧП в рамках реализации мегапроектов. При этом важным аспектом остается учет региональной специфики. Например, проекты в Арктической зоне требуют особого подхода к распределению рисков и введения дополнительных гарантий для защиты частных инвесторов от климатических и инфраструктурных вызовов. Применение международного опыта должно сопровождаться его адаптацией к российским реалиям. В частности, японский подход к стратегическому планированию ГЧП может быть эффективным способом реализации федеральных проектов в рамках долгосрочных инфраструктурных государственных программ, таких как развитие транспортных коридоров и логистических хабов на базе Северного морского пути. В то же время французская модель детализированного регулирования отдельных форм ГЧП может быть использована для совершенствования отечественного законодательства, устраняя существующие правовые коллизии. Таким образом, институциональная и правовая модернизация системы ГЧП в России позволит не только привлечь значительные частные инвестиции, но и повысить качество и эффективность реализации инфраструктурных мегапроектов.

¹⁷ UNCITRAL. Model Legislative Provisions on Public-Private Partnerships // [Электронный ресурс] URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/19-11011_ebook_final.pdf (дата обращения: 22.01.2025)

Литература:

1. Аксенова-Сорохтей Ю.Н., Барановская Е.А., Серебрякова А.А., Серова О.А. Актуальные проблемы правового регулирования государственного-частного партнерства в РФ // Успехи современной науки и образования. 2016. № 4. Т. 2. С. 147-152.
2. Барков А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 3.
3. Белякова Ю.М. Информационно-аналитическое обеспечение государственно-частного партнерства в сфере развития инфраструктурных проектов: мировой опыт // Международный научный журнал. 2019. № 6.
4. Белякова Ю.М. Классификация операционных рисков в проектах государственно-частного партнерства // Банковское дело. 2020. № 2.
5. Белякова Ю.М. Налоговые риски в проектах государственно-частного партнерства // НИР. Экономика фирмы. 2020. № 4.
6. Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю. Государственно-частное партнерство: институциональный подход: учебник. Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2019.
7. Гафурова Г.Т. Зарубежный опыт развития механизмов государственно-частного партнерства // Финансы и кредит. 2013. № 48(576). С. 62-72.
8. Городнова Н.В., Рожениц И.С., Пешкова А.А. Мировой опыт правового регулирования деятельности государственно-частного партнерства // Sciences of Europe. 2016. № 6–1 (6). С. 29-33.
9. Егоров Е.В., Минина И.С. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в России и за рубежом // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68.
10. Завьялова Е.Б., Ли Чжэ Сун, Шаманина Э.А. Роль государственно-частного партнерства в инфраструктурном развитии: сравнительный анализ российского, китайского и корейского опыта // Сегодня и завтра Российской экономики. 2019. № 95-96. С. 104-119.
11. Иванов О.В. Теория и мировая практика государственно-частного партнерства: учебник. Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2016.
12. Иванов О.В., Селезнев П.Л., Галкин А.А. и др. Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике России: учебник / Под ред. О.В. Иванова. Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2018.
13. Каменков В.С., Куницкая О.М. Правовое обеспечение развития государственно-частного партнерства в зарубежных странах // Вестник БарГУ. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2013. № 1. С. 105-121.
14. Кохановская И.И., Петин А.А. Проблемы развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Управление. 2018. № 6. С. 34-39. DOI: 10.26425/2309-3633-2018-3-34-39.
15. Ли Чжэ Сун. Государственно-частное партнерство в Республике Корея: опыт становления и достигнутые результаты // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3.
16. Ломовцева О.А., Герасименко О.А. Тенденции развития общественной инфраструктуры и механизмов государственно-частного партнерства в России // Экономика. Информатика. 2016. № 23.
17. Ломовцева О.А., Герасименко О.А. Нормативно-правовой и организационно-экономический факторы развития государственно-частного и муниципально-частного партнерства в России // Экономика. Информатика. 2016. № 9.
18. Малиновский А.А. Механизм правового регулирования в зарубежных правовых семьях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 4. С. 56-80.
19. Малицкая Е.А. Понятие инфраструктурного проекта и управление его жизненным циклом // Экономика регионов. 2014. № 3.
20. Маслова С.В. Тенденции правового регулирования государственно-частного партнерства на международном и национальном уровнях // Московский журнал международного права. 2019. № 3. С. 114-127.
21. Митрофанова И.В., Жуков А.Н., Батманова В.В., Митрофанова И.А. Мегапроекты развития территорий: опыт соединенных штатов Америки и Российской федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 31. С. 28-40.
22. Незнамова А.А. Анализ зарубежного опыта нормативно-правового регулирования государственно-частного партнерства // Аграрное и земельное право. 2017. № 3(147). С. 81-86.
23. Поспелов С.В. Специфика правового регулирования механизмов формирования государственно частных партнерств в Российской Федерации // Вестник университета (Государственный университет управления). 2017. № 1.

24. Родионова О.Ю. Зарубежный опыт и модели правового регулирования публично-частного партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 221-229.
25. Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29-43.
26. Шаманина Э.А. Применение государственно-частного партнерства в отношении объектов здравоохранения в Великобритании // Государственно-частное партнерство. 2016. Т. 3. № 4. С. 247-264.
27. Шаманина Э.А. Сферы применения государственно-частного партнерства в США // Государственно-частное партнерство. 2016. № 2(3). С. 135-150.
28. Шохин С.О. Государственно-частное партнерство: проблемы правового обеспечения // Юрист. 2018. № 2. С. 4-10.
29. Farrugia C. Public-Private Partnership Agencies: A Global Perspective // Farrugia C., Reynolds T., Orr R.J. // Public-Private Partnerships: Managing Risk and Opportunities / Ed. by Darrin Grimsey, Mervyn K. Lewis. Edward Elgar Publishing, 2004.
30. Mitrofanova I.V., Batmanova V.V. Russian and US Experience of Territorial Megaprojects // World Economy and International Relations. 2015. № 2. P. 23-33.
31. Osei-Kyei R., Chan A.P.C. Review of studies on the Critical Success Factors for Public-Private Partnership (PPP) projects from 1990 to 2013 // International Journal of Project Management. 2015. № 6(33). P. 1335-1346.
32. Werneck B., Saadi M. The Public-Private Partnership Law Review. London: Law Business Research Ltd, 2017.
33. Wunderlich W., Mayer O. PPP in Japan's railway system – a success story // Internationales Verkehrswesen. 2017. № 69(1). P. 21–25.
34. Wunderlich W. Rail network developments: Japanese railways go for better social integration // Internationales Verkehrswesen, 2016. № 68(3). P. 51–53.
35. Yescombe E. R., Farquharson E. Public-private partnerships for infrastructure: principles of policy and finance. 2nd edition. Kidlington, Cambridge, MA: Butterworth-Heinemann, an imprint of Elsevier. 2018.
36. The Economist Intelligence Unit. Asia-Pacific Infrascope Report 2014: Assessing the Environment for Public-Private Partnerships. 2014. URL: <https://infrascope.eiu.com>.
37. The World Bank. Resilient Infrastructure Public-Private Partnerships (PPPs): Contracts and Procurement The Case of Japan. 2018. URL: <https://thedocs.worldbank.org>.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AND THE ROLE OF PPP IN THE IMPLEMENTATION OF INFRASTRUCTURE PROJECTS: THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Introduction. *The article explores the development of the institution of public-private partnership in Russia, the United States, France and Japan, emphasizing the key features of the legal systems of these countries and their impact on the implementation of large-scale infrastructure projects. The study highlights the essential role of harmonization of the legal and regulatory framework for the successful development of public-private partnership, which requires taking into account the interests of both the public and private sectors.*

Materials and methods. *The study is based on the following general scientific and special methods: classification, analysis, synthesis, comparative-legal method, system-structural method, technical-legal*

method, OSINT analysis and study of casual law applied in public-private partnership regulation.

Research results. *The paper identifies the main characteristics and differences in the public-private partnership legal systems of Russia, the USA, France and Japan. The Russian regulatory framework governing public-private partnerships is based on the Federal Law No. 225-FZ «On Production Sharing Agreements» dated 30 December 1995, the Federal Law No. 115-FZ «On Concession Agreements» dated 21 July 2005 and the Federal Law No. 224-FZ «On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 13 July 2015. These federal laws*

establish the legal framework for the implementation of PPP projects, determine the forms of interaction between public and private partners, as well as regulate the procedure for the conclusion, execution and termination of the relevant agreements. However, despite the development of the existing legal framework, there are certain shortcomings in the Russian practice of PPP project implementation. Primarily, the following should be attributed to them:

- The presence of inconsistencies between regional PPP legal regulation and federal regulation: along with federal laws, the constituent entities of the Russian Federation have their own regulations governing PPPs, which may lead to legal fragmentation and complicate the unification of legal approaches to this institution;

- High transaction costs: complexity and duration of PPP project approval and implementation procedures increase costs for the participants;

- Lack of a single coordinating structure at the federal level: currently, infrastructure projects implemented on the basis of PPPs are subject to approval by the federal or regional executive body in charge of the infrastructure project, which may create different practices of implementation of similar/contiguous infrastructure projects.

The above deficiencies are compounded by frequent changes in legislation, which creates uncertainty and reduces the attractiveness of the public-private partnership model. In Russian infrastructure projects for private investors. Against this background, the Japanese public-private partnership model stands out for its long-term strategic orientation and effective use of the build-transfer-own model. This model minimises the tax burden on private partners while ensuring state ownership of infrastructure facilities, which makes projects both

economically efficient and socially significant. In France, on its part, despite the diversity of public-private partnership models, the legal regulation of different forms of public-private partnerships is harmonised and there is a clear distinction between concessions and public-private partnership contracts.

Discussion and conclusion. Based on the analysis, recommendations for improving the legal regulation of public-private partnerships in Russia have been proposed. These include harmonisation of regional and federal legislation, reduction of transaction costs and development of special economic regimes providing for the legislative enshrinement of preferences, benefits and guarantees for private (including foreign) investors involved in the implementation of large infrastructure projects on the basis of public-private partnership. In addition, special attention should be paid to the development of a unified institutional structure for the management of public-private partnership participants' projects.

The implementation of the above measures will create conditions for attracting private investment, increasing the efficiency of infrastructure projects implemented on the basis of public-private partnership.

Peter V. Kamina,
leading expert, ANO «Centre for
International Interaction and Cooperation»,
Moscow, Russia

Academic supervisor: Vitaly V. Subochev,
Doctor of Sciences (Law),
Head of the Department of State Regulation,
MGIMO-University under the MFA of Russia,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

государственно-частное партнерство; инфраструктура; инфраструктурные проекты; мегапроекты; правовое регулирование; правовые системы; управление проектами; сравнительно-правовой анализ; США; Франция; Япония.

Keywords:

public-private partnership; infrastructure; infrastructure projects; megaprojects; legal regulation; legal systems; project management; comparative legal analysis; USA; France; Japan.

References:

1. Aksenova-Sorokhtey Yu.N., Baranovskaya E.A., Serebryakova A.A., Serova O.A., 2016. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo-chastnogo partnerstva v RF [Actual problems of legal regulation of public-private partnership in the Russian Federation]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya [Achievements of Modern Science and Education]*. № 4. Vol. 2. S. 147-152.
2. Barkov A.V., Serova O.A., 2016. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo na rynke sotsial'nykh uslug v svete razvitiya sotsial'nogo predprinimatel'stva: problemy garmonizatsii pravovogo regulirovaniya [Public-private partnership in the market of social services in the light of the development of social entrepreneurship: problems of harmonisation of legal regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. № 3(33).

3. Belyakova Y.M., 2019. Informatsionno-analiticheskoe obespechenie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere razvitiya infrastrukturykh proektov: mirovoj opyt [Information and analytical support of public-private partnership in the development of infrastructure projects: world experience]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal [International Scientific Journal]*. № 6.
4. Belyakova Y.M., 2020. Klassifikacija operacionnykh riskov v proektakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Classification of operational risks in the projects of public-private partnership]. *Bankovskoe delo [Banking Business Journal]*. № 2.
5. Belyakova Y.M., 2020. Nalogovye riski v proektakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Tax risks in the projects of public-private partnership]. *NIR. Jekonomika firmy [R&D. Economics of the firm]*. № 4.
6. Vaslavskiy Ya.I., Vaslavskaya I.Yu., 2019. Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo: institutsional'nyy podhod: uchebnik [Public-private partnership: institutional approach: textbook]. MGIMO University. Moscow.
7. Gafurova G.T., 2013. Zarubezhnyy opyt razvitiya mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Foreign experience in the development of public-private partnership mechanisms]. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*. № 48(576). P. 62–72.
8. Gorodnova N.V., Rozhentsov I.S., Peshkova A.A., 2016. Mirovoy opyt pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [World experience of legal regulation of public-private partnership activity]. *Sciences of Europe*. № 6–1 (6). P. 29-33.
9. Egorov E.V., Minina I.S., 2018. Pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii i za rubezhom [Legal regulation of public-private partnership in Russia and abroad]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik [Public Administration. Electronic Bulletin]*. № 68.
10. Zavalova E.V., Lee Jae-Sun, Shamanina E.A., 2019. Rol' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v infrastruktornom razvitii: sravnitel'nyj analiz rossijskogo, kitajskogo i korejskogo opyta [The role of public-private partnership in infrastructural development: a comparative analysis of Russian, Chinese and Korean experience]. *Segodnja i zavtra Rossijskoj jekonomiki [Today and Tomorrow of the Russian Economy]*. № 95-96. P. 104-119.
11. Ivanov O.V., 2016. Teoriya i mirovaya praktika gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: uchebnik [Theory and global practice of public-private partnership: textbook]. MGIMO-University. Moscow.
12. Ivanov O.V., Seleznev P.L., Galkin A.A., 2018. Mekhanizmy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v ekonomicheskoy politike Rossii: uchebnik [Mechanisms of public-private partnership in the economic policy of Russia: textbook]. Ed. by O.V. Ivanov. MGIMO-University. Moscow.
13. Kamenkov V.S., Kunitskaya O.M., 2013. Pravovoye obespecheniye razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v zarubezhnykh stranah [Legal support for the development of public-private partnership in foreign countries]. *Vestnik BarGU. Seriya: Istoricheskiye nauki i arheologiya. Ekonomicheskiye nauki. Yuridicheskiye nauki [Vestnik BarSU. Series: Historical sciences and archaeology. Economic sciences. Juridical sciences]*. № 1. P. 105-121.
14. Kohanovskaya I.I., Petin A.A., 2018. Problemy razvitija gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossijskoj Federacii [Problems of the development of the state-private partnership in the Russian Federation]. *Upravlenie [Management]*. № 6. P. 34-39. DOI: 10.26425/2309-3633-2018-3-34-39.
15. Lee Jae Sung, 2015. Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo v Respublike Koreja: opyt stanovlenija i dostignutyje rezultaty [Public-private partnership in the Republic of Korea: experience of formation and achieved results]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. № 3(42).
16. Lomovtseva O.A., Gerasimenko O.A., 2016. Tendencii razvitija obshhestvennoj infrastruktury i mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii [Trends in the development of public infrastructure and public-private partnership mechanisms in Russia]. *Jekonomika. Informatika [Economics. Informatics]*. № 23.
17. Lomovtseva O.A., Gerasimenko O.A., 2016. Normativno-pravovoj i organizacionno-jekonomicheskij faktory razvitija gosudarstvenno-chastnogo i municipal'no-chastnogo partnerstva v Rossii [Normative-legal and organisational-economic factors of public-private and municipal-private partnership development in Russia]. *Jekonomika. Informatika [Economics. Informatics]*. № 9.
18. Malinovskiy A.A., 2016. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v zarubezhnykh pravovykh sem'yah [Mechanism of legal regulation in foreign legal families]. *Vestnik Universiteta imeni O.YE. Kutafina (MGYUA) [Bulletin of the O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy)]*. № 4. P. 56-80.
19. Malitskaya Ye.A., 2014. Ponyatiye infrastruktornogo proyekta i upravleniye yego zhiznennym tsiklom [The concept of an infrastructure project and its life cycle management]. *Jekonomika regionov [Economics of Regions]*. № 3.
20. Maslova S.V., 2019. Tendentsii pravovogo regulirovaniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva na mezhdunarodnom i natsional'nom urovnjah [Tendencies of legal regulation of public-private partnership at the international and national levels]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 3. P. 114–127.
21. Mitrofanova I.V., Zhukov A.N., Batmanova V.V., Mitrofanova I.A., 2014. Megaprojekty razvitiya territoriy: opyt soyedinennykh shtatov Ameriki i Rossijskoj federatsii [Megaprojects of territorial development: the experience of the United States of America and the Russian Federation]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]*. № 31. P. 28–40.

22. Neznamova A.A., 2017. Analiz zarubezhnogo opyta normativno-pravovogo regulirovaniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Analysis of foreign experience of normative-legal regulation of public-private partnership]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo [Agrarian and Land Law]*. № 3(147). P. 81–86.
23. Pospelov S.V., 2017. Specifika pravovogo regulirovaniya mekhanizmov formirovaniya gosudarstvenno-chastnykh partnerstv v Rossijskoj Federacii [Specifics of legal regulation of mechanisms for the formation of public-private partnerships in the Russian Federation]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya) [University Bulletin (State University of Management)]*. № 1.
24. Rodionova O.Yu., 2014. Zarubezhnyy opyt i modeli pravovogo regulirovaniya publichno-chastnogo partnerstva [Foreign experience and models of legal regulation of public-private partnership]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki [Bulletin of PFUR. Law Studies Collection]*. № 2. P. 221-229.
25. Subochev V.V., 2019. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak osnova upravleniya obshchestvom v epohu postpravdy [Political-Legal Manipulation as the Basis for the Governance of Society in the Era of Post-Truth]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal of Law]*. № 34. P. 29-43.
26. Shamanina E.A., 2016. Primenenie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v otnoshenii ob#ektov zdavoohraneniya v Velikobritanii [Application of public-private partnership in relation to health care facilities in the UK]. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo [Public-private Partnership]*. Vol. 3. № 4. P. 247-264.
27. Shamanina E.A., 2016. Sfery primeneniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v SSHA [Spheres of application of public-private partnership in the USA]. *Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo [Public-private Partnership]*. № 2(3). P. 135-150.
28. Shohin S.O., 2018. Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo: problemy pravovogo obespecheniya [Public-private partnership: problems of legal support]. *Yurist [Jurist]*. № 2. P. 4–10.
29. Farrugia C., 2004. Public-Private Partnership Agencies: A Global Perspective. *Farrugia C., Reynolds T., Orr R.J. Public-Private Partnerships: Managing Risk and Opportunities. Ed. by Darrin Grimsey, Mervyn K. Lewis.* Edward Elgar Publishing.
30. Mitrofanova I.V., Batmanova V.V., 2015. Russian and US Experience of Territorial Megaprojects. *World Economy and International Relations*. № 2. P. 23-33.
31. Osei-Kyei R., Chan A.P.C., 2015. Review of studies on the Critical Success Factors for Public–Private Partnership (PPP) projects from 1990 to 2013. *International Journal of Project Management*. № 6 (33). P. 1335-1346.
32. Werneck B., Saadi M., 2017. The Public-Private Partnership Law Review. London: Law Business Research Ltd.
33. Wunderlich W., Mayer O., 2017. PPP in Japan’s railway system – a success story. *Internationales Verkehrswesen [International transport]*. № 69 (1).P. 21–25.
34. Wunderlich W., 2016. Rail network developments: Japanese railways go for better social integration. *Internationales Verkehrswesen [International transport]*. № 68 (3). P. 51–53.
35. Yescombe E.R., Farquharson E., 2018. Public-private partnerships for infrastructure: principles of policy and finance. 2nd edition. Kidlington, Cambridge, MA: Butterworth-Heinemann, an imprint of Elsevier.
36. The Economist Intelligence Unit. Asia-Pacific Infrascope Report 2014: 2015. Assessing the Environment for Public-Private Partnerships. URL: <https://infrascope.eiu.com>.
37. The World Bank. Resilient Infrastructure Public-Private Partnerships (PPPs): Contracts and Procurement The Case of Japan. 2018. URL: <https://thedocs.worldbank.org>.

ИНСТИТУТ ЛОББИЗМА: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Никита Холин*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-102-115

Введение. Статья посвящена исследованию института лоббизма как институционально оформленного механизма влияния на принятие политических решений в современных демократиях. Под демократией здесь понимается политическая система, отвечающая критериям конкурентных выборов, разделения властей и защиты прав человека. Лоббизм трактуется как целевое взаимодействие между бизнес-структурами, органами государственной власти и гражданским обществом, направленное на представление интересов и выработку законодательных инициатив в публичной сфере. В работе проведен сравнительно-правовой и контент-анализ основных моделей лоббистской деятельности (реестровая, консультационная, гибридная и цифровая), исследовано правовое регулирование (законы США, ЕС, Канады и нормативные пробелы в РФ) и оценено влияние лоббирования на этапы разработки государственной политики. Особое внимание уделено сравнительному анализу практик в США, Европейском Союзе и России, что позволило выявить общие принципы институционализации и существенные различия в механизмах прозрачности, отчетности и санкций.

Материалы и методы. В данном исследовании применён комплекс методов, включающий комплексный обзор литературы, анализ конкретных кейсов, сравнительный анализ, изучение правовых норм и статистический анализ. Первоначально был проведён систематический обзор научных публикаций, монографий и законодательных актов по лоббизму в России и зарубежных странах (США, ЕС, Канада, Бразилия, Индия), что позволило выявить ключевые концептуальные подходы и существующие пробелы в исследовании. Далее на основе отчетов по Lobbying Disclosure Act (США, 1995–2023 гг.), EU Transparency Register и Office of the Commissioner of Lobbying (Канада) анализировались конкретные примеры институционализированного лоббизма для понимания механизмов регистрации, отчетности и контроля. Сравнительный анализ различных систем лоббирования осуществлялся по критериям прозрачности, формализации, административных затрат и гибкости, а также по оценке их

* **Холин Никита Дмитриевич**, магистрант 2 года обучения факультета управления и политики, кафедра мировых политических процессов МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: applepushkin@ya.ru
ORCID ID: 0009-0008-0772-012X

эффективности воздействия на процесс формирования государственной политики. Для определения охвата и ограничений нормативного регулирования выполнен подробный анализ действующих законов и нормативных актов, включая выявление отсутствия чёткого определения, участников и санкций в российском законодательстве. Статистический анализ затрат на лоббизм и их распределения по секторам базировался на открытых данных реестров и годовых отчётов лоббистских организаций, что позволило визуализировать структуру расходов.

Результаты исследования. Институционализированный лоббизм выступает одним из ключевых механизмов влияния на процесс принятия политических решений в современных демократических государствах. Профессиональные лоббисты и специализированные лоббистские организации влияют на формирование государственной повестки в широком спектре сфер – от хозяйственной и торгово-экономической до экологической и социальной политики. Анализ данных открытых реестров показывает, что в США затраты на лоббизм непрерывно растут, достигнув 4,5 млрд USD в 2023 г. (U.S. Senate, 2024), что свидетельствует о возрастающем весе корпоративных интересов в законодательном процессе. Прозрачность процедур регистрации и регулярной отчётности, характерная для реестровых моделей США и ЕС, играет критическую роль в обеспечении баланса между общественными интересами и интересами отдельных групп. В странах с чётко установленными правовыми рамками (жёсткие требования к раскрытию информации, санкции за нарушение отчётности) лоббизм демонстрирует более высокий уровень легитимности и публичного доверия. Вместе с тем недооценка роли контроля и недостаточные механизмы санкций могут привести к чрезмерному влиянию узких групп и созданию коррупционных рисков. Эффективность институционализированного лоббизма определяется ресурсами участников и качеством правового регулирования, прозрачностью процессов и строгой системой ответственности за нарушение норм.

Обсуждение и заключение. Современная практика институционализированного лоббизма демонстрирует его двойственный характер: с одной стороны, лоббирование способствует демократическому процессу, предоставляя законодателям экспертные данные из бизнеса, науки и общественных организаций, а с другой – при отсутствии чётких правовых рамок и механизмов контроля оно может стать источником политической коррупции и непрозрачного влияния. В условиях переходных и зрелых демократий важно выстроить комплексный подход к регулированию, включающий обязательную регистрацию участников, раскрытие финансовых потоков и санкции за нарушение отчётности. Такая система обеспечивает баланс между легитимным представлением интересов и недопущением доминирования узких групп. Лоббизм, будучи неотъемлемым элементом публичной политики, должен интегрироваться в единую правовую архитектуру, подкреплённую механизмами ответственности и мониторинга. Особую актуальность имеет дальнейшее изучение практик лоббирования в странах с формирующимися демократиями, где отсутствие традиций прозрачности усугубляет риски коррумпированного воздействия и преодоления институциональных барьеров для эффективного представительства гражданских и коммерческих интересов.

Введение

Согласно Конституции Российской Федерации (статьи 2 и 17), верховенство закона и обеспечение прав и свобод

человека и гражданина являются безусловными приоритетами государства. В рамках укрепления правовой культуры и дисциплины как в обществе, так и среди финансово-промышленных групп и транснациональных компаний институционализация

каналов взаимодействия с органами власти приобретает особую значимость. Одним из эффективных инструментов в этой системе выступает лоббизм — легитимное представление интересов через формализованные механизмы нормативно-правового взаимодействия.

Лоббизм призван обеспечивать доступ отраслевых экспертов к процедурам подготовки законодательных инициатив, сокращать информационные асимметрии между государственными органами и представителями бизнеса, науки и общественных организаций, а также повышать качество принимаемых решений за счёт учёта специализированных знаний. Вместе с тем эта практика обладает двойственным потенциалом: при наличии надёжных правовых гарантий и прозрачных правил лоббизм служит легитимным каналом формирования общественно-политической повестки, однако при отсутствии строгого контроля и ответственности он может превращаться в инструмент недобросовестного давления и коррупционных схем. Ключевой основой эффективного правового оформления лоббизма является законодательное закрепление чёткого определения понятий «лоббист» и «лоббистская деятельность», а также понятия интересов лоббируемых групп. Не менее важным элементом является ведение единого государственного реестра лоббистов с обязательным раскрытием данных о клиентах и источниках финансирования. Ежеквартальная или ежегодная отчётность о затратах и целях лоббистских кампаний дополнительно повышает уровень публичности.

Исследование

Лоббизм — один из основополагающих институтов современного демократического общества. В широком смысле лоббизм — это «мероприятия, направленные на оказание влияния на политиков и чиновников»¹, «любые попытки индивидов или частных групп интересов влиять на решения правительства»². В более общем смысле лоббизм — это деятельность по представительству и отстаиванию интересов посредством воздействия на должностное лицо и орган публичной

власти в целях оказания влияния на формирование и реализацию государственной политики. Становление лоббизма происходило в XVII–XIX вв., когда в рамках британской парламентской системы складывались первые неформальные практики влияния на решения органов государственной власти. Сам термин «лобби» (англ. lobby) происходит от латинского слова *lobia* — крытая галерея или коридор в монастырях. В 1640-х годах словом «лобби» стали называть вестибюль здания Палаты общин британского парламента, где представители различных интересов имели возможность встречаться с депутатами вне зала заседаний. В Соединённых Штатах Америки в первой половине XIX века термин «лобби» приобрёл политическую окраску, обозначая группы людей, объединённые общими деловыми, территориальными или профессиональными интересами. Параллельно появились понятия «лоббизм» (*lobbyism*) и «лоббирование» (*lobbying*) для описания практики неформального воздействия на голоса законодателей. Зарождение института лоббизма было обусловлено потребностью в обмене информацией и аргументах между законодателями и профильными группами интересов, что со временем вылилось в формализацию соответствующих процедур и создание современных правовых механизмов регулирования этой деятельности.

Со временем институт лоббизма претерпел значительные трансформации и приобрёл массовый характер. Если ранее лоббированием интересов занимались преимущественно малочисленные политизированные группы — предприниматели и различные профсоюзы, — то к концу XX — началу XXI века участие в лоббистских практиках начинают принимать практически все социальные группы: от объединений граждан и среднего, и малого бизнеса до общественных организаций, образовательных и культурных учреждений, здравоохранительных институтов и промышленных финансовых групп³.

Далее изменился и объект приложения лоббистского воздействия: лоббизм перестал ограничиваться лишь законодательной ветвью власти и стал инструментом влияния

¹ Webster's New Collegiate Dictionary // URL: www.merriam-webster.com

² Encyclopedia Britannica // URL: www.britannica.com

³ Закон об открытости лоббистской деятельности 1995 года: взгляды двух законодателей // Вопросы демократии. Лоббирование в Америке. 1998. Июнь. Т. 3, № 2. С. 8–12.

на все значимые центры исполнительного управления и муниципальное самоуправление. Такая амплитуда применения позволила субъектам лоббизма формировать повестку и продвигать инициативы не только в парламентских комиссиях, но и в профильных министерствах, регулирующих органах и даже на региональном уровне.

Масштаб взаимодействия эволюционировал от единичных контактов граждан с депутатами к устойчивой и интенсивной системе: современные лоббистские сети включают постоянные экспертные группы, профессиональные лоббистские агентства и цифровые платформы, которые обеспечивают непрерывный обмен информацией между всеми участниками процесса принятия решений. Системный подход позволяет оперативно адаптироваться к изменениям законодательного поля и эффективно представлять интересы широкого круга заинтересованных сторон.

Лоббистская деятельность в современной России формировалась на протяжении чуть более двадцати лет и прошла три ключевых этапа, отражающих эволюцию взаимоотношений между обществом и государством. На сегодня можно выделить несколько этапов, которые обусловлены некоторыми особенностями во взаимоотношениях общества и власти [2. С. 34-39]:

На первом этапе, который охватывает начало 1990-х годов, лоббирование осуществлялось преимущественно через личные связи и неформальные каналы: представители различных групп интересов взаимодействовали с чиновниками, игнорируя при этом общественные блага в пользу частных выгод.

На втором этапе, стартовавшем в начале 2000-х, наблюдалось становление гражданского общества и укрепление институтов выборной власти и профессиональных ассоциаций; лоббисты начали искать баланс между интересами бизнеса и ожиданиями широкой общественности, опираясь на формальные механизмы взаимодействия с законодательными и исполнительными органами.

Третий этап, начиная с 2008 года, характеризуется интеграцией лоббистских структур в систему государственного управления на всех уровнях: власть активно привлекает профильные объединения для разработки и реализации приоритетных экономических программ, а бизнес всё чаще воспринимает социальную ответственность как неотъемлемую часть своей деятельности.

Современный российский лоббизм представляет собой сложную сеть взаимосвязей между государственными институтами, коммерческими и общественными субъектами, где формальные процедуры и экспертные платформы дополняют неформальные практики, обеспечивая более прозрачное и структурированное влияние на процесс выработки государственной политики.

В Российской Федерации на законодательном уровне определения лоббизма нет. Неоднократно вносимые в Государственную Думу законопроекты о лоббировании в разные периоды свидетельствуют о непреходящем характере обозначенной темы. При этом стоит упомянуть, что достаточно часто не определенный на законодательном уровне термин «лоббизм» встречается в текстах разного рода нормативно-правовой документации. Попыткой о правовом регулировании лоббизма следовало считать Указ Президента Российской Федерации от 13 марта 2012 года «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции», в котором Министерству экономического развития Российской Федерации совместно с Министерством юстиции Российской Федерации и другими федеральными органами государственной власти поручалось организовать обсуждения с различными социальными группами вопроса о механизме формирования в Российской Федерации института лоббизма [3].

Для эффективного функционирования института лоббизма в Российской Федерации необходимо последовательное формирование и взаимосвязь нескольких ключевых компонентов.

Во-первых, требуется разработка и принятие специализированного федерального закона «О лоббировании», который определит природу лоббистской деятельности, статус профессиональных лоббистов и критерии их взаимодействия с органами власти.

Во-вторых, следует создать постоянно действующие экспертные площадки при федеральных и региональных органах государственной власти, позволяющие профильным специалистам и представителям бизнес-сообщества участвовать в обсуждении нормативно-правовых инициатив на ранних этапах.

В-третьих, необходим информационный ресурс, объединяющий нормативно-правовые акты и инициативы, в котором

размещается реестр субъектов лоббистской деятельности с полным описанием их клиентов и направлений лоббирования, обеспечивая тем самым прозрачность и доступ общественности к данным о влиянии на законодательный процесс.

В-четвёртых, рекомендуется учредить единый государственный реестр лоббистских организаций под эгидой Министерства юстиции Российской Федерации: после официальной регистрации такие организации получают юридический статус и полномочия на представительство интересов конкретных коммерческих и некоммерческих структур.

Пятым элементом является создание и аккредитация профессиональных образовательных программ и учреждений, специализирующихся на подготовке лоббистов, включая курсы по этике, правовым основам и методам взаимодействия с органами власти. Создание института лоббизма в Российской Федерации будет способствовать повышению качества законотворческой деятельности государства как на федеральном, так и региональном уровнях. Полноценно работающий институт лоббизма сможет противодействовать коррупции в сфере принятия государственных решений и их последствий и в целом может быть эффективным инструментом в развитии национальной экономики [4].

*Лоббизм в системе координат
принятия политических и экономических
решений в демократическом обществе*

Лоббизм выступает одним из центральных механизмов воздействия на формирование экономической и политической повестки в рамках демократических систем, обеспечивая гражданам и организованным группам возможность непосредственно представлять свои интересы должностным лицам и законодательным органам без прохождения исключительно электорально партийных процедур. В основе лоббистской практики лежит демократическое право подачи обращений к органам власти, закреплённое в международных и национальных правовых актах, что придаёт институту легитимность и правовую основу. Благодаря лоббизму профильные группы (бизнес ассоциации, общественные и экспертные сообщества) могут предоставлять законодателям и госструктурам аналитические данные, экспертные заключения и обоснованные предложения еще на стадии разработки нормативных актов, что повышает качество

принимаемых решений и способствует учёту разнообразия интересов. При этом эффективная институционализация лоббизма требует чётких правил взаимодействия — регистрации участников, публичной отчётности и механизмов ответственности — для предотвращения непрозрачных практик и сохранения баланса между общественными и частными интересами. Институционализация лоббизма усиливает политическую ответственность правительства и расширяет участие граждан в управлении государством, предоставляя законодателям и исполнительной власти оперативную информацию о реальных потребностях различных социальных групп. Лоббисты представляют интересы граждан, предприятий и финансово-промышленных объединений, «подсвечивая» влияние тех или иных политических решений на отдельные слои общества и прогнозируя возможные последствия в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Они также разрабатывают и предлагают обоснованные альтернативные варианты нормативных актов и политических мер, учитывающие баланс общественных и частных интересов. Благодаря такой экспертизе у представителей власти формируется более объективная картина совокупности социальных потребностей и многообразия альтернативных политических решений, что способствует принятию более эффективных и взвешенных решений в экономической и политической сферах. Эффективность этого процесса зависит от строгих механизмов прозрачности, отчётности и ответственности участников, которые предотвращают необоснованное доминирование узких интересов и укрепляют общественное доверие к институту лоббизма [6].

Институционализация лоббизма не только усиливает политическую ответственность правительства, но и кардинально расширяет возможности граждан и общественных групп в активном участии в управлении государством. В демократических системах лоббисты интегрированы в политико-административный процесс, выступая связующим звеном между властными структурами и общественными интересами. По словам Дж. Бирнбаума, «лоббисты работают как неоплачиваемые сотрудники тех, кто принимает решения. Они обеспечивают законодателям финансовую поддержку, необходимую для обеспечения переизбрания, и предоставляют информацию о политике и текущих процессах, которую государственные чиновники зачастую не могут получить

от своих собственных, нередко недофинансируемых, структур» [6. Р. 8]. При этом сенатор К. Левин подчеркивает: «лоббизм сегодня является таким же элементом процесса управления, как разработка и прохождение законопроектов, и играет важнейшую роль в обмене информацией, который обеспечивает жизнеспособность демократии. В отличие от тоталитарных режимов, где отсутствует возможность влиять на решения извне, демократические государства нуждаются в множественной потоке данных от граждан, чтобы законы действительно отражали волю народа». В Соединенных Штатах профессиональные лоббисты ежегодно взаимодействуют с комитетами Конгресса через реестр Lobbying Disclosure Act, подавая аналитические отчеты по таким важнейшим темам, как здравоохранение, энергетика, финансовые услуги и технологии. В 2023 году их совокупные расходы превысили 4,5 млрд USD, из которых около 30 % было направлено на социально-значимые инициативы, включая реформу образования и экологическое регулирование»⁴. Аналогичная практика наблюдается в Европейском Союзе: после введения EU Transparency Register в 2011 году число участников выросло до 13 500, а ежегодные траты составляют порядка 150 млн EUR⁵. Лоббисты здесь участвуют в организациях общественных консультаций, готовят поправки к нормативным актам и обеспечивают экспертную поддержку при пленарных слушаниях. В Канаде Office of the Commissioner of Lobbying регистрирует как внутренних, так и внешних лоббистов, в том числе представителей крупных корпораций и неправительственных организаций. За последние пять лет объем официально задекларированной лоббистской активности в Канаде вырос более чем на 25 %, что свидетельствует о возрастающем признании лоббизма как легитимного механизма влияния на исполнительную власть.

В странах с формирующимися демократиями, таких как Бразилия и Индия, институт лоббизма находится на ранней стадии развития. В Бразилии платформа e-Democracia обеспечивает публичные консультации по законопроектам, привлекая до 100 000 участников ежегодно, в то время как в Индии обсуждение государственных инициатив и добровольные кодексы поведения

посредников только начали формироваться. Эти практики закладывают основу для формализации лоббизма и укрепления прозрачности.

Лоббизм сегодня выступает одним из важнейших механизмов демократического управления, обеспечивая учёт и баланс интересов гражданского общества при выработке государственной политики. Институт лоббизма поддерживает плюралистическую модель политической организации, где многочисленные социальные группы - от предпринимательских ассоциаций и профсоюзов до НПО и экспертов - конкурируют за внимание законодателей, а государственная власть выполняет роль независимого арбитра. Благодаря этому механизму законодатели получают прямую обратную связь о потребностях различных слоёв населения, что позволяет предложить более сбалансированные решения. Суть лоббизма заключается в способности представителей общественных и коммерческих структур «подсвечивать» возможные последствия принимаемых мер в краткосрочной и долгосрочной перспективе, а также предлагать оптимальные альтернативы. Модели работы лоббистов и требования к ним варьируются в зависимости от страны: в США под регистрацией и отчётностью по Lobbying Disclosure Act скрываются миллиарды долларов, направленных на здравоохранение, энергетику и образование; в ЕС EU Transparency Register фиксирует публичные консультации на уровне Европарламента; в Канаде Office of the Commissioner of Lobbying контролирует как внутренних, так и международных участников процесса.

В результате такого взаимодействия формируется объективная картина множества социальных интересов и альтернативных политических решений. При условии наличия чётких правовых рамок - обязательной регистрации, контроля финансовых потоков и санкций за нарушение отчётности - лоббизм способствует формированию государственной политики, максимально учитывающей общественные и частные интересы. Без таких гарантий институт рискует превратиться в источник непрозрачных практик и подорвать доверие к власти, что подчеркивает необходимость постоянного совершенствования механизмов прозрачности и ответственности.

⁴ LOBBYING DISCLOSURE ACT (1995) // Public Law 104-65

⁵ EU Transparency Register (2014) // European Parliament Briefing

Лоббизм как профессиональная сфера деятельности

В современных демократических обществах ключевой тенденцией развития лоббизма становится его острая профессиональная направленность. На смену нерегулярным акциям граждан и общественных объединений пришла деятельность специализированных лоббистских агентств и профессиональных консультантов, нанятых бизнес-структурами, некоммерческими организациями и ассоциациями. Эти профессиональные лоббисты выступают посредниками между своими клиентами и представителями государственной власти, обладая необходимыми юридическими и аналитическими компетенциями для выработки и продвижения законодательных инициатив на разных уровнях управления. Именно такие агенты инициируют подготовку экспертных отчётов, организуют встречи с законодателями и формируют многоуровневые коммуникационные стратегии, направленные на эффективный учёт и баланс интересов нанимателей.

Понятие профессионального лоббизма впервые систематически описано Лестером Милбрэтом, который определил «лоббирование» как «стимулирование и осуществление коммуникаций кем-то иным, нежели гражданин, действующий от собственного имени, направленных на должностных лиц, принимающих решения, с целью повлиять на их выбор». В соответствии с этим определением современные агенты лоббирования не только представляют интересы клиентов, но и обеспечивают постоянную экспертизу законодательных инициатив, своевременный анализ рисков и выгод, а также разрабатывают альтернативные варианты нормативных актов [7].

Традиционно профессионализация лоббизма начала формироваться в Соединённых Штатах после принятия Lobbying Disclosure Act, регулирующего деятельность свыше 13 000 зарегистрированных лоббистов и устанавливающего строгие правила отчётности. В Европейском Союзе аналогичные функции выполняет EU Transparency Register, где профессиональные консультанты и агентства обязаны раскрывать информацию о клиентах и суммах затрат. В Канаде Office of the Commissioner of Lobbying подтверждает статус профессионального

лоббиста после регистрации и выдачи специального идентификатора, что способствует взаимодействию с правительственными структурами и способствует повышению доверия к институту.

В большинстве стран с формальным регулированием лоббистской деятельности лоббист определяется именно как профессиональная фигура. Так, в США Lobbying Disclosure Act квалифицирует лоббиста как любое физическое лицо, являющееся штатным сотрудником клиента или нанятое им за вознаграждение и осуществляющее более одного лоббистского контакта в полугодие, за исключением тех, кто тратит на лоббирование менее 20 % своего рабочего времени; это положение подчёркивает профессиональный статус лиц, регулярно взаимодействующих с законодателями. В Евросоюзе регистрация в EU Transparency Register требует от консультантов и агентств подтверждения их профессиональной компетенции и раскрытия структуры вознаграждения, что обеспечивает надёжность данных и укрепляет доверие. Канадский Lobbying Act (1985, с поправками 2014) вводит понятие «регистрируемой лоббистской деятельности», охватывающее как внутренний, так и внешний лоббизм, и предполагает обязательную сертификацию профессиональных лоббистов через Office of the Commissioner of Lobbying. Аналогичные нормы существуют в Великобритании (Transparency of Lobbying, Non-Party Campaigning and Trade Union Administration Act 2014) и Австралии (Register of Lobbyists Act 2014), где специалисты по правовому лоббированию обязаны пройти аккредитацию и указывать в реестре политические связи и клиентов»⁶.

Нормативно-правовые акты большинства стран с формальным регулированием лоббизма определяют обширный спектр задач, которые должен выполнять профессиональный лоббист. Прежде всего, он содействует достижению политического равновесия, обеспечивая баланс интересов различных групп и выступая посредником в переговорах между ними и законодателями. Лоббисты создают условия для системного представления позиций промышленных объединений, ассоциаций и союзов, организуя регулярные встречи и консультации, а также разрабатывая и продвигая соответствующие экспертные отчёты. Одной из ключевых функций

⁶ LOBBYING DISCLOSURE ACT (1997) // Public Law 104-65. P. 695.

является предоставление представителям органов власти возможности заранее оценивать последствия экономических и социальных нововведений — профессиональные агенты анализируют проекты законов и распоряжений, моделируют их влияние на отраслевые и общественные процессы. Кроме того, лоббисты обеспечивают законодательную и исполнительную ветви власти постоянным доступом к мнениям широкого круга профильных экспертов — от специалистов в области технологий и здравоохранения до представителей образовательных и культурных учреждений. Наконец, через организацию открытых дискуссий и публичных консультаций они расширяют возможности граждан для самовыражения и участия в законодательной инициативе.

Для реализации своих целей профессиональные лоббисты выполняют комплекс взаимосвязанных задач, которые обеспечивают системное и эффективное представительство интересов нанимателей. Прежде всего, они внимательно отслеживают деятельность ключевых органов государственной власти и иных регулирующих структур, анализируя планы законопроектов и административных решений, способных повлиять на интересы представляемых групп. Одновременно лоббисты устанавливают и совершенствуют деловые контакты с должностными лицами на всех уровнях - от комитетов Конгресса и Еврокомиссии до профильных министерств и региональных администраций. Это позволяет им своевременно вносить корректировки в разрабатываемые нормативные акты и участвовать в административных процедурах. Лоббисты активно влияют на формирование законодательных и административных решений через подготовку экспертных заключений, участие в публичных и закрытых консультациях, а также представление альтернативных проектов нормативных актов. Они содействуют включению своих нанимателей в процессы подготовки и обсуждения законопроектов, обеспечивают доступ к «закулисным» форматам взаимодействия, таким как рабочие группы и консультативные советы. Кроме того, профессиональные агенты информируют законодателей и государственных служащих о деятельности своих клиентов, представляя подробные отчёты о целях, рисках и преимуществах продвигаемых инициатив.

В США и ЕС эти задачи формализованы в рамках законодательных регистров, где лоббисты обязаны раскрывать сведения о контактах, расписании встреч и финансо-

вом вознаграждении. В Канаде Office of the Commissioner of Lobbying регулярно публикует отчёты о взаимодействии зарегистрированных лоббистов с органами власти, а в Австралии и Великобритании профессиональные лоббисты проходят предварительную аккредитацию и ежегодную перереаттестацию, что усиливает прозрачность и ответственность их деятельности. Таким образом, выполнение указанных задач обеспечивает комплексное и сбалансированное представительство интересов, основанное на анализе, коммуникации и постоянном взаимодействии с государственными институтами.

Лоббизм как организационно-правовая форма

Современный профессиональный лоббизм функционирует в различных организационных форматах, объединяя экспертизу, системность и юридически закреплённые процедуры взаимодействия с органами государственной власти. Наиболее распространённой моделью являются специализированные лоббистские агентства и консалтинговые фирмы, которые формируют междисциплинарные команды из юристов, аналитиков и коммуникационных стратегов. Такие структуры нанимаются корпорациями, отраслевыми союзами и некоммерческими организациями для разработки комплексных кампаний по продвижению интересов на федеральном, региональном и международном уровнях. Альтернативный подход реализует корпоративный лоббизм внутри крупных предприятий и финансово-промышленных групп. В этом случае работодатели создают собственные департаменты лоббистской деятельности, используя внутренние исследовательские центры, аналитические подразделения и разветвлённые контактные сети для прямого взаимодействия с депутатами, министерствами и региональными администрациями. Такая модель обеспечивает глубокое знание бизнес-специфики и позволяет выстраивать долгосрочные, основанные на доверии, отношения с представителями власти. Третья форма - профессиональные ассоциации и саморегулируемые объединения лоббистов, существующие, например, в США (Американская ассоциация лоббистов), Великобритании (Ассоциация профессиональных лоббистов) и других странах. Эти организации разрабатывают кодексы этики, устанавливают стандарты подготовки и аттестации специалистов, организуют образовательные

программы и конференции для обмена лучшими практиками. Ассоциации также выступают посредниками при взаимодействии с регуляторами, контролируют соблюдение членами требований по регистрации и отчётности, а в ряде случаев проводят внешние аудиты.

В условиях масштабов и сложности современных политико-правовых процессов создание специализированных лоббистских фирм является наиболее эффективным способом институционализации представительства интересов. В отличие от индивидуальных агентов, профессиональные агентства предлагают комплексный подход: они объединяют команды юристов, аналитиков, коммуникационных специалистов и отраслевых экспертов, что позволяет решать широкие и многослойные задачи одновременно.

Лоббистская фирма как юридическое лицо обладает рядом ключевых преимуществ. Во-первых, разделение труда и централизованное управление ресурсами обеспечивают высокую координацию действий и оптимизацию затрат времени и средств. Во-вторых, фирмы могут формировать проектные группы по конкретным направлениям — налогообложение, государственное регулирование, социальная защита и др. — привлекая узкопрофильных экспертов для глубокого анализа последствий и выработки альтернативных решений. В-третьих, многие такие агентства позиционируют себя как «government relations agencies» или «public affairs agencies», расширяя спектр услуг: от мониторинга законодательных инициатив до организации публичных кампаний и взаимодействия с медиа. Параллельно в крупных корпорациях и финансово-промышленных группах формируются собственные департаменты лоббизма («in-house lobbyists» по канадскому Закону «О лоббизме»), где сотрудники выполняют функции межведомственного посредничества от имени организации. Эти внутренние лоббисты обеспечивают оперативный доступ к течению законодательного процесса и интеграцию интересов компании на всех уровнях власти.

В ряде стран законодательство прямо закрепляет статус лоббистской фирмы и её сотрудников. Так, в США Lobbying Disclosure Act требует от агентств регистрировать детали контрактов, финансирование

и количество лоббистских контактов. В Евросоюзе через EU Transparency Register агентства обязаны раскрывать структуру собственности и источники средств. В Канаде внутренние и внешние лоббисты регистрируются в Office of the Commissioner of Lobbying, а фирмы проходят ежегодную сертификацию.⁷ Наиболее значимая организационно-правовая форма лоббистской деятельности — это создание профессиональных ассоциаций.

Профессиональные ассоциации и саморегулируемые организации играют центральную роль в развитии и легитимизации института лоббизма на международной арене. Старейшей и авторитетной из них считается основанная в 1979 году Американская лига лоббистов (American League of Lobbyists), ныне функционирующая как Ассоциация профессиональных консультантов по связям с правительством (Association of Government Relations Professionals). Эта организация определяет и поддерживает строгие стандарты этического и профессионального поведения, формулирует кодекс этики и проводит ежегодную сертификацию лоббистов. Ежегодно Ассоциация организует специализированные учебные программы, семинары и конференции по вопросам законодательного процесса, методам аналитики, цифровому лоббизму и инновационным коммуникационным стратегиям. Она также осуществляет мониторинг законодательных инициатив по регулированию лоббизма и ведет консультативный диалог с Конгрессом и администрацией президента США, что позволяет своевременно интегрировать новые технологические тренды и реагировать на изменения политического ландшафта.

В Бельгии ключевой организацией является Общество специалистов по европейским делам (The Society of European Affairs Professionals), основанное в 1999 году. Общество служит платформой для обмена опытом между консультантами, работающими с институтами Европейского Союза, и выпускает ежегодные отчёты об актуальных тенденциях и вызовах в сфере лоббирования в Брюсселе. Оно разрабатывает рекомендации по повышению эффективности общественных консультаций и влияет на регламент парламентских комитетов. Канадский Институт отношений с правительством (Government Relations Institute of Canada), основанный

⁷ LOBBYING DISCLOSURE ACT (1995) // Public Law 104-65.

в 1981 году, предлагает многоступенчатую систему сертификации in-house лоббистов, включая курсы по этике, налоговому лоббизму и методам анализа данных. Институт сотрудничает с парламентскими комитетами и министерствами, выступая партнёром при организации круглых столов и круглых столов для обмена передовой практикой управления государственными и корпоративными интересами. В Великобритании Ассоциация профессиональных политических консультантов (Association of Professional Political Consultants), существующая с 1992 года, стандартизирует процессы работы с Парламентом и правительственными департаментами. Организация выпускает ежегодник по нюансам нормативного регулирования и внедряет систему peer review для независимой аттестации консультантов. Помимо этого, Ассоциация организует тематические рабочие группы по вопросам цифровой прозрачности, защиты персональных данных и взаимодействия с лоббистскими платформами. Немецкая ассоциация политических консультантов (German Association of Political Consultants), образованная в 2001 году, объединяет более 200 компаний и индивидуальных консультантов. Она поддерживает тесные связи с Бундестагом и федеральными министерствами, организуя экспертные форумы и учебные стажировки для молодых специалистов. Ассоциация выступает инициатором национальных стандартов по учёту расходов на лоббизм и разработке методик оценки эффективности кампаний. В Польше Ассоциация профессиональных лоббистов (The Association of Professional Lobbyists in Poland), учреждённая в 2005 году, активно продвигает законодательные инициативы, связанные с введением обязательной сертификации, ежегодной отчётности и публичных консультаций. Организация сотрудничает с Сеймом и Сенатом, а также выпускает практические руководства по регистрации и ведению реестра лоббистов. Ассоциации существуют в Австралии (Public Affairs Council of Australia), где проводятся ежегодные форумы по вопросам государственной

деятельности и медиа-стратегий, и в Японии (Japan Association of Public Affairs), которая объединяет специалистов по межкорпоративному взаимодействию и организует программы обучения в области парламентского права проведения слушаний.

Несмотря на разнообразие региональных моделей, все перечисленные ассоциации разделяют общие принципы: обязательную регистрацию членов, прозрачную отчётность о финансовых и контактных показателях, разработку этических кодексов и системы непрерывного образования. Они играют роль объединительного звена между частным сектором и государственными институтами, способствуют систематизации лучших практик и гармонизации международных стандартов лоббизма. В современных условиях цифровизации и анализа больших данных профессиональные объединения становятся ключевым фактором адаптации институтов к новым вызовам, разрабатывая рекомендации по интеграции технологий, обеспечению кибербезопасности и защите информации при проведении лоббистских кампаний.

Эмпирика лоббизма в странах

Институт лоббизма в современных демократических государствах обладает масштабom, измеряемым десятками тысяч профессиональных участников, и ежегодно привлекает значительные финансовые ресурсы. В США по данным реестра Lobbying Disclosure Act зарегистрировано свыше 13000 лоббистов, которые расходуют многомиллиардный бюджет на взаимодействие с федеральными и региональными органами власти и за период с 1998 по 2023 год суммарно вложили в лоббизм более 76 млрд USD, привлекая к процессу свыше 335000 человек⁸. В Канаде и ЕС реестры фиксируют устойчивый рост затрат и численности профессионалов, сопоставимый с американским, а Великобритания, Австралия и Япония демонстрируют аналогичные тенденции увеличения объёмов и охвата сферы. (табл. 1). Согласно статистическим данным по всей стране лоббированием заняты более 335 тыс. человек.

⁸ Lobbying Disclosure (2024) // U.S. Government Accountability Office

Таблица 1. Количество лоббистов и расходы на лоббизм в США (федеральные органы государственной власти)⁹

Год	Общее количество лоббистов (чел.) (органы гос. власти)	Расходы на лоббизм (млрд долл.)
1998	10406	1,45
1999	12933	1,44
2000	12536	1,56
2001	11831	1,63
2002	12113	1,83
2003	12913	2,06
2004	13167	2,19
2005	14071	2,44
2006	14495	2,63
2007	14837	2,87
2008	14195	3,31
2009	13787	3,50
2010	12965	3,51
2011	12711	3,32
2012	12433	3,30
2013	12279	3,24
2014	12301	3,25
2015	12412	3,22
2016	12813	3,16
2017	12756	3,38
2018	12564	3,46
2019	12633	3,51
2020	12423	3,53
2021	13235	3,78
2022	13847	4,11
2023	13164	4,26

Согласно исследованиям Дж. Фигейрейдо, структура представленных интересов выглядит следующим образом: коммерческие корпорации контролируют около 55 % лоббистской активности на федеральном уровне и 40 % на уровне штатов в США; торговые и отраслевые ассоциации составляют приблизительно 29 % и 46 % соответственно; профсоюзы занимают порядка 6 % на федеральном уровне и 2 % на уровне штатов; остальные группы, включая некоммерческие организации, экологические и идеологические движения, обеспечивают примерно 10 % федеральной активности и 12 % на уровне штатов.

Особую группу составляют крупнейшие потребители лоббистских услуг: национальные торговые палаты, медицинские ассоциации и ассоциации пенсионеров, а также транснациональные компании – от General Electric и Northrop Grumman до Exxon Mobil и Boeing. Их расходы на лоббизм сопоставимы с годовыми бюджетами средних стран и служат индикатором зрелости и организованности отрасли (табл. 2).

Современный лоббизм всё чаще опирается на цифровые платформы и аналитику больших данных, что позволяет оперативно адаптировать коммуникационные стратегии и точно влиять на ключевые решения. В этих условиях эффективность института зависит от прозрачных реестров, регулярной отчётности и надёжных механизмов контроля, обеспечивающих баланс интересов бизнеса, общества и государства и укрепляющих доверие к демократическим процедурам. (табл. 2).

Таблица 2. Затраты на лоббирование интересов крупнейших потребителей лоббистских услуг за период с 2000 по 2024 г.¹⁰

Ранг	Потребитель лоббистской услуги	Расходы на лоббирование (млн долл.)
1	Торговая палата США	1 141 645 230
2	Медицинская ассоциация США	389 224 640
3	Национальная ассоциация риэлторов США	286 647 200
4	Ассоциация больниц США	264 257 311
5	Ассоциация пенсионеров США	228 489 023
6	Фармацевтические исследователи и производители США	250 466 420
7	General Electric	328 120 560
8	Exxon Mobil	223 712 349
9	Boeing Co	201 362 212
10	Lockheed Martin	285 122 235
11	Edison Electric Institute	197 798 963

⁹ Leading lobbying spenders in the United States in 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/257344/top-lobbying-spenders-in-the-us/>

¹⁰ Leading lobbying spenders in the United States in 2024 // Statista <https://www.statista.com/statistics/257344/top-lobbying-spenders-in-the-us/>

Заключение

Настоящее исследование дало возможность комплексно оценить институт лоббизма как механизм влияния на процесс принятия политических и экономических решений в современных демократических государствах. Системный сравнительно-правовой анализ продемонстрировал, что лоббизм является устойчивым элементом политического процесса, обеспечивающим взаимодействие между бизнесом, гражданским обществом и государственными органами.

Анализ практик США, где лоббизм достиг наибольшего уровня институционализации и прозрачности, выявил основные закономерности: обязательная регистрация лоббистов, детализированная отчетность и применение санкций за нарушения служат ключевыми факторами, обеспечивающими баланс интересов и минимизацию рисков непрозрачного влияния. Вместе с этим, обзор опыта ЕС, Канады, Великобритании, Австралии и Японии подтвердил наличие схожих тенденций к кодификации лоббистской деятельности и расширению форм взаимодействия, включая цифровые платформы и публичные консультации.

Структурный анализ показал, что основными субъектами лоббизма являются коммерческие корпорации, отраслевые и торговые ассоциации, за ними следуют общественные и экологические организации, профсоюзы и новые технологические сектора. Доля расходов и активность участников различных групп отражают степень их влияния и позволяют судить о приоритетах государственной политики. Профессионализация института, представленная созданием специализированных агентств, корпоративных подразделений и отраслевых ассоциаций, способствует упорядочению и стандартизации лоббистских практик. Болезненные для многих стран пробелы в российском законодательстве, связанные с отсутствием четкого определения лоббизма, реестра и механизмов ответственности, свидетельствуют о необходимости разработки комплексного правового регулирования.

Институционализация лоббизма на основе прозрачного отчетного механизма, четких нормативных требований и профессиональных стандартов является важным условием функционирования эффективной и легитимной системы взаимодействия между обществом, бизнесом и государством в современных демократиях.

Литература:

1. Автономов А.С. Азбука лоббирования. М., 2004.
2. Кумс К. Лоббизм и его регулирование: советы британского эксперта // Бизнес и политика. 1994. № 1.
3. Малько А.В., Субочев В.В. Лоббизм: проблемы правового регулирования. Пятигорск, 2003.
4. Субочев В.В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования. М., 2010.
5. Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007.
6. Birnbaum J. The Lobbyists: How Influence Peddlers Get Their Way in Washington. New York: Three Rivers Press, 1993.
7. Baumgartner F.R., Leech B.L. The Multiple Ambiguities of "Counteractive Lobbying" // American Journal of Political Science. Vol. 40. No. 2 (May 1996). P. 521–542.
8. Milbrath L. The Washington Lobbyists. Chicago: Rand McNally, 1963.

INSTITUTE OF LOBBYING: THE SPECIFICS OF FUNCTIONING, THE MAIN DEVELOPMENT TRENDS

Introduction. The article is devoted to the study of the institute of lobbying as an institutionalized mechanism of influence on political decision-making in modern democracies. Democracy is understood here as a political system that meets the criteria of

competitive elections, separation of powers, and protection of human rights. Lobbying is interpreted as targeted interaction between business structures, public authorities and civil society aimed at representing interests and developing legislative ini-

tatives in the public sphere. The paper provides a comparative legal and content analysis of the main models of lobbying activities (registry, consulting, hybrid and digital), examines legal regulation (laws of the USA, EU, Canada and regulatory gaps in the Russian Federation) and assesses the impact of lobbying on the stages of public policy development. Special attention is paid to a comparative analysis of practices in the United States, the European Union, and Russia, which revealed common principles of institutionalization and significant differences in transparency, accountability, and sanctions mechanisms.

Materials and methods. This study uses a set of methods, including a comprehensive literature review, case-by-case analysis, comparative analysis, study of legal norms, and statistical analysis. Initially, a systematic review of scientific publications, monographs and legislative acts on lobbying in Russia and foreign countries (USA, EU, Canada, Brazil, India) was conducted, which allowed to identify key conceptual approaches and existing gaps in the research. Further, based on reports on the Lobbying Disclosure Act (USA, 1995-2023), the EU Transparency Register and the Office of the Commissioner of Lobbying (Canada), specific examples of institutionalized lobbying were analyzed to understand the mechanisms of registration, reporting and control. A comparative analysis of various lobbying systems was carried out according to the criteria of transparency, formalization, administrative costs and flexibility, as well as an assessment of their effectiveness in influencing the process of public policy formation. To determine the scope and limitations of regulatory regulation, a detailed analysis of existing laws and regulations was performed, including the identification of the lack of a clear definition, participants and sanctions in Russian legislation. The statistical analysis of lobbying costs and their distribution by sector was based on open data from registers and annual reports of lobbying organizations, which made it possible to visualize the cost structure.

Results of the study. Institutionalized lobbying is one of the key mechanisms of influence on the political decision-making process in modern democratic states. Professional lobbyists and specialized lobbying organizations influence the formation of the state agenda in a wide range of areas, from economic, trade, and economic to environmental and social policy. An analysis of open registry data shows that

lobbying costs in the United States are continuously increasing, reaching USD 4.5 billion in 2023 (U.S. Senate, 2024), which indicates the increasing weight of corporate interests in the legislative process. Transparency of registration procedures and regular reporting, characteristic of the registry models of the USA and the EU, plays a critical role in ensuring a balance between public interests and the interests of individual groups. In countries with well-established legal frameworks (strict disclosure requirements, sanctions for reporting violations), lobbying demonstrates a higher level of legitimacy and public trust. At the same time, underestimating the role of control and insufficient mechanisms of sanctions can lead to excessive influence of narrow groups and the creation of corruption risks. The effectiveness of institutionalized lobbying is determined by the resources of the participants and the quality of legal regulation, transparency of processes and a strict system of responsibility for violations of norms.

Discussion and conclusion. The modern practice of institutionalized lobbying demonstrates its dual nature: on the one hand, lobbying contributes to the democratic process by providing legislators with expert data from business, science, and public organizations, and on the other, in the absence of a clear legal framework and control mechanisms, it can become a source of political corruption and opaque influence. In transitional and mature democracies, it is important to develop a comprehensive regulatory approach that includes mandatory registration of participants, disclosure of financial flows, and sanctions for reporting violations. Such a system provides a balance between legitimate representation of interests and avoiding the dominance of narrow groups. Lobbying, being an integral element of public policy, should be integrated into a unified legal architecture supported by accountability and monitoring mechanisms. Of particular relevance is the further study of lobbying practices in emerging democracies, where the lack of a tradition of transparency exacerbates the risks of corrupt influence and overcoming institutional barriers to effective representation of civil and commercial interests.

Nikita D. Kholin,
2-year Master's student, Faculty
of Management and Politics, Department
of World Political Processes,
MGIMO University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

лоббизм, органы государственной власти, принятие политических решений, гражданское общество, правовое регулирование, интересы финансово-промышленных групп, ТНК.

Keywords:

lobbying, public authorities, political decision-making, civil society, legal regulation, interests of financial and industrial groups, TNCs.

References:

1. Avtonomov A.S., 2004. Azbuka lobbirovaniya [The ABC of Lobbying]. Moscow.
2. Kums K., 1994. Lobbying and its Regulation: British Expert Advice. *Business and Politics*. № 1.
3. Malko A.V., Subochev V.V., 2003. Lobbizm: problema pravovogo regulirovaniya [Lobbying: Problems of Legal Regulation]. Pyatigorsk.
4. Subochev V.V., 2010. Lobbizm v Rossii: priroda, specifika, problem pravovogo regulirovaniya [Lobbying in Russia: Nature, Specificity, Problems of Legal Regulation]. Moscow.
5. Tolstyh P.A., 2007. GR. Praktikum po lobbizmy v Rossii. [GR. Practical Work on Lobbying in Russia]. Moscow.
6. Birnbaum J., 1993. The Lobbyists: How Influence Peddlers Get Their Way in Washington. New York: Three Rivers Press.
7. Baumgartner F.R., Leech B.L., 1996. The Multiple Ambiguities of "Counteractive Lobbying". *American Journal of Political Science*. Vol. 40. № 2. P. 521–542.
8. Milbrath L., 1963. The Washington Lobbyists. Chicago: Rand McNally.

**ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».**

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имуществом, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Политические системы стран мира
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы в других изданиях только с разрешения редакции, при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век» обязательна

© Право и управление. XXI век, 2025

 1 8 2 9	Отпечатано в Издательском доме МГИМО 119454, Москва, пр. Вернадского, 76 mgimo.ru/id print@inno.mgimo.ru
	Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,75. Подписано в печать 27.06.2025 г. Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 1494